ВЕРТЕРЪ.

ОПЫТЪ МОНОГРАФІИ

СЪ ПЕРЕВОДОМЪ РОМАНА ГЕТЕ

«СТРАДАНІЯ МОЛОДАГО ВЕРТЕРА.»

А. Струговщикова.

ПАМЯТИ

НИКОЛАЯ РОМАНОВИЧА РЕБИНДЕРА.

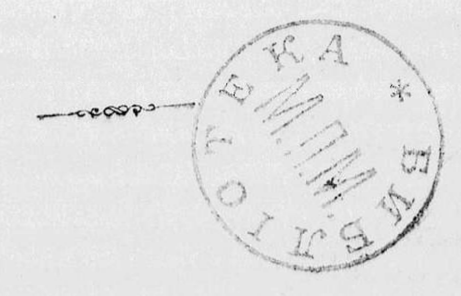
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1865.

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 17 Августа, 1865 года.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, у Круглаго рынка, № 5.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—



ВЕРТЕРЪ.

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Значеніе «Вертера». Его достоинства, какъ мотивы къ его монографіямъ. Богатство его литературы. — II. Совпаденіе «Вертера» съ переходною эпохой въ Германіи. Очеркъ главныхъ дѣятелей этой эпохи. Ея характеристика. Ложныя ученія. Творенія Спинозы. Лессингъ. Его значеніе; его судьба. Пагубное вліяніе англійской литературы. Позднѣйшіе на нее взгляды Гете. — III. Появленіе Гете. Отзывы о немъ Виланда. Ерузалемъ. Отзывъ о немъ Лессинга. Очеркъ Лейпцигскаго и Страсбургскаго періодовъ жизни Гете. Его болѣзни, душевное разстройство, самоугрызенія, разладъ со средою. Вліянія на него его матери, его сестры, Гердера, Лафатера, Мерка и твореній Спинозы. Начало реакціи. Ф. Якоби. Равнодушіе Фридриха II. Позднѣйшіе взгляды Гете на то время и на свои произведенія.—IV. Среда породившая «Вертера». Гете въ Вецларѣ. Его товарищъ Кестнеръ. Послѣдній характеризуетъ юнаго Гете и Шарлотту Буфъ. Любовь къ ней Гете и его дружба съ Кестнеромъ. Ихъ безпримѣрныя отношенія. Внезапный отъѣздъ Гете изъ Вецлара. Его письма къ Кестнерамъ. Самоубійство Ерузалема. Отзывъ Гете. Свадьба Кестнеровъ. Отчаянное положеніе Гете. Его борьба со средой и съ собою. Его письма къ ней, къ ея мужу Кестнеру и къ ея брату. Признаки умственнаго разстройства Гете. — V. Позднѣйшіе взгляды Гете на состояніе его духа въ то время. Взглядъ Монтескьё на самоубійство. Гете близкій къ самоубійству. «Вертеръ» какъ исходъ. Пріемы къ его исполненію. — VI. Появленіе «Вертера». Его безпримѣрный успѣхъ. Его противники. Пасквили, пародіи, восх-

валенія. Возмущеніе Кестнеровъ. Успокоительныя къ нимъ письма Гете. Нападки на него за «Вертера» возрастаютъ.—VII. Лили. Гете бѣжитъ въ Италію. Старая наперстница Лили. Письмо Гете къ Шарлоттѣ изъ Швейцаріи.—VIII. Гете въ Италіи. Тѣнь «Вертера» преслѣдуетъ его. IX. Отзывы Наполеона, г-жи Сталь и нѣкоторыхъ историковъ и литераторовъ о «Вертерѣ». Свидѣтельство Шлоссера.—X. Заключеніе.

Mag jener dünkelhafte Mann
Mich als gefährlich preisen;
Der plumpe der nicht schwimmen kann,
Er will's dem Wasser verweisen...»

Goethe.

«Вертеръ» какъ романъ, какъ выраженіе личной любви, давно потерялъ то значеніе, которое преимущественно доставило ему общую извѣстность; тотъ же «Вертеръ», какъ проявленіе сильнаго духа, высшихъ человѣческихъ стремленій, знаменательнѣе и долговѣчнѣе, нежели многіе думаютъ; порожденный своимъ вѣкомъ и въ свою очередь сильно на него вліявшій, онъ былъ явленіемъ историческимъ [1]). Сила, правда, теплота, человѣчность, вотъ достоинства «Вертера», побудившія переводчика къ его монографіи. Читатель знакомый съ «Вертеромъ» найдетъ здѣсь нѣкоторыя интересныя разрѣшенія; а незнающій его сдѣлаетъ хорошо, если прочтетъ ее послѣ самаго романа.

Литература «Вертера» чрезвычайно обильна и богатый

---

[1]) «Появленіе Вертера сдѣлало эпоху не въ одной исторіи литературы, но въ образѣ мыслей и обычаяхъ страны». Goethe und sein Jahrhundert, v. Rehberg. 1853, S. 16. Взгляды на «Вертера» г-жи Сталь, Наполеона 1, Вальтера Скотта, Шлоссера, Гервинуса и другихъ историковъ будутъ приведены ниже.

выборъ изъ матеріаловъ, нынѣ очищенныхъ отъ всѣхъ не-
доразумѣній, къ нашимъ услугамъ; тѣмъ не менѣе, по-
слѣдняго слова о «Вертерѣ» еще не сказано, его суть, ка-
жется, несовсѣмъ еще понята. Извѣстно, что сначала ослѣ-
пленіе автора въ слѣдствіе необычайнаго успѣха его романа,
а потомъ апатія, въ слѣдствіе утомительной борьбы, помѣ-
шали ему самому видѣть въ настоящемъ свѣтѣ это лучшее
его дитя. Предразсудки, зависть, вообще враждебные духу
«Вертера» элементы довершили хаосъ взглядовъ на него.
Конечно, въ библіографіи «Вертера» найдутся и свѣтлые
взгляды и замѣтки вѣрныя; но ни одна о немъ моно-
графія не выдержитъ критики, если ей поставить условіями
наглядную группировку фактовъ въ связи съ послѣдова-
тельнымъ ихъ изложеніемъ. Пользуясь богатствомъ ма-
теріаловъ, переводчикъ высказываетъ здѣсь, какъ авторъ
этого обозрѣнія, все что связываетъ языкъ въ отдѣльныхъ
примѣчаніяхъ; при этомъ не скроетъ онъ и давнишняго
желанія — смягчить фактическими указаніями нѣкоторыя
нарѣканія на Гете, встрѣтившія свой отголосокъ и у
насъ [2]).

Появленіе «Вертера» совпало для Германіи съ ея пере-
ходнымъ временемъ, съ одною изъ сильнѣйшихъ литера-
турныхъ реакцій, — съ борьбой за нравственныя и поли-
тическія идеи, начавшейся до него и продолжающейся по
нынѣ — съ эпохой, которую исторія Германіи назвала

---

[2]) Что говоритъ о немъ Берне, то хотя и желчно, но имѣетъ
еще свои основанія; многое высказанное Менцелемъ отвратительно
и какъ ложь и какъ самохвальство остроуміемъ; а г. Берліозъ и
tutti quanti сдѣлали бы хорошо, еслибъ не говорили о томъ, чего
не знаютъ.

*

Sturm-und-Drang-Periode.—Извѣстно, что передовые бойцы этой эпохи едва не сдѣлались жертвами ихъ общаго врага—обскурантизма. Ферула плодовитаго педанта Годшеда, теоріи Бате и Зульцера, бредни Земмлера и Михаэлиса, дарованія Лафатера, Базедова, Гердера и Мезера, таланты Клопштока, Фосса, Бюргера и Виланда представляютъ съ живымъ еще духомъ Лейбница и Спинозы элементы до того разнообразные, что раціональная оцѣнка ихъ невозможна.

Три фигуры этого періода особенно бросаются въ глаза и поражаютъ строгостью и величавостью своихъ контуровъ: только-что отошедшій въ вѣчность, стоявшій отдѣльно Винкельманъ, а за нимъ Лессингъ и едва выступившій Гете; но они слишкомъ тѣсно связаны со множествомъ блуждающихъ во мракѣ метафизическихъ и ложныхъ ученій; послѣднія еще слишкомъ вліятельны и даровитѣйшіе историки той эпохи или теряются въ ея лабиринтѣ или выходятъ изъ него только путемъ искусственныхъ пріемовъ и фразъ. Наслѣдственная рутина и авторитеты извѣстнаго закала еще въ полномъ ходу и прежде чѣмъ Кантъ выработаетъ свою «Критику чистаго разума», прежде чѣмъ взойдутъ два Веймарскія свѣтила, Германія, чреватая своими мыслителями и учеными, переживетъ пытку умственнаго самомученія. Страна, черезъ полстолѣтія славная въ общей исторіи цивилизаціи, остается чужда тѣмъ даже успѣхамъ естествознанія, тѣмъ освѣжающимъ общественный духъ открытіямъ и изслѣдованіямъ, которыми славились уже тогда французскіе, англійскіе и шведскіе ученые. Слабая сторона картезіанской философіи смущала и тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые способны были понимать Спинозу, сначала послѣдователя Декарта, а

потомъ самостоятельнаго мыслителя,—въ его классической Иѳикѣ. Гроза анаѳемы надъ нимъ носилась еще въ воздухѣ и давила всякое проявленіе свободнаго слова. Могучій умъ геніальнаго Лессинга пробуждаетъ по временамъ болѣе свѣжія силы отъ усыпленія и дурмана; но жертва страстей и среды, онъ изнемогаетъ, между тѣмъ какъ оды Клопштока, идилліи Гесснера, Агатоны и Музаріоны Виланда смягчаютъ все черствое педантизма и филистерства. Шиллеръ и Жанъ-Поль только что вышли изъ пеленокъ, а ученые, прославившіе Германію, не думали еще и родиться. Словомъ, успѣхи наукъ съ ихъ Гумбольдтами, успѣхи философіи съ ихъ Гегелями были впереди, а матеріалистическія ученія, незнавшія еще закона Лавуазье, только пугали умы. Теологическія диспутаціи и метафизика шли объ руку съ ложными ученіями и, въ то время какъ алхимія и астрологія отходятъ ad patres, обществу готовится новая доза пыли въ глаза: отъ эмпирической психологіи и мистицизма не ушли даже тѣ дѣятели, которые призваны были бороться съ предразсудками вѣка; чего же было ждать отъ германскихъ филистеровъ? ихъ робкая мысль все болѣе и болѣе откланялась отъ прямаго пути и общему недугу недоставало только продѣлокъ новѣйшихъ спиритовъ. Правда, еще съ начала XVII столѣтія, наслѣдники Декарта и Лейбница готовили съ Яковомъ Бемомъ, со Спинозой и позднѣе съ Кантомъ, великія услуги человѣчеству въ ихъ спекулятивныхъ обобщеніяхъ, а въ Веймарѣ подготовлялась эпоха такъ называемаго литературно-эстетическаго образованія; но философскія системы и эстетическія теоріи не бьютъ живымъ ключемъ, не встаютъ зарей новой жизни. Не было даже помощи извнѣ. Вольтера нѣмцы боялись и почти вовсе не читали. Руссо только что высту-

пилъ въ печати и въ плохихъ переводахъ воспринимался туго, а Дидро, знавшій и понимавшій нѣмцевъ, стоялъ для нихъ слишкомъ высоко, чтобы быть понятымъ ими [3]). Богатая-же англійская литература, какъ увидимъ ниже, оказала услуги пагубныя. Ко всему этому, на германской почвѣ развилась та романическая, слезливая сантиментальность, которая въ плохихъ и бездарныхъ подражаніяхъ «Новой Элоизѣ» Руссо и «Сантиментальному путешествію» Іорика Стерна, безъ обаятельной правды Жанъ-Жака, безъ освѣжительнаго британскаго юмора, довели нѣмецкую женщину до нервнаго разстройства. Поле патологическихъ наблюденій расширилось, но современникамъ Фридриха II было отъ того не легче. И, странное совпаденіе человѣческой мысли — англійская литература даетъ именно въ это время нѣсколько образцовъ, которые дѣйствуютъ на нѣмцевъ тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ обаятельнѣе было ихъ вліяніе. Естественно, что и обратное дѣйствіе нѣмецкаго ума на умъ англійскій было непосредственно. То и другое состоитъ съ эпохой «Вертера», съ эпохой о которой говоримъ, въ такой тѣсной связи, что слѣдующіе взгляды на характеръ англійской литературы будутъ здѣсь не лишними:

«Наблюденія надъ подобными явленіями, быть можетъ, не привели бы германское юношество къ пагубнымъ крайностямъ, не подоспѣй въ то время вліяніе англійской литературы съ ея меланхолическимъ направленіемъ. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, англійская поэзія обладаетъ

[3]) Sein Standpunkt war schon zu hoch, sein Gesichtskreis zu weit, als dass wir uns hätten zu ihm stellen u. an seine Seite setzen können.» Goethe's Werke. Stut. u. Tüb. 1829, B. 26; S. 64.

исключительнымъ свойствомъ питать ощущенія скорби. Даровитый британецъ, окруженный величавыми явленіями природы, съизмала изощряетъ на нихъ свои силы. Рано или поздно, онъ сознаетъ необходимость противупоставить ея препятствіямъ все свое благоразуміе [4]). Наименѣе имъ руководимые, неосторожные дѣти поэзіи приходятъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ бурной молодости, къ разочарованію, къ грустному приговору: суэта суэтъ! Сердечные юноши, они часто посвящаютъ себя занятіямъ не по сердцу и дѣйствуютъ въ жизни, въ парламентѣ, при дворѣ, въ посольствахъ, съ бо́льшимъ или мѐньшимъ успѣхомъ общеполезно, но пагубно для себя, испытывая на себѣ и на другихъ превратности судьбы; не мало ихъ въ изгнаніи, въ заточеніи, въ загонѣ, не рѣдко безъ хлѣба, безъ крова!

«Одно впечатлѣніе такихъ превратностей пробуждаетъ въ человѣкѣ чувство серьезное, а это чувство приводитъ его къ сознанію тщеты и преходимости вещей міра сего. Нѣмецъ по своей природѣ уже серьезенъ и англійская поэзія пришлась ему по душѣ; исходившая изъ положеній возвышенныхъ, она была ему по плечу и дѣйствовала на него сильно, вліятельно. Въ ней встрѣчаемся съ умомъ могучимъ, испытаннымъ, съ чувствомъ глубокимъ и нѣжнымъ, съ убѣжденіемъ непоколебимымъ, съ увлеченіемъ страстнымъ; словомъ, со всѣми превосходными качествами человѣка образованнаго, званія homo sapiens достойнаго. Но какъ бы ни была драгоцѣнна совокупность тѣхъ качествъ тѣхъ достоинствъ, они не состовляютъ еще поэзіи. Истин-

[4]) Мысль превосходно развитая Боклемъ до общеисторическихъ размѣровъ.

ная поэзія возвѣщается тѣмъ, что она смягчаетъ, безсознательно и незамѣтно, скрытымъ въ ней духомъ радости и веселія, все черствое повседневности и сдерживаетъ гнетъ удручающихъ насъ земныхъ условій. Подобно аэростату, она насъ уноситъ съ прирожденнымъ намъ балластомъ въ высшую область, раскрывая передъ нами, а vol d' oiseau, спутанные и сокрытые отъ приземнаго глаза пути нашего земнаго поприща. Смягчать удрученія скорби, сдерживать грубые порывы увлеченій, болѣе или менѣе счастливыми представленіями, вотъ цѣль какъ легкихъ, такъ и серьеозныхъ произведеній поэзіи [5]). Стоитъ только вникнуть съ этой точки въ большинство англійскихъ, морально-дидактическаго характера, стихотвореній, чтобъ убѣдиться, что въ общемъ ихъ итогѣ преобладаетъ таже тема, тема пресыщенія жизнію. Не только Юнговы ночныя думы, въ которыхъ она звучитъ преимущественно, но всѣ почти англійскія, въ стихотворной формѣ, созерцанія — неуспѣешь опомниться — уносятъ тебя въ ту печальную область, гдѣ встаетъ передъ умомъ вопросъ, котораго мы разрѣшить не въ силахъ. Цѣлые томы можно было бы наполнить комментаріями къ тексту одного четырехстишія:

Then old Age and Experience, hand in hand,
Lead him to deathe, and make him understand,
After a search so painful and so long,
That all his life he has been in the wrong. [6])

[5]) Опредѣленіе краснорѣчивое, но слишкомъ общее, слишкомъ конкретное.

[6]) «Старчество и опытъ, рука объ руку, доводятъ его до могилы, заставляя понимать послѣ тяжкихъ и продолжительныхъ поисковъ, что вся его жизнь была одна ошибка.»

«И далѣе, при распаденіи англійскаго общества на партіи, необходимость примкнуть къ одной изъ нихъ, не рѣдко съ уступками въ убѣжденіяхъ, разжигаетъ у англійскихъ литераторовъ чувство ненависти и даетъ ихъ произведеніямъ желчное направленіе. А какъ такой литераторъ не имѣетъ возможности говорить открыто въ пользу дѣла, которому преданъ, потому что навлекъ бы гоненіе на себя и на свою партію, то онъ вымѣщаетъ требованія своего таланта на противникахъ и, изображая ихъ въ черныхъ до нѣльзя краскахъ, изощряетъ, даже отравляетъ орудія юмора и сатиры. Сообщится ли такое расположеніе духа обѣимъ враждующимъ сторонамъ, межлежащій міръ бываетъ разрушенъ, униженъ до того, что нерѣдко дѣятельныя, разумныя силы народнаго собранія являютъ только грустное смѣшеніе полуумія и сумасбродства. Англійскія стихотворенія нѣжнаго характера, и тѣ носятъ отпечатокъ грусти, и у тѣхъ въ основаніи печальная тема. Тутъ изнываетъ брошенная дѣвушка, тамъ тонетъ въ волнахъ влюбленный юноша, прежде чѣмъ спасетъ свою возлюбленную. Если доровитый поэтъ, какъ Грэй, расположится на кладбищѣ, онъ можетъ быть увѣренъ, что кругъ друзей его меланхоліи будетъ многочисленъ. И когда геніальный Мильтонъ строитъ лиру, онъ сильными стихами предпосылаетъ своей фантазіи Аллегро [7]) или нѣсколько аккордовъ, чтобы расположить къ себѣ слушателя. Даже веселый Гольдсмитъ отдается элегическимъ помысламъ, когда его Deserted willage рисуетъ намъ кистію его Traveller'а милый, но печальный рай, по которомъ онъ напрасно томится здѣсь.

[7]) Небольшая поэма Мильтона, предпосланная имъ «Потерянному раю».

«Почти всѣ англійскія произведенія веселаго характера принадлежатъ уже позднѣйшей эпохѣ; а немногія современныя клонятся къ сатирѣ и говорятъ о женщинахъ не безъ примѣси желчи» [8]).

Это печальное, выраженное здѣсь въ общихъ чертахъ, направленіе англійской литературы совпадаетъ съ болѣзненнымъ настроеніемъ общественнаго духа въ Германіи и дѣйствуетъ на нее тѣмъ пагубнѣе, что нравственная эпидемія одной страны находится въ контактѣ съ эпидеміей другой.

Въ самый разгаръ очерченной выше эпохи (1765—1768), молодой Лейпцигскій студентъ, Вольфгангъ Гете, живо проходитъ первыя ступени ученаго поприща, расхаживаетъ по сосѣднимъ полянамъ и насвистываетъ свои безсмертныя пѣсни. Года черезъ три онъ озадачитъ Виланда сатирой [9]), оцарапаетъ его фарсомъ; но гофмейстеръ Виландъ добрый сорока-лѣтній старикъ: «молодость—думаетъ — забіяка», назоветъ его «дивнымъ, божественнымъ юношей, обуявшимъ его съ первой встрѣчи теплотой и свѣтомъ», назоветъ себя «чурбаномъ въ сравненіи съ нимъ» [10]) и отвѣтитъ Knittelvers'ами:

Вдругъ, юный чародѣй межъ нами!
Красавецъ съ головы до пятъ,
Невѣдомыхъ полнъ обаяній!
Черныя очи, божественный взглядъ:

---

[8]) Goethe's Werke. Stut. u. Tüb. 1829, B. 26; S. 211, 233.
[9]) «Боги, герои и Виландъ». [10]) Werther u. s. Zeit, v. Appell. 1865, S. 215.

Я мысли владыка!—говорятъ.
Той игры природы, той силы верховной
Никто не знавалъ; но никто не смущенъ;
Каждый только сказалъ: это онъ!
И съ перваго взгляда, король нашъ духовный,
Онъ наши сердца къ себѣ привязалъ,
Намъ образцомъ человѣка предсталъ:
Примѣсей чуждъ, лишь разуму внемлетъ,
Природу шутя, какъ мать объемлетъ;
Иметъ человѣка, былинку, тварь,
И въ цѣломъ царитъ, какъ истый царь! [11]).

Несчастный юноша! прежде чѣмъ онъ обниметъ Виланда, сколько горечи, сколько скорби онъ извѣдаетъ! но что́ горечь, что́ скорбь передъ злѣйшимъ изъ враговъ, передъ самимъ собой? Не успѣлъ онъ освѣжить знаніями тоску семнадцати-лѣтняго сердца, какъ новое испытаніе сторожитъ его на порогѣ жизни...

Въ тоже время, другой Лейпцигскій студентъ, по имени Ерузалемъ [12]), также расхаживаетъ по полямъ; но не утренней зарей, а въ ночи, при свѣтѣ луны, вѣчной наперстницы скорбящихъ.

Такимъ образомъ, когда одинъ выходитъ въ поле, а другой возвращается въ городъ, знакомые незнакомцы встрѣчаются. —«Бѣдный юноша, —восклицаетъ Гете — онъ влюбленъ!»

Студенческія экскурсіи Ерузалема приводятъ его въ каникулярное время въ Вецларъ, близъ высотъ Гарца. Здѣсь

---

[11]) Ibid. S. 214. [12]) Род. въ 1745 г., сынъ духовнаго лица, вице-президента Вольфенбюттельской консисторіи и авторъ изданнаго знаменитымъ Лессингомъ сочиненія «Философическія размышленія» Брауншвейгъ. 1776, in 8.

онъ влюбляется въ прекрасную Елизавету Гертъ, рожденную Эггель. Съ окончанiемъ учебнаго курса, онъ получаетъ мѣсто секретаря при сублегатѣ Гефлерѣ [13]) и въ февралѣ 1771 года прiѣзжаетъ туда на жительство. Сначала романъ идетъ своимъ порядкомъ; но 30 октября 1772 года за нимъ послѣдуетъ трагическая развязка. Въ предисловiи къ сочиненiю Ерузалема, Лессингъ говоритъ о немъ: «Онъ шелъ скоро, жилъ мало; но долго жить, не значитъ много жить, и если много мыслить, значитъ много жить, то пожалѣемъ о его преждевременной кончинѣ. Я подружился съ нимъ при самомъ вступленiи его въ свѣтъ; безъ году недѣля длилась наша дружба; а между тѣмъ другаго не полюбишь такъ и въ многiе годы. Правда, я узналъ его коротко только съ одной стороны, но это была та сторона, по которой можно судить и о всѣхъ прочихъ. То было горячее стремленье къ ясному уразумѣнiю вещей, способность—дознавать истину въ ея сокровеннѣйшихъ притонахъ. То былъ духъ холоднаго наблюденiя, но духъ теплый и тѣмъ драгоцѣннѣйшiй; духъ, не смущавшiйся, въ погоняхъ за истиной, ея уклоненiями; несомнѣвавшiйся въ ея безусловности, когда она окольными путями скрывалась отъ него. Какъ добръ, теплъ, дѣятеленъ былъ этотъ юный труженикъ, какимъ являлся онъ человѣкомъ между другими людьми, объ этомъ лучше знаютъ его друзья (Эшенбургъ и Готтеръ), и я охотою вѣрю имъ; пусть же и они повѣрятъ мнѣ, что если его душа пламенѣла рѣдко, скопляя свои силы и сдерживая ихъ, то его сочувственное сердце работало не въ ущербъ высшимъ способностямъ и стрем-

[13]) Его портретъ находимъ во второй части «Вертера», въ лицѣ посланника.

ленiямъ человѣчества, что эту дѣятельную голову столь же мало удовлетворялъ свѣтъ безъ тепла, сколько и тепло безъ свѣта.»

Тѣмъ временемъ Гете оставляетъ Лейпцигъ и переживаетъ третью эпоху жизни; но прежде чѣмъ перейдемъ къ ея частностямъ, взглянемъ на тѣ ея общiя проявленiя, которыя тогда ложились на него тяжелымъ гнетомъ. Дѣйствительно, первыя десять лѣтъ его молодости грозили ему пагубой, и хотя это время богато лучшими его произведенiями, хотя оно интересно и поучительно для каждаго юноши, для каждаго педагога, оно же ярко выражаетъ и то роковое условiе, по которому человѣкъ съ высокимъ призванiемъ достигаетъ своей цѣли только путемъ тяжкихъ испытанiй. За благопрiятной для его младенчества семейной средой, послѣдовали совпаденiя вредныя развитiю его духовныхъ и тѣлесныхъ силъ. Трагическое съ нимъ событiе передъ его отъѣздомъ въ Лейпцигъ [14]) и ложныя ученiя вышеочерченной эпохи дѣйствовали на его пылкiй и пытливый умъ въ такую пору, когда мы наименѣе соразмѣряемъ наши силы съ общими требованiями.

Разочарованiя его были тѣмъ пагубнѣе, чѣмъ воспрiимчивѣе была его высокая организацiя, чѣмъ неравнодушнѣе онъ былъ къ своимъ вѣрованiямъ. Понятiя того времени и почти вся его обстановка были ему столь враждебны и вмѣстѣ столь на него влiятельны, что онъ, недостигшiй еще двадцати лѣтъ, былъ нѣсколько разъ въ положенiи отчаянномъ, даже близокъ къ самоубiйству. [15])

[14]) Читатель найдетъ описанiе этого событiя въ концѣ очерка въ видѣ особаго приложенiя. [15]) См. ниже.

Къ душевному разстройству присоединилось и разстройство физическое. Потрясенное событіемъ, совпавшимъ съ окончаніемъ его домашняго образованія, оно усилилось и послѣ Лейпцигскаго періода, вліяніями вредными его пониманіямъ пророды и жизни. Грудь его была разбита паденіемъ съ лошадью, постоянная опухоль шеи и до нѣльзя испорченный желудокъ, развивали въ немъ иппохондрію, и тò, чему онъ «несъ свою добрую волю, весь пылъ юнаго сердца», то обмануло его. Изъ Лейпцига возвращается онъ въ руки суроваго отца, который требовалъ отъ него почти невозможнаго и одобрялъ въ немъ только успѣхи, которымъ сочувствовалъ самъ, въ занятіяхъ художественныхъ, юридическихъ и канцелярскихъ. Высшее академическое его образованіе въ Страсбургѣ и вообще все время его тамъ пребыванія были ему благопріятнѣе; прекрасный климатъ и очаровательная природа Эльзаса возстановили его здоровье [16]. Знакомство съ медициной и сравнительной анатоміей отрезвило его отъ эмпирико-психологическихъ галлюцинацій; а знакомство—не скажемъ съ Гердеромъ—скажемъ лучше съ Сезенгеймской Фредерикой и ея отцомъ, оставило бы въ немъ впечатлѣнія земнаго рая, если-бы демонъ не вмѣшался въ игру и не наполнилъ его душу пытками самоугрызеній. Онъ высказалъ ихъ болѣе нежели во всеуслышаніе; онъ запечатлѣлъ ими два дѣйствующія лица своихъ драмъ того времени. «Въ то время удручала меня скорбь о положеніи Фредерики и двѣ черныя фигуры, которыя узнаемъ въ «Вейслингенѣ» и «Клавиго» были, конечно, порожденіемъ того демона, который тогда преслѣдовалъ меня» [17])—говоритъ онъ въ своихъ запискахъ.

[16]) Goethe's Werke; ib. B. 26; S. 91. [17]) Ib. B. 26; S. 120.

И вотъ онъ вторично возвращается къ отцу, съ диссертацієй [18]) на доктора юриспруденціи, съ богатымъ запасомъ знаній, съ произведеніями увѣнчавшими его имя; но снова поставленный въ противорѣчіе съ напоромъ времени и со всей его обстановкой, онъ опять на краю гибели.

Предразсудки, заблужденія вѣка еще столь сильны, что онъ готовъ повторить Лейпцигскую катастрофу, когда въ припадкахъ отчаянія сжегъ бо́льшую часть своихъ произведеній, чертежей, рисунковъ, вообще все, что составляло умственный плодъ его молодости [19]). И—несчастное совпаденіе!—года черезъ два сгорѣли въ городскомъ пожарѣ и его работы Страсбургскаго періода, при чемъ уцѣлѣлъ только «Гецъ ф. Берлихингенъ» и нѣсколько сценъ изъ «Фауста» и «Эгмонта», ходившихъ по рукамъ Гердера, Лафатера и Мерка.

Тучи, обложившія умственный горизонтъ Германіи, сгущались надъ его головой по мѣрѣ того, какъ онъ становился извѣстенъ и привлекателенъ своими произведеніями и своею личностью. «И вотъ наступило разочарованіе, и за сомнѣніемъ въ достоинства тѣхъ, которыхъ я считалъ лучшими и достойнѣйшими, настало отчаяніе» [20]). Въ особенности одолѣвали его въ эту тяжелую годину (Sturm-und-Drang-Periode) теоріи теологическія и общества вторгавшіяся въ дома, въ семейства, и отъ которыхъ не избѣгнулъ и его родительскій домъ. Хаотическое смѣшеніе ихъ понятій пугало его свѣтлый умъ и отвращало его отъ всякаго фарисейскаго про-

[18]) Тема диссертаціи: «Законодатель не только имѣетъ право, но и призванъ установить культъ, обязательный какъ для духовенства, такъ и для гражданъ.» Ib. B. 26; S. 42. [19]) Ib. B. 25; S. 108. [20]) Ib. B. 25; S. 128.

явленія; но проводники идей той эпохи не переставали работать надъ нимъ; каждый хотѣлъ видѣть въ немъ если не плодъ, то цвѣтъ своего вліянія и замѣчательнѣйшіе современники обращались съ нимъ какъ съ любимымъ дитятей вѣка. Болѣе другихъ погрѣшалъ въ этомъ отношеніи Гердеръ и кто знакомъ съ духомъ и слогомъ его произведеній, тотъ отличитъ и извѣстные вставочки его въ самомъ «Вертерѣ». По вліянію на Гете слѣдуетъ, послѣ Гердера, Лафатеръ, какъ обаятельная личность, какъ заманчивый цвѣтъ того времени. На бѣду, юный поэтъ былъ тогда въ сношеніяхъ и съ другими замѣчательными людьми, какъ Геллертъ, Клопштокъ, Базедовъ, Якоби, Клингеръ и проч.; но тѣ, которые были нужны ему, тѣ стояли далеко; люди болѣе новаго направленія, какъ Мезеръ и Якоби, сходились съ нимъ рѣдко. Удрученный славою Фридрихъ возился съ Вольтеромъ, со своими драбантами и со своей флейтой; онъ не хотѣлъ знать объ умственномъ движеніи Германіи, которая въ свою очередь отзывалась о немъ саркастически и даже не признавала въ немъ великаго полководца [21]). Виландъ воскрешалъ въ Веймарѣ времена Эллады, попусту тѣшилъ публику своей беллетристикой и не былъ еще знакомъ съ Гете. Современная и дорогая личность Лессинга оставалась, по странному капризу судьбы, совершенно въ сторонѣ; высокое къ нему уваженіе Гете и несвойственная послѣднему робость были причиной, что они разъѣхались даже въ тотъ единственный день, когда судьба, казалось, готова была ихъ сблизить. «Впослѣдствіи я былъ наказанъ за это, — говоритъ Гете — потому что мнѣ уже не суждено было увидѣть этого мною высоко уважаемаго и цѣнимаго человѣка» [22]).

[21]) Ib. B. 25; S. 129. [22]) Ib. B. 26; S. 179.

Еслибъ не равнодушіе Фридриха, еслибъ не горькая доля автора «Лаокоона»... но не много терпѣнія! добрые духи еще не исчезли съ лица земли; они протягиваютъ руку будущему автору «Вертера» и «Фауста». То были: его прямодушная мать, — отрада въ тревогахъ семейныхъ; его сестра Карнелія-Софія, натура высокая, съ нимъ тождественная, — олицетвореніе одной изъ строгихъ музъ, вызвавшихъ его слова:

> Въ разгаръ страстей, ты миръ низпосылала
> На юный пылъ, на все мятежное мое;
> Какъ вѣянье небесъ ты освѣжала
> Мое, въ палящій зной, горѣвшее чело... [23])

«Когда мнѣ приходилось думать объ ея судьбѣ, — говоритъ поэтъ — мысль видѣть ее домохозяйкой была мнѣ непріятна и я охотнѣе воображалъ ее настоятельницей монастыря или начальницей благотворительной общины. Для этого она была одарена всѣмъ; а въ томъ чего требуетъ свѣтъ, ей было отказано...» Онъ заключаетъ описаніе сестры словами: «прозорливый читатель, умѣющій прочесть между строками то, чего здѣсь ненаписано и что высказано только намекомъ, получитъ понятіе о томъ возвышенномъ чувствѣ, которое овладѣло мною, когда я пріѣхалъ новѣстить ее въ Эмендингенъ».

За нею выступаетъ Меркъ, фигура сухая, желчная; но честная, съ здравымъ смысломъ и убѣжденіемъ, съ словомъ рѣзкимъ какъ ножъ: «Прошу такого дерьма не писать — говоритъ онъ, прочитавъ «Клавиго», — на это станетъ и другихъ». — «Мой Мефистофель» — говоритъ Гете и

[23]) Zueignung. Goethe's Werke. B. 1; S. 1. См. также Прим. 6 къ 1 Кн. «Вертера».

не разстается съ нимъ. Въ тоже время промчался, не безъ вліянія на юнаго поэта, геній рано умершаго Ленца и улыбнулись ему прекрасныя личности Геллерта и Клингера. Но успѣшнѣе всего борется за него и работаетъ надъ нимъ — духъ твореній Спинозы [24]).

«Развернувъ однажды — говоритъ Гете — посмертныя творенія этого замѣчательнаго мыслителя, я живо вспомнилъ ихъ первыя на меня впечатлѣнія и прежде чѣмъ припомнить частности текста, я началъ его перечитывать, побуждаемый чувствомъ благодарности; никогда не являлась мнѣ природа въ такомъ ясномъ свѣтѣ, какъ въ то время, когда я изучалъ (въ Иоикѣ Спинозы?) самаго себя» [25]).

Описывая время передъ своимъ отъѣздомъ въ Вецларъ, онъ говоритъ:

«Изъ совпаденія столь различныхъ вліяній, страстей, стремленій и идей, во мнѣ могло тогда развиться только предвкушеніе того, что выразилось яснѣе впослѣдствіи»... но что меня особенно привязывало къ Спинозѣ, — это безграничное самоотверженіе, одушевляющее каждую его тему. Полное безкорыстіе, преимущественно въ любви и дружбѣ, было моею высочайшею радостью, моимъ принципомъ, моимъ задушевнымъ стремленіемъ, такъ что его позднѣйшее слово: «если я люблю тебя, какое тебѣ до этаго дѣло?» — казалось, вылилось изъ моего сердца. Всепримиряющее спокойствіе Спинозы контрастировало съ моими всеиспытующими побужденіями, а его математическій методъ укрощалъ піитическія представленія моей

[24]) Спиноза умеръ, жертвою умственныхъ напряженій, въ 1677 г. 45 лѣтъ. «Ученикъ (послѣдователь) Декарта, онъ дошелъ путемъ раввинской и математической культуры до высотъ самостоятельнаго мышленія.» Ib. B. 48; S. 11. [25]) Ib. B. 48; S. 9.

горячій фантазіи, и именно эта точность, опредѣлительность въ его работахъ, она-то и сдѣлала меня его страстнымъ ученикомъ, его горячимъ поклонникомъ...

«И вотъ началась реакція; все пришло въ броженіе и кипѣніе. Ф. Якоби, которому я прежде всѣхъ указалъ на этотъ хаосъ и который также былъ смущенъ во глубинѣ души, принялъ мое указаніе къ сердцу, отвѣчалъ мнѣ съ тою же откровенностью и старался согласить меня на избранную имъ дорогу [26]) .. А какъ онъ въ философіи, въ изученіи Спинозы былъ дальше меня, то это духовное сродство было для меня ново и возбудило во мнѣ страстное желаніе къ дальнѣйщему сближенію. Ночью, когда мы разошлись по своимъ комнатамъ, я не могъ успокоиться и снова вошелъ къ нему. Молча дѣлясь мыслями, мы встали у окна; полная луна дрожала на зыбяхъ широкаго Рейна и мы исполнились высокаго предчувствія той эпохи возрожденья, которая осуществилась вскорѣ такъ блистательно». [27])

Не менѣе знаменательными, по взгляду Гете на то время, являются послѣднія слова только что изданнаго имъ тогда «Геца ф. Берлихингена», слова, которыми поэтъ какъ бы предостерегаетъ современниковъ отъ угрожавшаго имъ зла: «Бѣдствіе совершилось! сердце народа ступило на пометъ и ни къ какому высшему побужденію болѣе не способно.»

«Событіе, страсть, наслажденіе, мука — говоритъ онъ въ своихъ дополнительныхъ афористическихъ запискахъ — составляютъ характеристику того періода моей жизни (1769 — 1773). «И далѣе, въ томъ же критеріумѣ надъ собой и своими произведеніями, онъ выражается такъ: «чувствуется необходимость свободнѣйшихъ формъ и я придерживаюсь къ сторонѣ англійской (1774)», еще далѣе:

[26]) Ib. B. 26; S. 290, 291, 292. [27]) Ib loc. cit.

*

«обозначается безусловное желаніе отбросить всѣ ограниченія (1775)». [28])

Теперь, когда мы нѣсколько знакомы и съ вѣкомъ и съ тогдашнимъ душевнымъ состояніемъ автора, теперь мы можемъ перейдти къ тому обстоятельству, которое привело его въ Вецларъ и поставило его въ среду описанную имъ въ «Вертерѣ».

Въ то время, какъ метафизики и теологи проповѣдывають одно, событія жизни показываютъ другое; несчастный ихъ цвѣтъ выразился въ общемъ всѣмъ германскимъ государствамъ учрежденіи Visitations-Congress. Это было ни болѣе ни менѣе, какъ высшее судебное учрежденіе въ Вецларѣ, по множеству накопившихся уголовныхъ дѣлъ. «Двадцать тысячъ процессовъ—говоритъ Гёте—ждали своего рѣшенія, тогда какъ ежегодно рѣшалось только до шестидесяти». [29])

Если сообразимъ это показаніе съ духомъ времени, породившемъ такую массу зла, то придемъ къ убѣжденію, что ложь, подъ какими бы личинами благъ она ни являлась, даетъ въ конечномъ результатѣ сумму золъ, далеко превышающую сумму тѣхъ благъ. По поводу-то этого учрежденія Гёте былъ назначенъ, въ качествѣ юриста, однимъ изъ его секретарей, въ числѣ которыхъ находился и старшій его восемью годами Кестнеръ, будущій мужъ героини «Вертера».

Гёте пріѣзжаетъ въ Вецларъ весной 1772 года. Ему показываютъ колодезь и деревню Гарбенгеймъ, любимыя мѣста Ерузалема. Симпатіи одного къ этимъ уединеннымъ уголкамъ, къ ихъ очаровательнымъ окрестностямъ повторяются въ воспріимчивой душѣ другаго: тождество юныхъ думъ, желаній, стремленій, располагаютъ Гете къ идилліи и недостаетъ только героини — а она какъ сонъ въ руку. Въ такъ называемомъ Нѣмецкомъ домѣ живетъ въ Вецларѣ нѣкто совѣтникъ (Amtmann) Буфъ; онъ вдовъ, у него десятеро дѣтей; вторая его дочь Шарлотта, дѣвушка даровитая, красивая, замѣняетъ имъ мать; она обѣщана Кестнеру, но еще съ нимъ не помолвлена и ея отношенія къ нему благопріятствуютъ ежедневнымъ свиданіямъ ея съ Гете. Постоянно занятый и серьёзный Кестнеръ вполнѣ довѣряетъ ему и находитъ въ его талантахъ, въ его дружбѣ, богатый запасъ благороднѣйшихъ развлеченій для своей возлюбленной. Онъ не ошибался думая такъ и пострадалъ отъ этого не онъ, а его другъ. Кестнеръ характеризуетъ его такъ въ своемъ дневникѣ за 1772 годъ: [30])

[28]) Ib. Tag-und-Jahreshefte. B. 32, S. 3, 4, 5. [29]) Ibid. B. 26; S. 133.

[30]) Подробности знакомства и безпримѣрной связи Гете съ домами Буфа и Кестнера оставались долгое время загадочными и извращенными. Литературныя спекуляціи не замедлили и тутъ оказать свои плохія услуги. Но изданныя четвертымъ сыномъ героини «Вертера» (бывшимъ ганноверскимъ повѣреннымъ и министромъ резидентомъ въ Римѣ) письма Гете, его матери и его сестры къ Шарлоттѣ, къ ея брату и къ Кестнеру, ея мужу, вмѣстѣ съ выписками изъ его дневника и изъ писемъ его къ Геннингсу, его старому учителю, разрѣшили всѣ недоразумѣнія. Письма Кестнеровъ къ Гете сгорѣли съ другими его бумагами; но и уцѣлѣвшія свидѣтельства составляютъ томъ въ триста страницъ печатнаго текста. Рамки этого обозрѣнія вынуждаютъ меня ограничиться только немногими выписками изъ 142 №№ этихъ любопытныхъ документовъ, при чемъ сохраняю и ихъ синтаксическія, а мѣстами и орѳографическія ошибки.

«Весной пріѣхалъ сюда изъ Франкфурта нѣкто Гёте, по званію Doctor juris, 23 лѣтъ, единственный сынъ зажиточнаго отца. Слухъ о немъ распространился тотчасъ по его пріѣздѣ. Къ кругу литераторовъ я не принадлежу, а потому познакомился съ нимъ нѣсколько позднѣе и случайно. Готтеръ предложилъ мнѣ прогулку въ деревню Гарбенгеймъ, любимое мѣсто Гёте въ часы отдыха. Тамъ увидѣли мы его въ травѣ, лежащаго на спинѣ, подъ деревомъ. Онъ разговаривалъ съ обступившими его Гуэ, Кильмансхеггомъ и Кенигомъ, и былъ въ восторженномъ расположеніи духа. Позднѣе онъ мнѣ сказалъ, что такое начало знакомства было ему по̀-сердцу. Мы говорили о многомъ и весьма интересномъ. Такъ какъ я не скоръ на опредѣленія, то и вынесъ на этотъ разъ только убѣжденіе, что онъ человѣкъ необыкновенный. Я замѣтилъ въ немъ геній и чрезвычайно живое воображеніе; но этого мнѣ было мало, чтобы тогда же проникнуться къ нему чувствомъ высокаго уваженія. Прежде чѣмъ пойду далѣе, обрисую его по впечатлѣніямъ, которыя онъ произвелъ на меня впослѣдствіи. Онъ одаренъ большими талантами и истиннымъ геніемъ, онъ же и человѣкъ съ характеромъ. Рѣчь его изобилуетъ образами и сравненіями. Въ этомъ недостаткѣ онъ самъ сознается, говоря, что чувствуетъ какъ выражается неточно, но что надѣется съ лѣтами и яснѣе мыслить и яснѣе выражать свои мысли. Въ пріемахъ онъ скоръ и живъ; но имѣетъ и много власти надъ собой. Онъ мыслитъ благородно и совершенно чуждъ предразсудковъ; дѣйствуетъ какъ ему вздумается, не заботясь, что скажутъ другіе, и въ модѣ ли, согласно ли съ обычаями то, что онъ дѣлаетъ; всякое принужденіе ему ненавистно. Онъ любитъ дѣтей и можетъ долго заниматься

ими. Онъ причудливъ и страненъ (bizarre) и въ цѣломъ его наружности есть нѣчто, что можетъ съ непривычки показаться непріятнымъ. Но женщинамъ, дѣтямъ и многимъ изъ насъ онъ вообще нравится. Съ прекраснымъ поломъ онъ обращается съ большимъ уваженіемъ. Въ правилахъ (in principiis) онъ еще не установился, но стремится къ извѣстной ихъ системѣ. Онъ высоко цѣнитъ Руссо, но не слѣпой его обожатель. Онъ же и не то̀, что называется піэтистомъ; онъ вообще чуждъ всякаго тщеславія; о вопросахъ важныхъ онъ говоритъ вообще только съ весьма немногими; при чѣмъ никогда не мѣшаетъ высказываться другимъ; не любитъ скептицизма и стремится къ истинному, точному опредѣленію вещей. Думаетъ, что частію успѣлъ въ этомъ, но сколько я замѣтилъ, — еще нѣтъ. Въ..... и къ.... не ходитъ, отзываясь, что для этого не довольно лицемѣренъ. Иногда онъ спокоенъ на счетъ извѣстныхъ вещей, иногда нѣтъ. Онъ вѣритъ въ лучшую жизнь, въ лучшую будущность. Стремясь къ истинѣ, онъ болѣе цѣнитъ высокое чувство къ ней, нежели ея демонстраціи. Онъ сдѣлалъ уже много; богатъ познаніями, начитанностью; но еще болѣе мыслилъ и разсуждалъ. Онъ почерпаетъ пищу изо всѣхъ искусствъ и наукъ, за исключеніемъ такъ называемыхъ хлѣбныхъ.» Съ боку прибавлено: «Я думалъ нарисовать его, но вижу, что это очень трудно, потому что пришлось бы говорить слишкомъ много; словомъ, онъ человѣкъ необычайный и я бы не кончилъ, если-бы вздумалъ изобразить его вполнѣ». [31]) Далѣе, тотъ же Кестнеръ говоритъ въ своемъ дневникѣ, что Гёте познакомился съ его невѣстой на балѣ, на

[31]) Goethe und Werther. Briefe Goethe's, v. A. Kestner, 2 Auflage, 1855, S. 35, 39.

который и отвезъ ее съ другими дамами, такъ какъ самъ онъ, Кестнеръ, былъ задержанъ дѣлами и пріѣхалъ туда нѣсколькими часами позднѣе. «Гёте не зналъ — прибавляетъ онъ — что она уже не свободна; мы же съ Лоттой не имѣемъ привычки выказывать въ публикѣ наши отношенія и ограничиваемся только дружескимъ обращеніемъ. Гёте былъ бѣшено веселъ въ тотъ вечеръ (это случается съ нимъ рѣдко; онъ бо́льшею частію меланхоличенъ). Лотта овладѣла имъ совершенно, и это кажется потому, что она о томъ не хлопотала, будучи сама необыкновенно весела. На другой день онъ пріѣхалъ навѣстить ее въ домѣ ея отца. Наканунѣ она понравилась ему только со свѣтской стороны, а тутъ онъ былъ очарованъ ею со стороны домашней — съ ея сильнѣйшей стороны» [32].

Такъ началось для него лѣто 1772 года и четыре мѣсяца проведенные имъ въ Вецларѣ были, по его словамъ, и счастливѣйшими днями и началомъ большихъ тревогъ въ его жизни. Здѣсь-то образовался тотъ союзъ, котораго дѣйствующими лицами являются: онъ, Шарлотта, девятеро ея сестеръ и братьевъ, ея отецъ и Кестнеръ, впослѣдствіи ея мужъ. Два года спустя вышелъ изъ этого союза «Вертеръ», котораго первая книга есть ничто иное, какъ перифраза Гётевой автобіографіи за то время, а вторая — выраженіе его же мыслей и чувствъ, по поводу событій съ нимъ и съ Ерузалемомъ. Изо ста тридцати шести его писемъ къ Шарлоттѣ и къ Кестнеру приводимъ покуда только три, относящіяся ко времени его отъѣзда изъ Вецлара. «Черствое *ты* съ которымъ онъ обращался иногда къ Шарлоттѣ на словахъ и въ письмахъ, чего даже я себѣ не позволялъ, — говоритъ Кестнеръ — звучало хорошо въ устахъ того, кто былъ необыченъ, открытъ и смѣлъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ». [33])

[32]) Ibid. S. 41.

Часы счастья летятъ; лѣто коротко; наступаетъ осень; съ нею разсчетъ съ лѣтомъ. Страсть Гёте къ Шарлоттѣ растетъ; Кестнеръ становится въ положеніе критическое: или отказаться отъ Шарлотты или разстаться съ Гете; послѣдній борется съ собой; долгъ чести и дружбы берутъ верхъ; онъ внезапно уѣзжаетъ.

Гете къ Кестнеру. «*10 сентября 1772 года.* Онъ уѣхалъ, Кестнеръ, и когда вы получите эту записку, его болѣе здѣсь не будетъ. Передайте прилагаемую Лоттѣ. Я собрался было съ духомъ, но вашъ разговоръ разорвалъ мое сердце. Въ эту минуту могу вамъ сказать только — будьте счастливы. Еще минута и я несовладалъ бы съ собой. Теперь я одинокъ и на зарѣ уѣзжаю. О бѣдная моя голова» [34]).

Гете къ Шарлоттѣ; приложеніе къ предъидущему. «Конечно надѣюсь возвратиться, но Богъ знаетъ когда. Лотта, каково было у меня на́-сердце при твоихъ словахъ, когда я зналъ что вижу васъ въ послѣдній разъ. Не въ послѣдній, а все-же завтра уѣзжаю. Онъ уѣхалъ. Какой геній навелъ васъ на тотъ разговоръ. Когда я могъ выразить все что чувствую, ахъ я былъ прикованъ къ землѣ, я въ послѣдній разъ цѣловалъ вашу руку. Комната въ которую не возвращусь, и любезный вашъ отецъ проводившій меня въ послѣдній разъ. Теперь я одинокъ, и могу плакать, я оставляю васъ счастливыми, и останусь въ вашихъ сердцахъ. И увижу васъ, но не завтра тоже что

[33]) Ib. S. 19. [34]) Ib. S. 44.

никогда. Моимъ ребятамъ скажите онъ уѣхалъ. Я болѣе не могу [35])

Къ ней же; приложеніе второе. «11 сентября 1772 года. Все уложено; свѣтаетъ, еще четверть часа и меня здѣсь не будетъ. Забытыя мною картинки, которыя раздѣлите между дѣтьми, пусть послужатъ мнѣ извиненіемъ, Лотта, что пишу, тогда какъ какъ мнѣ не о чемъ писать. Вы знаете все, знаете, какъ я былъ счастливъ это время и я уѣзжаю къ хорошимъ, добрымъ людямъ, но зачѣмъ же отъ васъ. Такова судьба моя, что я къ сегодня, къ завтра и къ послѣ завтра не могу прибавить того, о чемъ такъ часто мечталъ. Сохраните всегда веселость духа, любезная Лотта, и будете счастливѣе тысячей; объ одномъ прошу, не будьте равнодушны; а я утѣшаю себя тѣмъ, что читаю въ вашихъ глазахъ убѣжденіе, что не измѣнюсь никогда. Прости, тысячу разъ прости.» [36])

Съ выѣздомъ Гете изъ Вецлара, страсть его къ Шарлоттѣ разгорается пуще; наступаетъ вторая драма его жизни. [37]) Она совмѣщаетъ въ себѣ чрезвычайныя проявленія его сердца, его борьбы съ собой, съ духомъ времени, его бѣгство въ Италію, и ея послѣднимъ актомъ можно считать его послѣднія письма къ Кестнерамъ, въ 1780-тыхъ и 1790-тыхъ годахъ, когда рѣзкія черты, характеризующія его молодость, смѣняются иными чертами, иными побужденіями—научными подвигами, жаждою славы. Вотъ отрывки изъ подлинныхъ свидѣтельствъ:

Изъ дневника Кестнера. «11 и 12 сентября 1772 года.

[35]) Ib. S. 75. При семъ fac-simile подлинника. [36]) Ib. S. 46.

[37]) Первая совершилась девятью годами ранѣе, когда автору было пятнадцать лѣтъ; она началась его знакомствомъ съ Гретхенъ и закончилась ея изгнаніемъ и отправленіемъ его въ Лейпцигъ. См. ниже.

Гете обѣдалъ съ нами въ саду; я не зналъ что это будетъ въ послѣдній разъ... Гете уѣхалъ сегодня въ 7 часовъ утра, не простившись съ нами.... вазвращаюсь изъ Диктатуры и нахожу его записку и книги.... я взглянулъ на нихъ и сказалъ: онъ уѣхалъ! и предчувствіе не обмануло меня. Цѣлый день ходилъ я какъ убитый.... дѣти твердятъ одно: докторъ Гете уѣхалъ!... его двѣ записки къ Лоттѣ отдалъ я ей послѣ обѣда; она прочла и прослезилась [38]) «*21 сентября 1772 г.* Я проводилъ до Франкфурта Борна и Гарденберга....» [39]) «*22 сентября 1772 года.* Прихожу къ Шлоссеру и нахожу тамъ Мерка и Гете. Гете бросился мнѣ на шею и едва не задушилъ меня....» [40]) ***Гете къ Кестнеру.*** «*25 сентября и 7 октября 1772 года.* Ей, ей, никогда не бываю я такимъ дуракомъ какъ въ то время, когда становлюсь разуменъ.... мнѣ нужны вецларскіе дни, а боги мнѣ отказываютъ въ нихъ.... о, они мастера на наказанія—и Танталъ,—доброй ночи. Тоже и силуэту Лотты.... Что дѣлаютъ мои ребята?... Завтра отправляю къ вамъ коленкоръ, Ученыя вѣдомости и картинки для моихъ ребятъ, чтобы досталось каждому что нибудь. Наши побранки съ теологами увеличиваются ежедневно.... сидѣть бы мнѣ у ногъ Лотты, а моимъ малюткамъ карабкаться бы на меня.... Будь я въ эту минуту въ Вецларѣ, я бы ей шепнулъ нѣчто, чего вамъ знать не слѣдуетъ.» [41]) ***Гете къ Лоттѣ.*** «*9 октября 1772 года.* Вашему доброму генію, золотая Лотта, внушившему вамъ мысль неожиданно обрадовать меня, говорю спасибо—и будь онъ черенъ какъ судьба—спасибо ему. Идя

[38]) Ib. S. 13, 14. [39]) Впослѣдствіи прусскаго министра, знаменитаго въ обще-европейскихъ борьбахъ и коалиціи противъ Наполеона. [40]) Ibid. S. 50. [41]) Ib. S. 52, 56, 57.

обѣдать, я поклонился вашему силуэту и вотъ подаютъ мнѣ за столомъ письмо съ вашимъ чуднымъ подаркомъ; распечатываю и скорѣй въ карманъ... Нѣтъ, Лотта, вы останетесь моей, и владыка небесъ, да пошлетъ онъ вамъ за это отъ лучшихъ своихъ благъ, а тому, которому отказываетъ въ нихъ теперь, пусть уготовитъ... а между тѣмъ хотѣлось бы часокъ съ вами побыть.[42] *Гете къ Кестнеру*. «11 *октября 1772 гада*. Увѣдомьте немедленно о слухѣ на счетъ Гуэ (слухъ, что онъ застрѣлился)... Оплакиваю человѣчество, а филистерамъ предоставляю дѣлать свои табачныя заключенія и говорить: ну, вотъ вамъ!... По сту разъ на день мечтаю и думаю о прошедшихъ дняхъ. Лотта, ребята мои... а вѣдь между нами только двѣнадцать часовъ разстоянія...»[43]

Въ ночи на 31 октября 1772 года застрѣлился въ Вецларѣ Ерузалемъ[44]. Кестнеръ немедленно увѣдомляетъ объ этомъ Гете; онъ отвѣчаетъ письмомъ безъ числа: «Несчастный Ерузалемъ. Извѣстіе было мнѣ неожиданно и ужасно. Несчастный. Паскудные люди, діаволы, живущіе одною мерзостью тщеславія, питающіе свои сердца изувѣрствомъ, проповѣдывающіе идолопоклонство, щемящіе добрую природу, портящіе и насилующіе наши средства, это они, да, они виноваты въ несчастіи, въ нашемъ несчастіи; побери ихъ чортъ, ихъ братъ! Прости мнѣ Богъ, если всему злу не пасторъ виной, сломи онъ себѣ шею какъ Илій...[45] *Изъ дневника Кестнера*: «*6 ноября 1772 года*. Вчера пріѣхали два друга изъ Франкфурта; Совѣтникъ

---

[42]) Подарокъ — пусовая лента. Ib. S. 58, 59. [43]) Ib. S. 60, 61.
[44]) Въ слѣдствіе fiasco его любовнаго объясненія и записки мужа Е. Гертъ, съ просьбой оставить его въ покоѣ. [45]) Ib. S. 66.

Шлоссеръ и докторъ Гете; первый по дѣламъ; второй повидаться съ друзьями[46]. «*10 ноября 1772 года*. Шлоссеръ и Гете отправились сегодня обратно во Франкфуртъ. Мы были все это время вмѣстѣ и я нѣсколько запустилъ свои дѣла[47]. *Гете къ Кестнеру*. «*12 ноября 1772* года... Получаю письмо отъ отца; что̀ если состарѣюсь и такимъ же буду; не буду любить хорошаго, добраго. Казалось бы, чѣмъ старше человѣкъ, тѣмъ бы ему быть свободнѣе отъ всего земнаго и мелкаго; а онъ все мельче, все приземнѣе. Видите до чего доводитъ меня болтовня; но знаетъ Богъ, одна необходимость — забыть въ бесѣдѣ съ вами — какъ, гдѣ и что̀ я... Когда подумаю о послѣдней поѣздкѣ въ Вецларъ и о томъ какъ я былъ принятъ — пріемъ полный любви — я спокойнѣе. Признаюсь, я боялся, потому что бывалъ уже разочарованъ въ подобныхъ случаяхъ. Везешь цѣльное, полное, теплое сердце и не находишь отвѣта на то̀ съ чѣмъ пріѣхалъ, вотъ, Кестнеръ, мученье адское. Вамъ же да пошлетъ Богъ всю жизнь такую, какими были для меня эти два дня у васъ... «*15 ноября 1772 года*. На ваше письмо, согрѣтое доброю памятью обо мнѣ, спѣшу отвѣтить, какъ обрадовало оно меня и какъ я васъ люблю. Лотта знаетъ, что можетъ быть откровенна съ вами на счетъ меня. Она остается тою же Лоттой, а я одинъ бѣдный чортъ не мели.»[48] *Изъ письма Кестнера къ Геннингсу*. «*18 ноября 1772 года*..., Осенью, за два года передъ симъ понесъ я съ Лоттой страшный ударъ.

---

[46]) Гете не увидится болѣе съ Кестнерами. Исключеніемъ будетъ только кратковременное его свиданіе съ Лоттой въ 1816 году, въ Веймарѣ, когда она была уже матерью многочисленнаго семейства. [47]) Ib. S. 68. [48]) Ibid. S. 70 — 74.

Лучшая изъ матерей, когда либо бывшихъ на свѣтѣ и какая только вообразима, внезапно заболѣла и умерла... Лоттѣ было тогда только 18 лѣтъ и не смотря на то, отецъ, старшая сестра, всѣ прочія дѣти, равно какъ и слуги въ домѣ, даже посторонніе немедленно признали въ ней главу семейства. И это совершилось молча, безъ обсужденій, какъ бы само собой.... Такова общая къ ней довѣренность, единодушное къ ней уваженіе. Съ самой той минуты какъ осиротѣлъ домъ; она взяла въ руки все, словно облечена была формальною властью, уполномочена на то долго обдуманнымъ убѣжденіемъ. Все обратилось къ ней, все стало послушно ея слову, малѣйшему ея желанію, даже намеку; всѣмъ казалось, что она наслѣдовала мудрость матери и она руководима ею по сей часъ. Она опора семейства, она его любовь, его уваженіе; она же и первый предметъ вниманія для каждаго переступающаго порогъ дома. Говорю вамъ безъ преувеличенія, она полу-чудо, которому полной цѣны не знаютъ ни она сама, ни ея домашніе... Она не красавица, но могла бы располагать толпою поклонниковъ и обожателей, старыхъ и молодыхъ, серьезныхъ и веселыхъ, умныхъ и дурковатыхъ. Но она умѣетъ съ перваго же раза внушить каждому, что онъ долженъ или ограничиться дружбой или искать спасенія въ бѣгствѣ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и тотъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ, о которомъ скажу нѣсколько словъ, потому что онъ одинъ сохранилъ вліяніе на насъ. Ему только 23 года, но по развитію духовныхъ силъ и познаніямъ, онъ мужъ въ полномъ смыслѣ слова.... Онъ геній, человѣкъ необычайный и съ большимъ характеромъ.... Наши общія симпатіи къ ней, наши ежедневныя, до изумительной откровенности бесѣды образовали между

мной и имъ такую тѣсную дружбу, что послѣ моихъ милыхъ Геннингсовъ онъ занимаетъ первое мѣсто на счету моихъ друзей. Его философія, его высокое природное достоинство не могли оградить его отъ огня страсти, но Лотта умѣетъ подавлять въ немъ всякую мысль, всякую надежду на обладаніе ею съ такимъ тактомъ, что его уваженіе къ ней превысило самую его страсть ... однако онъ лишился спокойствія; между нами произошли замѣчательныя, забавныя сцены; но каждая оканчивается тѣмъ, что моя любовь къ Лоттѣ, моя дружба къ нему, мое уваженіе къ имъ обоимъ, только развиваются и растутъ, и во мнѣ уже совершилась борьба, въ которой противниками были, съ одной стороны, мысль что она будетъ счастливѣе съ нимъ, съ другой, непреодолимое желаніе обладать ею; послѣднее взяло верхъ, и когда онъ замѣтилъ это, когда увѣрился, что Лотта мнѣ вѣрна, онъ увидѣлъ необходимость насилія надъ собой — и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ кратковременнаго отсутствія — уѣхалъ внезапно совсѣмъ, даже не простившись съ нами.... теперь онъ во Франкфуртѣ и мы бесѣдуемъ съ нимъ письменно... то надѣется онъ побѣдить себя, то замѣчаю изъ его писемъ, что мало надежды къ тому... недавно онъ вынужденъ былъ уступить своимъ чувствамъ и пріѣзжалъ на два дня къ намъ....[49])

Гете къ Кестнеру. «*21 ноября 1772 года.* Я въ Дармштатъ и въ Мангеймъ не поѣду, потому что Мерку встрѣтилось препятствіе... Что мы наконецъ вмѣстѣ, это такъ насъ радуетъ, мы такъ этимъ довольны, что я одинъ ни съ мѣста...[50]) «*29 января 1772.* Я пережилъ странные

---

[49]) Ib. S. 76—83. [50]) Ib. S. 84.

сутки; съ вечера наряжалъ я своихъ дамъ на балъ; страшная буря разбудила меня въ полночь; все ревѣло: все порывалось; я вспомнилъ о корабляхъ, объ Антуанеттѣ и моя цивилизованная постель улыбнулась мнѣ; едва я заснулъ, шумъ, гвалтъ, барабаны; вскакиваю, подхожу къ окну, вижу пожаръ; горитъ сильно, но далеко; я одѣваюсь и тамъ. Теперь въ головѣ пусто, какъ будто танцовалъ всю ночь и воображеніе рисуетъ мнѣ новыя картины. Какъ-то мои танцоры съ бала вернутся. Прощай милая Лотта, любезный Кестнеръ»[51]). *6 февраля 1773 г.*.. На конькахъ встрѣтилъ я и проводилъ я солнце; порадуйтесь; въ настоящую минуту я счастливъ какъ люди любящіе другъ друга, и также богатъ надеждами какъ влюбленные. Я даже пречувствовалъ нѣсколько стихотвореній и тому подобное. Кланяется вамъ моя сестра, мои дѣвочки и мои боги, а именно, Парисъ прекрасный съ права, золотая Венера съ лѣва и ихъ посолъ Меркурій, покровительствующій быстроногимъ; онъ мнѣ подвязалъ вчера свои божественныя подошвы, дивныя, златотканныя, носящія его надъ сушей и морями съ быстротою вѣтра. И всѣ эти милыя вещицы васъ благословляютъ съ Олимпа.»[52])

Со дня помолвки Кестнера съ Лоттой, Гете совершенно выходитъ изъ нормальнаго положенія и его письма принимаютъ драматическій характеръ; онъ мечется какъ благорѣлый; смѣется, страждетъ какъ полуумный и сквозь его нервозный юморъ, просвѣчиваютъ кровь и слезы.

Гете къ Кестнеру. Въ Мартѣ, 1773. «Непростительно и стыдно вамъ, что вы обошли меня коммиссіей на счетъ

[51]) Ib. 131—134. [52]) Ib. S. 135—136.

колецъ, какъ будто это не мое дѣло. На зло вамъ и чорту внушившему вамъ это, кольцы будутъ заказаны мною, и будутъ они хороши какъ вѣнцы избранныхъ... и прощай. Вашему ангелу на этотъ разъ ничего отъ меня. Одинъ Гансъ молодецъ, одному Гансу спасибо. Прощай....[53]) *Въ Мартѣ 1773 г.* «Что вы еще колецъ не получили, это не моя вина; вотъ они, и надѣюсь, понравятся; по крайней мѣрѣ я доволенъ ими.... и пусть они будутъ вамъ первыми звѣньями къ раю земному. Я весь вашъ; но вовсе не желаю болѣе видѣть ни васъ, ни Лотту. Въ первый день праздника, въ день вашей свадьбы, а можетъ быть и завтра вылетитъ силуэтъ Лотты изъ моей комнаты и возвратится въ нее не прежде, какъ когда услышу, что она родила; тогда начнется новая эпоха и буду я любить уже не ее, а ея дѣтей; немного-то, признаться, и ради ея; но это ничего не значитъ, и если позовете меня крестить, мой духъ осѣнитъ вашего мальчика и да будетъ онъ такимъ же дуракомъ какъ я, при взглядѣ на дѣвушекъ, походящихъ на его мать. Богъ Гименея случайно оказался на оборотѣ письма... Будьте же счастливы и убирайтесь. Во Франкфуртѣ надѣюсь не пріѣдете, а пріѣдете—убѣгу. Въ Гановерѣ стало быть, и прощайте; кольцо Лотты я запечаталъ, какъ приказано. Прощай.» *Гете къ Лоттѣ. Приложеніе.* «Пусть память обо мнѣ будетъ съ вами, какъ это кольцо съ вашимъ благополучіемъ. Милая Лотта, послѣ долгаго времени, мы увидимся; вы съ кольцомъ на рукѣ, а я.... тутъ не знаю ни имени, ни названія; вы же знаете меня.»[54]) *Гете къ Гансу (брату Лотты).* «Любезному г. Гансу посылаю съ

[53]) Ib. S. 144. [54]) Ib. S. 146.

ярмарки нѣчто, чего надѣюсь хватитъ ему и на курточку и на штанишки; когда наденете и начнете скакать или веселиться на другой манеръ, вспомните обо мнѣ.» [55]) *Гете къ Кестнеру, безъ числа.* «Благослови же васъ Богъ; вы озадачили меня; въ страстную пятницу думалъ я отправиться на святое поклоненіе и похоронить силуэтъ Лотты. Но онъ остался на стѣнѣ и послѣ вашей свадьбы; такъ пусть же и остается пока не умру! Будьте счастливы. Поклонитесь вашему ангелу и Ленѣ; пусть она будетъ второю Лоттой и счастлива какъ она. Я же странствую по пустынѣ, гдѣ нѣтъ источника; мои волосы мнѣ тѣнь; мое сердце мнѣ колодезь. А вашъ-то корабликъ, на немъ флаги пестрые! и радостные клики возвѣщаютъ мнѣ изъ-далека, что онъ въ гавани. Радуюсь и не ѣду въ Швейцарію. И на небесахъ и подъ небесами я другъ вашъ и Лотты.» [56]) *Гете къ Гансу.* «Любезный г. Гансъ, благодарю отъ всего сердца за вашу память; а вы не устанете писать ко мнѣ? Иногда я совершенно одинокъ и такое милое письмецо отрада мнѣ. Богъ наградитъ васъ за это, если я не могу, и возвеличитъ онъ васъ и прославитъ, и осчастливитъ, какъ вы того заслуживаете» [57]).

Въ одномъ изъ апрѣльскихъ писемъ Кестнера, сорвалось съ его языка слово ревность или высказалась впервые мысль ней. Гете желчно отвѣчаетъ: «*12 апрѣля 1773 года*.... Хорошо вы Кестнеръ дѣлаете, что ловите меня на-словѣ.... о сердечные люди!... «Вы не хотите ничего знать о насъ».... Прекрасно! конечно ничего не хотѣлъ я знать... когда то и дни и вечера мои отдавалъ я вашему князю,

---

[55]) Ib. S. 148. [56]) Ib. S. 149. [57]) Ib. S. 150.

вашей Лоттѣ, и мнѣ оставалась только ночь, да сонъ, мой добрый братъ; а теперь день сливается съ вечеромъ и бѣдный Гете помогай себѣ какъ знаетъ. Не къ лицу вамъ... и я скорѣй отдалъ бы себя чорту, чѣмъ произнести то слово или васъ навести на него. И такъ, г. Кестнеръ и M-me Кестнеръ, доброй ночи. Да, ждать бы мнѣ чего нибудь лучшаго отъ васъ! вотъ она, постель моя, пустынная, какъ песчаное поле.... Вы видѣли, что я не палка, и ушелъ, и предоставляю вамъ назвать, подвигъ ли это или иное что; я же и доволенъ собой и нѣтъ; это мнѣ и малаго стоило и не постигаю, какъ оно было возможно; вотъ я и въ дуракахъ теперь.... «*16 апрѣля*.... но что вы меня колете и кислую рожу корчите, тогда какъ сами съ женой спать ложитесь, и это все потому, что счастье вамъ стасовало карты, — вотъ это не хорошо, и вы должны пожаловаться вашей женѣ на себя; пусть она рѣшитъ.» [58])

Еще письмо, еще отвѣтъ, и Гете пишетъ: «*23 апрѣля 1773.* Благодарю, Кестнеръ, за два любезныя письма, любезныя какъ и все что отъ васъ, и особенно теперь. Смерть дорогой, возлюбленной нашей подруги еще со мною. [59]) Сегодня утромъ мы ее похоронили и я еще на ея могилѣ, чтобы согрѣть землю моимъ дыханіемъ, и медлю, чтобы вдохнуть въ нее мою жизнь, чтобы камень сталъ глаголомъ памяти о ней.... и мнѣ приличіе запрещаетъ поставить памятникъ ей.... Любезный Кестнеръ, ты, одаренный рукой и чувствомъ жизни, да возвеселитъ тебя Богъ! а мое бѣдное существованье коченѣетъ на скалѣ

---

[58]) Ib. S. 151—152 и 157. [59]) Дѣвицы фонъ Клеттенбергъ, друга Гете и его сестры.

*

пустынной. Все разъѣзжается, все оставляетъ меня. Меркъ съ дворомъ въ Берлинъ, его жена въ Швейцарію, моя сестра, Флахсландъ, вы, все. И я одинокъ. Если не возьму бабы или не повѣшусь—скажите, что люблю еще жизнь или что нибудь другое, что сдѣлаетъ мнѣ больше чести. Прощайте. Вашему ангелу тысячу поцѣлуевъ.» [60]) «*30 апрѣля 1773*. Вы знаете, любезный Кестнеръ, что мою жизнь анализировать невозможно, и теперь менѣе чѣмъ когда либо. Сегодня была страшная кутерьма, и что за полуумная, что за чудная жизнь! а вы то, я думаю, какъ спокойно съ Лоттой посиживаете.... Черезъ четырнадцать дней все разъѣзжается, и весь домъ верхъ-дномъ; не знаю, на плечахъ ли еще голова и есть-ли еще страхъ или надежда на свѣтѣ. Я опять на могилѣ и знать ничего не хочу; все забываю, всѣмъ, все прощаю. Забудьтесь же и вы въ объятіяхъ Лотты; работайте для нее въ потѣ лица, и снова наслаждайтесь вашимъ солнцемъ, и пусть грѣетъ оно васъ въ часы отдыха такъ, какъ я васъ люблю...» Въ маѣ 1773: «Увѣдомьте о днѣ отъѣзда. Что вашъ ангелъ? я съ нимъ въ большихъ коммерческихъ дѣлахъ. Силуэтъ Лотты прикрѣпленъ булавками; я постоянно теряю свои и одѣваясь часто занимаю у нее..... Въ Вецларѣ написалъ я стихотвореніе; теперь оно напечатано и начинается словами: «Благослови тебя Богъ, молодая жена». Оно названо «Путешественникъ». [61]) Но вы угадали бы и такъ. Да свиданья-же, милый Кестнеръ. Лотта знаетъ какъ я ее люблю...». [62]) «*18 іюня 1773*.... сегодня ночью снилось мнѣ

---

[60]) Ib. S. 170. [61]) Въ переводѣ Жуковскаго: «Путешественникъ и селянка». [62]) Ib. S. 161, 165.

о Лоттѣ; я шелъ съ нею подъ руку.... и такъ то мнѣ снится, въ то время какъ на яву имѣю дѣло съ гадкими процессами, пишу драмы и романы и т. п. На васъ благословеніе, а обо мнѣ люди говорятъ, что на мнѣ проклятіе Каина. Нѣтъ, не убилъ я брата! и мнѣ сдается, что люди дураки» [63]).

Гете къ Гансу. «Спасибо ему, любезному Гансу, за славное письмо. Отдай онъ прилагаемое Кестнеру и люби онъ меня... «Любезному Гансу много порученій. Во 1-хъ что у васъ дѣлается? давно не имѣю извѣстій изъ Нѣмецкаго дома; во 2-хъ, если онъ исполнитъ мои коммиссіи, онъ будетъ повѣреннымъ всѣхъ князей, курфюстровъ и высшихъ сословій государства; во первыхъ, отправь онъ это письмо къ Кестнерамъ, по адресу перваго; во вторыхъ.... [64])

Гете къ Кестнеру. Письмо безъ числа. «Не буду васъ осуждать за новыя знакомства, за жизнь въ свѣтѣ. Обращеніе съ сильными міра всегда выгодно тому, кто пользуется имъ въ мѣру и нельзя не уважать силы пороха, который намъ достаетъ птицу съ воздуха... и вы обязаны къ этому, и хотя бы то было ради жены.... дѣйствуйте же по собственному влеченію и не заботьтесь о пересудахъ; заприте ваше сердце на замокъ, какъ отъ льстеца, такъ и отъ хулителя... небольшой кружекъ благороднѣйшихъ людей—вотъ лучшее достояніе жизни. А мой любезный Гецъ! надѣюсь на его добрую натуру и долговѣченъ онъ будетъ на землѣ. Онъ человѣческое дитя и съ недостатками, но все же одно изъ наилучшихъ. Имъ оцарапаются

---

[63]) Ib. S. 170—171. [64]) Ib. S. 172.

многіе; а успѣхъ его такъ великъ, что превзошелъ мои ожиданія. Не думаю, чтобъ мнѣ удалось сдѣлать вскорѣ что нибудь подобное. Между тѣмъ работаю и Лотта должна меня любить и да будетъ она счастлива. Прощай... [65]) «Они много говорятъ о моей Лоттѣ ... о моей Лоттѣ!. это я только мысленно сказалъ; а все таки она въ извѣстномъ смыслѣ моя; со мною какъ съ другими добрыми людьми; я разуменъ только до извѣстнаго пункта, и стало быть ни слова болѣе.... Прощайте мои дѣти, свѣтаетъ.... пишите мнѣ скорѣй и радуйтесь моей памяти о васъ, какъ я радуюсь вашей обо мнѣ.» [66]) *Гете къ Гансу*. У него еще остаются мои деньги; прошу его принять ихъ въ подарокъ къ Рождеству и купить что нибудь братьямъ и сестрамъ; благодарю его за письма и прошу его пожалуйста продолжать. [67])

Гете къ Лоттѣ. Ноябрь 1773.... «Благодарю тебя, любезная Лотта, что награждаешь меня письмомъ за мою паутину. Цѣлую его сто разъ. Бываютъ минуты, въ которыя узнаешь всю цѣну друзьямъ. Опишу-ли тебѣ мою радость и при свиданіи съ Меркомъ? Онъ пріѣхалъ восьмью днями ранѣе чѣмъ я ожидалъ; сидитъ у отца; ничего не знаю; вхожу; слышу его голосъ.... Лотта, ты знаешь меня.... Твой намекъ на возможность свиданія съ вами, остается у меня въ сердцѣ. Ахъ, это постоянный мой сонъ, но кажется и останется сномъ! Отецъ, полагаю, не прочь, чтобъ я вступилъ въ иностранную службу, да и для меня здѣсь нѣтъ ничего привлекательнаго, такъ дѣло возможное, что я еще разъ попытаю счастье.... Сестра моя — молодецъ; учится жить. Только въ трудныхъ обстоятельствахъ узнаетъ человѣкъ что въ немъ сидитъ. Она счастлива и Шлоссеръ лучшій изъ мужей, какъ былъ нѣжнѣйшимъ и разумнѣйшимъ изъ жениховъ.» [68]) *Гете къ Кестнеру*. «*Мартъ 1774*. На письмо отъ 1-го отвѣчать 13-го не хорошо. Пиши чаще, не то поручу Лоттѣ писать.» [69]) *Гете къ Лоттѣ*. «Милая Лотта, сейчасъ вспомнилъ, что долго не отвѣчаю тебѣ на письмо твое; причиною то, что ты все это время была со мною, болѣе нежели когда нибудь, in cum et sub (твой благовѣрный это тебѣ объяснитъ). Вскорѣ напечатаю; это будетъ хорошо, моя добрая; вѣдь и мнѣ-то развѣ не хорошо, когда думаю о васъ? я все тотъ же старый, неисправимый, и твой силуэтъ все на томъ же мѣстѣ и я по прежнему въ долгахъ у него за булавки. Что я дурень, въ этомъ ты не сомнѣваешься, а сказать болѣе даже самому совѣстно. И если не чувствуешь какъ я тебя люблю, то зачѣмъ же и люблю»! [70]) *Гете къ Кестнеру*. «*Май 1774*... Поцѣлуйте и младенца и вѣчную Лотту; скажите ей, что не могу ее представить себѣ родильницей, что это рѣшительно не возможно. Я вижу ее такою какъ оставилъ; поэтому и тебя какъ мужа не знаю... время все объяснитъ. Любите меня такъ, какъ я васъ люблю и свѣтъ не увидитъ подобныхъ друзей. Моя гадкая вещица на Виланда дѣлаетъ больше шуму, нежели я предполагалъ. [1]) Онъ, какъ я слышу, ведетъ себя при этомъ хорошо и въ дуракахъ стало быть я.... Теперь желаю, чтобы вашъ новорожденный назывался Вольфгангъ, и онъ будетъ называться такъ!.. Прощайте же вы люди, которыхъ такъ люблю, что даже къ

---

[65]) Ib. S. 178—179. [66]) Ib. S. 182, 187. [67]) Ib. S. 192

[68]) Ib. S. 193, 194 и 195. [69]) Ib. S. 203. [70]) Ib. S. 206. [1]) Сатира: «Боги, герои и Виландъ».

изображенію нашего несчастнаго друга долженъ былъ занять нѣчто отъ полноты моихъ чувствъ. [72]) *Гете къ Лоттѣ.* «*16 Іюня 1774*.... О, Лотта, какой я ребенокъ! какъ я обрадовался, когда Майеръ сказала мнѣ, что ты не забываешь меня, думаешь обо мнѣ!... Не говорятъ мнѣ развѣ объ этомъ и письма Кестнера и мое сердце, а все таки меня обрадовали слова милой бабенки, какъ новостью, когда она голосомъ искренняго участія сказала мнѣ, что ты вспоминаешь обо мнѣ... И крестничекъ мой здоровъ и мамаша будетъ вскорѣ здорова? клянусь тебѣ, Лотта, что воображать тебя мамашей и въ тоже время знать, что твой мальчикъ называется моимъ именемъ по волѣ моей,—вотъ истинная мука для грѣшной моей головы. Я этого въ толкъ не возьму и даже не могу представить себѣ, а потому дѣло таково: Лотта, милая Лотта, пусть все остается такъ, какъ было до вашей свадьбы; да и Майеръ говоритъ что это такъ, что ты не измѣнилась нисколько. Кланяйся папѣ Кестнеру и поцѣлуй его и пусть онъ пишетъ ко мнѣ чаще и ты пиши чаще, если это не затруднитъ мамашу. Прощай-же, милая Лотта, скоро пришлю вамъ друга, очень похожаго на меня и надѣюсь, вы полюбите его; зовутъ его Вертеромъ; онъ есть, былъ и будетъ — остальное онъ самъ объяснитъ. [73])

«*26, 27 и 31 августа 1774*... Кто вышелъ сейчасъ изъ моей комнаты? Лотта, милая, не отгадаешь; всѣ знаменитости переберешь — не отгадаешь, милая. Катерина-Лизбета, твоя няня, моя Вецларская прачка, которую матушка беретъ въ домъ... Она вошла, взглянула на твой силуэтъ, всплеснула руками и молвила: сердечная Лотточка!—и какъ тепло, при всей своей беззубости, выражалась она, какъ горячо цѣловала мнѣ и руку и полу кафтана.... Снилось мнѣ, что пріѣхалъ я къ вамъ, что ты встрѣтила меня и приняла въ свои объятія; никогда еще, съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ васъ, не являлась ты мнѣ въ такомъ свѣтѣ какъ тутъ. Прощай Лотта. Благодарю, что разбираешь мою пачкотню. Поцѣлуй младенца. Хотѣлось бы мнѣ видѣть тебя съ нимъ на рукахъ.... [74]) О, Лотта, и ты увѣряешь меня съ тою откровенностью и легкостью души, которыя были мнѣ всегда такъ дороги въ тебѣ, что вы меня еще любите! и право было бы печально, если бы потокъ времени взялъ и надъ нами перевѣсъ... «Завтра вы конечно вспомните обо мнѣ; завтра я съ вами...» [75]) *Гете къ Кестнеру.* «*23 сентября.* Если вы получили книжку, то поймете и прилагаемую записку, которую забылъ вложить; ярмарка волнуется и оретъ; друзья мои опять здѣсь; прошедшее и будущее чудесно сливаются. Что будетъ со мной? О вы, положительные люди, хорошо вамъ на свѣтѣ! Книжки никому не давайте; любите живаго и чтите память умершаго.» [76]) *Гете къ Лоттѣ. Приложеніе.* Какъ дорога мнѣ эта книжечка, почувствуешь при чтеніи, и этотъ экземпляръ, онъ какъ будто единственный на свѣтѣ; я держалъ его подъ замкомъ, чтобы къ нему никто не прикасался, и ты получаешь его. Къ Лейпцигской ярмаркѣ книжка выйдетъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы каждый прочелъ ее особо; ты особо, Кестнеръ особо, и чтобы каждый потомъ написалъ мнѣ словечко.» [77])

---

72) Ib. S. 207 и 208. 73) Ib. S. 210—212.

74) Ib. S. 213, 214, 215 и 216. 75) 28 Августа—день рожд. Гете и Кестнера. 76) Ib. S. 219. 77) Ib. S. 220.

Въ какомъ настроенiи духа писалъ онъ эту книжечку, объ этомъ говоритъ и сама она и приведенныя письма его. Въ томъ же свѣтѣ является онъ и себѣ черезъ полстолѣтiе, когда пишетъ:

«Что наиболѣе пугаетъ добросовѣстнаго юношу, это возвратъ, повторенiе его ошибокъ; позднѣе онъ замѣчаетъ, что совершенствуя свои добрыя качества, онъ въ тоже время потворствуетъ наклонностямъ дурнымъ, что первыя покоятся на вторыхъ, какъ на своемъ корнѣ, который также глубоко и разнообразно развѣтвляется во тьмѣ и втайнѣ, какъ тѣ красуются въ полномъ свѣтѣ, на открытомъ воздухѣ. А какъ мы, поэтому, вырабатываемъ наши добродѣтели сознательно и самодовольно, нашими же заблужденiями застигнуты бываемъ въ расплохъ, то первыя радуютъ насъ, вторыя огорчаютъ и мучаютъ постоянно. Въ этомъ-то лабиринтѣ—сокровеннѣйшая тайна самопознанiя, которое оказывается несостоятельнымъ, почти невозможнымъ. Прибавьте къ этому волненiя молодой крови, сильныя впечатлѣнiя внезапно потрясающiя воображенiе, томительныя колебанiя повседневности и—порывистое, нетерпѣливое стремленiе высвободиться изъ подъ такихъ тисковъ — будетъ понятно» [78]).

«Какъ сродны, близки были къ намъ въ это время англичане по такимъ душевнымъ недугамъ, по общему одолѣвавшему насъ психическому бѣдствiю — говоритъ онъ— это доказываетъ незадолго до появленiя Вертера напечатанное четырехстишiе:

To griefs congenial prone,
More wounds than nature gave he knew,

[78]) Goethe's Werke. B. 26, S. 214.

While misery's form his fancy drew
In dark ideal hues and horrors not its own. [79])

Говоря о манiи самоубiйства, объ отвращенiи къ жизни, Гете указываетъ на Монтескьё, который предоставляетъ великимъ людямъ и героямъ право располагать ею, такъ какъ каждому должна быть дана свобода заключить пятый актъ своей драмы, гдѣ ему вздумается. Но Монтескьё, прибавляетъ онъ, разумѣетъ людей борющихся за какое нибудь общественное дѣло, какъ напримѣръ за дѣло свободы, и словъ его нельзя относить къ людямъ обыкновеннымъ; здѣсь рѣчь, напротивъ, о такихъ, которые въ мирное время, безъ высокихъ побужденiй, были проникнуты отвращенiемъ къ жизни. «Я самъ былъ въ такомъ положенiи, самъ на себѣ испыталъ пытку самомученiй и знаю болѣе нежели кто либо, какихъ усилiй стоитъ намъ побѣда надъ собою» [80]).

Представивъ въ живой картинѣ характеристику самоубiйствъ, онъ останавливается на императорѣ Оттонѣ. «Никто — говоритъ Гете — изъ лишившихъ себя жизни не проявилъ столько свободы и величiя духа, какъ онъ. Какъ полководецъ, не покровительствуемый счастьемъ, но не доведенный еще до крайности, онъ рѣшается пожертвовать собой для спасенiя тысячей, для блага государства, которое остается еще за нимъ. Онъ собираетъ своихъ друзей на веселый вечернiй пиръ; поутру находятъ его съ кинжаломъ въ сердцѣ. Вотъ единственный въ этомъ смыслѣ поступ-

[79]) «Сочувственный къ сродственной скорби, онъ понесъ болѣе язвъ, чѣмъ послала сама природа, между тѣмъ какъ его воображенiе представляло ему въ мрачныхъ оттѣнкахъ идеалы ужасовъ невѣдомыхъ ей самой.» [80]) Ib. B. 26; S. 229.

покъ, казавшiйся мнѣ достойнымъ подражанiя и я старался увѣрить себя, что тотъ кто не находится въ положенiи Оттона и не можетъ дѣйствовать какъ онъ, тотъ не долженъ допускать себѣ мысли о самоубiйствѣ... Въ моей коллекцiи оружiя былъ драгоцѣнный, хорошо заостренный кинжалъ. Я клалъ его постоянно возлѣ постели и прежде чѣмъ погасить свѣчу, покушался не разъ всадить его въ сердце. Постоянныя неудачи такихъ покушенiй заставили меня наконецъ посмѣяться надъ собой и я рѣшился жить»[81].

Чудакъ! забылъ, что никогда не имѣлъ прiятеля подобнаго Нерону, никогда не былъ въ положенiи проконсула Оттона, котораго прекрасная жена играла не послѣднюю роль въ пагубной развязкѣ его жизни....

Ослѣплявшая Гете страсть къ Лоттѣ, не оставляла его однако равнодушнымъ къ общественной жизни и индифферентизмъ, въ который онъ впалъ позднѣе, былъ далекъ отъ него; напротивъ; братолюбiе было въ немъ сильно тогда. Онъ же высказываетъ тогда гипотетически мысль, которой суждено было развиться въ наше время, мысль о преобладающей пользѣ естествознанiя, о его сродствѣ со здравымъ смысломъ. Описывая одну изъ застольныхъ бесѣдъ того времени, онъ говоритъ, что желая нанести рѣшительный ударъ поклонникамъ преданiй, онъ успѣлъ въ этомъ на столько, «насколько во мнѣ хватало естествознанiя; я пропѣлъ vivat всѣмъ самостоятельно мыслящимъ и pereat всѣмъ паразитнымъ креатурамъ»[82].

Обратимся ли къ свидѣтельствамъ его современниковъ или къ тогдашнимъ его произведенiямъ и позднѣйшимъ

[81]) Ib. B. 26; S. 222. [82]) Ib. B. 26; S. 163.

его автобiографiямъ, все говоритъ о необычайной полнотѣ фантазiи, мыслей, чувствъ, обуревавшихъ его въ то время, все оправдываетъ позднѣйшiя его слова: «Не знаешь бывало куда дѣваться отъ натиска тепла и свѣта.» Онъ ищетъ исхода въ разгулахъ; разгулы только усиливаютъ тоску; онъ ищетъ его въ постоянныхъ трудахъ; трудъ не утоляетъ истомы сердца; углубится ли онъ въ Шекспира, мрачныя тѣни Магбета, Гамлета, Кесаря увлекаютъ его прежде другихъ освѣжающихъ душу дѣтей британскаго поэта. «Я обращался и къ древнимъ; Аристотель, Цицеронъ, Квинтилiянъ, Лонгинъ, все было перечитано; но все это мнѣ не помогло, потому что они дѣйствовали подъ влiянiемъ жизненнаго опыта, котораго мнѣ еще недоставало»[83]). И далѣе: «При такомъ настроенiи, не дававшемъ мнѣ ни днемъ ни ночью покоя, внезапно развернулось передо мною широкое поле и мнѣ стоило только воспользоваться частiю его богатствъ, чтобы произвести нѣчто значительное; то были двѣ отечественныя эпохи: одна старѣйшая, къ которой я приготовился историческими работами и частiю уже выразилъ въ «Гецъ фонъ Берлихингенѣ», другая современная, которой несчастный цвѣтъ я выразилъ въ «Вертерѣ»[84]).

И такъ, чтобы возстановить бодрость духа, ему нужно было высказаться: «Мнѣ нужно было рѣшить пiитическую проблемму, передать бумагѣ перечувствованное, передуманное, перечаянное. Я собрался съ мыслями, недававшими мнѣ въ теченiи двухъ лѣтъ покоя и живо представилъ себѣ то, что наиболѣе пугало и мучило меня; но полнотѣ содержанiя недоставало образа, формы, сказки,

[83]) Ib. B. 26; S. 148. [84]) Ib. B. 26; S. 149.

облаченія. Смерть Ерузалема съ ея подробностями пополняла этотъ пробѣлъ и путь къ Вертеру бы немедленно проложенъ; все согласовалось, сосредоточилось, слилось въ солидную массу, подобно заключенной въ сосудъ водѣ, которая на сильномъ морозѣ обращается, при малѣйшемъ сотрясеніи, въ ледъ. Я схватился за это событіе тѣмъ поспѣшнѣе, что снова находился въ положеніи, отъ котораго съ трудомъ только что высвободился и которое было безнадежнѣе чѣмъ прежнее, не предсказывая мнѣ ничего кромѣ горечи и печали...[85]) А какъ я смотрѣлъ на происшедшее съ Ерузалемомъ не только какъ наблюдатель, но и какъ лицо (по аналогіи) дѣйствующее, то увлеченный піитической страстью, я вдохнулъ въ мое новое произведеніе весь пылъ, не знающій различія между дѣйствительностью и творчествомъ; я уединился, не принималъ никого, отстранилъ все, что не было въ непосредственномъ отношеніи съ моимъ предметомъ и припомнилъ все, что могло подходить къ нему изъ событій моей жизни. Вотъ при какихъ условіяхъ и поводахъ приступилъ я къ исполненію Вертера, безъ предварительныхъ письменныхъ схемъ; такъ что не было ни его общаго плана, ни-же строки на бумагѣ, когда я взялся за перо. Такимъ образомъ я написалъ его, какъ говорится, въ одинъ присѣстъ, въ теченіи четырехъ недѣль»[86]).

Книжка «Страданія молодаго Вертера» выходитъ въ октябрѣ 1774 года. Она опрокидываетъ многое на избитыхъ путяхъ общественной и литературной жизни. Ex ungue

[85]) Ib. B. 26. S. 223. [86]) Ib. B. 26, S. 223, 226.

leonem! Титулованное филистерство, съ порядочнымъ запасомъ зависти на юношу, давшаго пенька ихъ стародавнимъ теоріямъ, собираются на судъ и расправу. Злѣйшими противниками «Вертера» являются: Берлинскій профессоръ Николаи[87]) и именитый, главный пасторъ Гецe[88]). Съ голосомъ старѣйшихъ сливается голосъ готовыхъ всегда на послуги литературныхъ поддонковъ. Наставленіе, сатира, пасквиль, сыплются градомъ.

Авторъ говоритъ:

«Da fings entsezlich an zu rumoren
Unter klugen, Weisen und unter Thoren».

Онъ бѣжитъ отъ преслѣдователей, отъ своего произведенія, отъ самаго себя.[89])

При совпаденіи германскихъ и англійскихъ симпатій, при ложномъ направленіи науки, при отсутствіи освѣжительной научной и политической дѣятельности, тѣснимые своими правительствами бюргеры предоставлены были тогда только тѣсному кружку повседневныхъ нуждъ и полной свободѣ нѣжничать и фантазировать въ балладахъ

[87]) Гете отвѣчаетъ:

«Was schiert mich der Berliner Bann,
Geschmäklerpfaffenwesen!
Und wer mich nicht verstehen kann,
Der lerne besser lesen.»

[88]) Прозванный за это «со строптивой рукой», въ пародію къ «Гецу ф. Берлихингену съ желѣзной рукой».

[89]) Пришлось бы говорить слишкомъ много, чтобы дать хотя сотую долю того, что тогда было высказано противниками «Вертера». Любопытныхъ обращаемъ къ историкамъ XVIII столѣтія, къ Гервинусу и Шлоссеру, гдѣ они найдутъ выходки на «Вертера» и новѣйшихъ обскурантовъ. IV, 154.

и романахъ сколько душѣ угодно. И когда «Вертеръ» дошелъ въ извѣстномъ направленіи до столбовъ Геркулеса, когда онъ пронзительно выразилъ пытку доведенной до отчаянія души, обратное его вліяніе на англичанъ было едва-ли не сильнѣе, нежели на нѣмцевъ. Сдѣлавъ подражаніе себѣ невозможнымъ, онъ сжегъ, какъ говорится, за собою мосты и, хотя не безъ жертвъ, порѣшилъ разъ навсегда съ попытками идти далѣе въ выраженіяхъ личной любви. Петрарка, Ричардсонъ, Руссо должны сложить оружіе, и сто разъ перержавѣетъ мечь средневѣковаго рыцаря, прежде чѣмъ новый Абеллардъ повторитъ «Вертера». А какъ онъ въ тоже время былъ и сильнымъ протестомъ, выразивъ требованія общечеловѣческія, то послѣдняя-то услуга и оставила за нимъ поле, на которомъ не встрѣчаемъ ему подобнаго. «Das allgemein menschlische drang durch» говоритъ Гёте въ одной изъ самозащитъ.

Молодой человѣкъ, еще вѣрующій въ чудеса, въ духовидѣнія, исполненный всевозможныхъ иллюзій, вчитывается въ «Вертера» и думаетъ, что авторъ подмѣтилъ сокровенныя движенія его сердца; онъ приходитъ въ восторгъ отъ своего сходства съ портретомъ и дѣлаетъ «Вертера» своимъ элизіумомъ, своимъ vade-me-cum. Это такъ называемые Вертеріанцы. Нашлось однако нѣсколько чудаковъ, которые этимъ не удовольствовались и принявъ пiтическую картину за приговоръ, — застрѣлились. Дѣвушки заливаются слезами; а какъ и читающая тетушка плачетъ, то въ каждомъ почти домѣ выходитъ одинаково курьезная исторія. Слава «Вертера» растетъ, переводы съ него появляются почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ, [90])

[90]) Нынѣ переводовъ: французскихъ — 16, англійскихъ — 11.

и за необычайнымъ его успѣхомъ въ Германіи, слѣдуетъ почти всемірный его успѣхъ. Между тѣмъ, положеніе автора становится со дня на день безвыходнѣе. Забывая его услугу, его упрекаютъ въ безнравственности произведенія; онъ отвѣтственъ за погибель нѣсколькихъ ему поклонниковъ; при этомъ, разумѣется, число жертвъ преувеличено. Странные люди! хотятъ вылечиться, а скупятся на лѣкарства; давай имъ вѣрную картину съ невѣрнымъ рисункомъ; разразись освѣжительной грозой и обойдись безъ жертвъ! — нельзя ли даромъ? — не сдѣлаетъ ли время? — Ну, конечно...

Тѣмъ временемъ, Гете пишетъ къ Лафатеру: «Ты примешь большое участіе въ любезномъ юношѣ, котораго изображаю; мы были товарищами, не будучи знакомы; я придалъ его исторіи мои мысли, мои чувствованія и изъ этого вышло странное цѣлое.» Лессингъ пишетъ къ Эшенбургу: «Тысячу разъ благодарю за удовольствіе доставленное мнѣ присылкою романа Гете; боюсь, чтобъ это теплое произведеніе не надѣлало больше худа чѣмъ добра, какъ полагаете, небольшое въ концѣ заключеніе было бы не лишнимъ...? красоту пiтическую могутъ принять за указаніе нравственное; вѣдь кто возбуждаетъ наше сочувствіе, того поступки вызываютъ и одобреніе. И такъ, пусть любезный Гете дастъ еще періодецъ, и чѣмъ циничнѣе, тѣмъ лучше» [91]).

Въ автора западаетъ тревога; она увеличивается, когда онъ узнаетъ изъ письма Кестнера о смущеніяхъ его и

италіанскихъ — 8, русскихъ — 5, испанскихъ — 3, голландскихъ 2, шведскихъ — 1, польскихъ — 2, маджіарскихъ — 1.

[91]) Werther u. s. Zeit, v. Appell. 1865, S. 75, 76.

Лотты; онъ пишетъ къ нему въ октябрѣ 1774: «Спѣшу отвѣчать вамъ, мои любезные, мои возмущенные, чтобъ облегчить сердце. Сдѣлано, издано; простите, если можете.... потерпите, прошу васъ потерпите, покуда не очищу правды отъ вымысла... Кестнеръ, любезный адвокатъ, ты истощилъ все, опровергъ все, что могу сказать въ свое оправданіе; но подумайте, прошу подумайте, что вашъ старый Гете съ каждымъ днемъ болѣе, и теперь болѣе чѣмъ когда либо, весь вашъ» [92]).

Что̀ ни день — разнорѣчивыя письма, памфлеты или восхваленія. Сегодня пишутъ къ нему: «Я потеряла дочь и смерть ея ложится на вашу совѣсть».... «Я потерялъ сына и вы виновникъ его преждевременной кончины....». Завтра онъ свидѣтель овацій и пасквилей, породій и литературныхъ отзывовъ въ родѣ: «Примите теплую, сердечную благодарность, добрый геній, подарившій всѣ благородныя сердца страданіями Вертера» [93]), или эпитафій въ родѣ извѣстной русской:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Б....ва грѣшно тѣло;
Прохожій, и проч. [94]).

Гете отписывается, волнуется, утѣшается, и снова выходитъ изъ себя и снова пишетъ возмутившимся Кестнерамъ: «*21 ноября 1774*. Съ твоимъ письмомъ въ рукѣ, Кестнеръ, изъ чужой комнаты живописца, гдѣ на маслѣ пишу, взываю къ тебѣ спасибо! спасибо любезный! ты все тотъ же, добрый! — о, еслибъ я могъ тебѣ на шею вспрыгнуть, къ ногамъ Лотты упасть, — на одну, одну

---

[92]) Goethe u. Werth. v. Kestner, 1855, 2 Aufl. S. 223.
[93]) Werther u. s. Zeit. v. Appell. 1865, S. 121. [94]) Ib. S. 161.

минуту, — все, все бы объяснилось, все съ чѣмъ не могу совладать бумагами и книгами... О вы невѣрующіе, воскликнулъ бы я, — вы мѣлковѣрующіе! почувствовать бы вамъ тысячную долю того, чѣмъ сталъ Вертеръ для тысячи сердецъ, вы бы не торговались со мною изъ за малой лепты, которую принесли ему! вотъ листокъ, на, и возврати мнѣ его свято, какимъ получаешь. — Посылаешь мнѣ письмо Геннингса; онъ не обвиняетъ, онъ оправдываетъ меня. Братъ, любезный Кестнеръ! имѣйте терпѣніе и я вамъ помогу.... Вѣрь мнѣ, твои опасенія, твоя Gravamina исчезнутъ какъ призраки полуночи... Не пройдетъ года и самымъ любезнымъ, оригинальнѣйшимъ образомъ выясню недоразумѣнія, подозрѣнія и тому подобное болтливой публики, — этого стадо свиней — да, все очищу какъ паръ, какъ дыханіе сѣвернаго вѣтра. Вертеръ долженъ, долженъ былъ быть! а то̀, что вы называете примѣсью и что на зло вамъ и другимъ впутано въ него, то̀, если буду живъ — и это благодаря тебя — и стало быть, ты не Альбертъ, и стало быть... дай Лоттѣ теплую, полную руку отъ меня и скажи ей: имя ея произносятъ тысячи устъ съ уваженіемъ, святостью; развѣ это не стоитъ опасеній, напоминающихъ заботливыхъ кумушекъ? Если будете молодцами и не будете грызть меня, я нашлю вамъ писемъ и звуковъ, передъ которыми исчезнетъ всякая болтовня.... приголубь же твоего философа... о ты! — не чувствуешь, какъ человѣкъ-то обнимаетъ, утѣшаетъ тебя и какъ самъ онъ въ тебѣ и въ достоинствахъ Лотты почерпаетъ и утѣшеніе и силу бороться съ бѣдствіемъ, котораго одна тѣнь уже пугаетъ васъ въ сочиненіи Лотта, прости. — Кестнеръ, ты, — любите меня, не грызите меня. Записки не показывать никому! только между

вами; никому! прощайте же вы милые. Поцѣлуй, Кестнеръ, жену и моего крестника. И мое обѣщаніе обдумайте. Я одинъ могу изобрѣсти средство оградить васъ отъ болтовни и злословія. Это во власти моей. Но еще рано. О чары любви и дружбы!» [95]).

Кто знаетъ, на что рѣшился бы онъ, если бы среди тѣхъ тревогъ, тѣхъ чувствъ, тѣхъ стастей и стремленій, о которыхъ говорятъ его записки и письма, не доходили до него утѣшительные отзывы, какъ напримѣръ поэта Шубарта: «Съ смягченнымъ сердцемъ, съ волнующейся грудью.... читатель, я только что прочелъ Вертера. Разбирать его? значило бы не имѣть сердца.... сама богиня Critica плачетъ передъ мастерскимъ произведеніемъ.... лучше терпѣть вѣчную нужду, лежать на соломѣ, пить одну воду, питаться одними кореньями, чѣмъ не сочувствовать ему...» [96]). Или мыслителя Гарве: «Не знаю, какъ дѣйствуетъ это произведеніе на другихъ, я же весь проникнутъ высокимъ уваженіемъ, любовью и состраданіемъ къ юношѣ, соединявшемъ съ благородной душой и живымъ воображеніемъ, такой глубокій и проницательный умъ [97]). Или слова Шираха: «Какъ будто сладкимъ сномъ объята вся моя душа... такъ, несравненный Гете, такъ, знатокъ человѣческаго сердца, было со мною, когда я читалъ Вертера» [98]). Или же какъ письма отъ неизвѣстныхъ, въ родѣ слѣдующаго: Je vous dois la meilleure action de ma vie, par conséquent la racine de plusieurs autres et pour moi votre livre est bon... Soyez satisfait, Monsieur, d'avoir pu à 300 lieues de votre demeure ramener le coeur d'un jeune homme à l'honnêteté et à la vertu». [99])

Великолѣпный залъ блещетъ огнями; общество многочисленно; посреди залы рояль; за нимъ единственная дочь виновниковъ праздника. Это Лили. «Въ ея обращеніи — нѣчто дѣтское; въ ея движеніяхъ — свобода и легкость» — начинаетъ Гете, описывая свое кратковременное съ нею знакомство. Съ полной откровенностью повѣряетъ она ему повѣсть своего младенчества, исторію своей юности; сочувствіе сближаетъ ихъ и сулитъ имъ прочную супружескую жизнь; родители согласны и ему пора отдохнуть; но богатое, многочисленное родство Лили становится поперегъ и онъ снова предоставленъ самому себѣ. Прелестные очерки, ее характеризующіе и нѣсколько своеобразныхъ стихотвореній [100]) остаются наслѣдіемъ этой кратковременной связи. А между тѣмъ преслѣдованія за «Вертера» не даютъ ему покоя; онъ прибѣгаетъ къ инкогнито; но войдетъ ли въ гостинницу — лубочныя картинки изъ «Вертера» красуются на ея стѣнахъ; выйдетъ ли онъ на площадь, на ярмарку, — саженныя вывѣски колятъ ему глаза:

«Такъ что каждый палкой укажетъ:
Вона, какъ пулей пробита башка!
Каждый за кружкою пива скажетъ:
Слава-то Богу, что это не я!» [101])

---

[95]) Goethe und Werth. v. Kestner, 1855. 2. Aufl. S. 233, 234, 235 и 236. [96]) Deutsche Chronik. 1. Jahrg. Dec. 1774. S. 574. [97]) Engels vielverbreiteter Philosoph. Th. 1. 2. 1774. [98]) Magasin der Deutschen Kritik. 1775, Th. I. S. 16.

[99]) Werther u. s. Zeit, v. Appell. 1865, S. 37.

[100]) «Warum ziehst du mich unwiederstehlich,
Ach, in jene Pracht?
War ich guter Junge..» и проч.

[101]) Ib. S. 42.

Пародіи на «Вертера» обогащаютъ театральныя кассы; высокое обращено въ смѣшное, на смѣшное охотниковъ много. Гете рвется въ Италію [102]); онъ уже на дорогѣ къ ней, но когда наступила рѣшительная минута, старая наперстница Лили, имъ какъ бы очарованная, не можетъ допустить себѣ мысли о разлукѣ; онъ указываетъ на препятствія отъ него независящія, на надежду въ будущее; напрасно; она не пускаетъ его. «Она была взволнована; я также; произошла сцена, кончившаяся тѣмъ, что я послалъ за почтовыми лошадьми. Я просилъ ее успокоиться; увѣрялъ ее, что мое отсутствіе будетъ кратковременное, что я не замедлю возвратиться. Она не хотѣла ничего слышать и продолжала возмущать мою и безъ того уже возмущенную душу; карета была у подъѣзда, все было уложено; почталіонъ изъявлялъ знакомые знаки нетерпѣнія; я вырвался изъ ея рукъ, но она снова умѣла задержать меня и потокъ ея краснорѣчія снова пущенъ былъ въ ходъ; такъ что я наконецъ страстно и какъ бы вдохновенно возразилъ ей словами моего Эгмонта....» И странно звучатъ слова двадцатипяти-лѣтняго юноши, обращенные къ шестидесятилѣтней дуаньѣ:

«Дитя, дитя, умолкни! Словно незримымъ духомъ гонимые, лучезарные кони времени мчатъ легкую колесницу нашей судьбы; возницамъ, намъ остается только управлять браздами и, оглядываясь по сторонамъ, тамъ охранять колеса отъ камня, здѣсь отъ провала. Куда мчимся — кто знаетъ? едвали кто помнитъ — откуда?» [103]).

[102]) «Ich entschloss mich daher abermals zur Flucht....». Goethe's Werke, ibid. B. 48, S. 181. [103]) Ib. Nachgelassene Werke B. 48, S. 195.

Онъ въ дорогѣ; онъ пишетъ къ Лоттѣ: «*19 января 1775*. Изъ сердца Швейцаріи, съ мѣста гдѣ Тель снесъ яблоко съ головы сына, почему именно оттуда — эти два слова къ вамъ, послѣ долгаго молчанія?

«Отраденъ, любезная Лотта, взглядъ на васъ, на вашихъ малютокъ, на вашего любезнаго мужа изъ той дивной природы, гдѣ благородное племя не смѣетъ быть недостойнымъ отцевъ... Ни разсказывать, ни описывать я не въ силахъ; быть можетъ, разскажу когда буду въ отсутствіи, какъ это бывало со многимъ, милымъ моему сердцу. — Не правда ли, вы еще немножко любите меня; сохраните же это немножко и поцѣлуйте отъ меня вашего мужа и вашихъ малютокъ. Прости. Альтдорфъ; три часа отъ Готтарда, на который всхожу завтра» [104]).

Гете въ Италіи. Тамъ усвоитъ онъ наукѣ новые взгляды, внесетъ въ нее новыя положенія; ботаникѣ: листъ — первообразъ растеній»; остеологіи: черепъ — развитой позвонокъ, вѣнецъ спиннаго хребта. Тамъ онъ вдохновенно скажетъ: «Мысль о безконечно-конечномъ мнѣ сегодня ясна какъ ладонь!» Тамъ великіе мастера эпохи возрожденья найдутъ въ немъ вѣрнаго цѣнителя ихъ произведеній.... «Природа пожелала увидѣть свое отраженіе — говоритъ Гейне — и создала Гете; ея мысли, ея намѣренія отражаются въ немъ какъ въ зеркалѣ. Не слишкомъ же нападайте на горячаго его поклонника, особенно въ знойное, каникулярное время, когда этотъ поклонникъ до того восторгается совпаденіемъ образовъ и предметовъ съ зеркаломъ, что

[104]) Goethe u. Werther, v. Kestner. 1855, 2. Auf. S. 242.

приписываетъ ему силу создавать такіе же предметы и образы...»

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Вѣчный городъ, не успѣлъ войти въ Ватиканъ, ему загораживаетъ дорогу какой-то назойливый англичанинъ; разсказывай все сначала: какъ, что, гдѣ, почему, и на какой именно улицѣ домъ, въ которомъ жила его Лотта? — «Въ Индію я поѣзжай — жалуется поэтъ—и тамъ бы тѣнь Вертера преслѣдовала меня?» И она его преслѣдуетъ; хотя рѣже и рѣже, но все же преслѣдуетъ и въ лѣта его мужества, и въ лѣта его старчества.

Онъ возвращается на родину; онъ въ Веймарѣ, и все чѣмъ можетъ улыбнуться жизнь человѣку въ его положеніи, улыбается ему; но тѣнь «Вертера» съ нимъ неразлучна. Процессіи, памфлеты, упреки, оваціи, скандалы, восторженныя пѣсни, филиппики, театральныя и литературныя пародіи, безсвязно и хаотически отзываются въ его ушахъ. Онъ снова волнуется, мечется или утѣшаетъ себя:

«Нѣмцы читали меня, французы ко мнѣ снисходили,
Англія! скорбнаго друга ты горячо приняла». [105])

То пишетъ въ отчаяніи:

«Ach, wie hab'ich so oft die thörichten Blätter verwünschet,
Die mein jugendlich Lied unter die Menschen gebracht,
Und wenn Werther mein Bruder gewesen, ich hätt'ihn erschlagen,
Kaum verfolgte mich so rächend sein trauriger Geist» [106]).

По временамъ, онъ прикидывается равнодушнымъ, хит-

[105]) Goethe's Werke. Epigramme aus Venedig.
[106]) Изъ рукописи, спасенной отъ огня секретаремъ Веймарской библіотеки Крейтеромъ.

ритъ передъ неугомонной публикой, называетъ «Вертера» «ничтожной книжечкой, нестоющимъ вниманія произведеньецемъ молодости», а между тѣмъ въ пріятельскомъ кругу говоритъ, что «не кошка же онъ, если написавъ Вертера, дожилъ до восьмидесяти лѣтъ» [107]), что

«.....даже китаецъ малюетъ
Робкой рукой на стеклѣ Вертера съ Лоттой его» [108])

Проходятъ сорокъ четыре года со времени появленія «Вертера». Наполеонъ въ Эрфуртѣ. Онъ призываетъ Гёте и говоритъ ему, что семь разъ перечитывалъ его романъ; онъ входитъ съ нимъ въ подробныя объясненія и между прочимъ замѣчаетъ, что смѣшеніе мотивовъ, доведшихъ Вертера до отчаянія, ему не нравится, что оскорбленное самолюбіе Вертера, въ параллели съ его страстью, ему кажется неестественнымъ и ослабляетъ въ читателѣ представленіе о необычайной силѣ любви, его сокрушившей. «Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спрашиваетъ Наполеонъ. «Онъ изучилъ Вертера, — говоритъ Гёте — какъ судья уголовнаго суда изучаетъ обвинительные акты, и въ этомъ-то смыслѣ говорилъ онъ и со мной» [109]).—Въ маленькой походной библіотекѣ Наполеона, во время египетскаго похода, былъ и французскій переводъ Вертера [110]).

M-me Сталь писала: «Нѣмцы какъ и англичане очень богаты романами; но что не имѣетъ ни равнаго, ни подобнаго себѣ, это — Вертеръ» [111]).

[107]) Werther. u. s. Zeit, v. Appell. 1865. S. 5. [108]) Goethe's Werke. Epigramme aus Venedig. [109]) Werth. u. s. Zeit, v. Appel, 1865, S. 36. [110]) Memoires de Bourrienne, T. 1, chap. XIII. [111]) De l'Allemagne, T. II, Chap. XXVIII p. 83.

Обратимся ли къ новѣйшимъ историкамъ литературы: «Искусство и природа, вымыселъ и истина, эксцентричность и духовное здоровье, сантиментальность и простодушие, движенie и спокойствie подаютъ другъ другу руку въ «Вертерѣ» — говоритъ Гервинусъ [112].

Въ предисловiи къ своему переводу «Геца ф. Берлихингена» (стр. XII) Вальтеръ Скоттъ выражается: «The following drama was written by the elegant Author of the Sorrows of Werter».

«Въ теченiи четырехъ недѣль проливалъ я слезы — пишетъ историкъ Ребергъ — не столько въ сочувствiи къ любви и къ судьбѣ Вертера, сколько въ искреннемъ сознанiи, въ собственномъ уничиженiи, что не могу такъ мыслить и быть такимъ какъ онъ» [113].

Социалистъ П. Леру, говоритъ между прочимъ въ своихъ «Considerations sur Werther», сопровождающихъ его переводъ, что «перечитывая Вертера, онъ снова потрясенъ былъ тѣмъ, что его такъ трогало въ юности, что пiитическiе образы Гёте также ясны, какъ положенiя Вольтера» [114].

Э. Монтегю говоритъ въ своей статьѣ «Types modernes en litterature»:

«Я читалъ Вертера въ возрастѣ, когда увлекаешься всѣмъ, не испытавъ ничего; я читалъ его въ старости, когда перечувствовано слишкомъ много чтобъ увлекаться легко, и

112) Geschichte der deutchen Dichtung, 1853, B. IV; S. 479. 113) Werth. u. s. Zeit, v. Appell. 1865, S. 2. 114) Переводъ Леру вышелъ въ 1829 и выдержалъ нѣсколько изданiй. Жоржъ — Зандъ украсила его предисловiемъ, исполненнымъ пiитическихъ красотъ

всегда герой «синяго фрака» производилъ на меня тоже чарующее дѣйствie...» [115])

Нельзя не указать и на ту пѣснь семидесятыхъ годовъ, которую приписываютъ И. Г. Мерку другiе Рейценстейну, и которая во всѣхъ процессiяхъ и овацiяхъ на мнимой могилѣ «Вертера» играетъ первую роль:

«Ausgelitten hast du, ausgerungen...» [116])

Историкъ Шлоссеръ свидѣтельствуетъ, что эта пѣснь раздавалась и въ его юности и въ его старчествѣ, съ береговъ Сѣвернаго моря и Везера до южныхъ предѣловъ Германiи» [117]).

Не пора-ли кончить?

«Hast du an liebender Brust das Kind der Empfindung gepfleget,
Einen Wechselbalg nur gibt dir der Leser zurück».

Авторъ этого обозрѣнiя все-таки скажетъ въ заключенiе нѣсколько словъ о кажущейся несвоевременности для насъ такихъ книгъ, какъ «Вертеръ». Считая реальное направленiе въ нашей литературѣ насущною необходимостью и отдавая такому направленiю преимущество передъ направленiемъ гуманитарнымъ, котораго полезность, по его мнѣнiю, несомнѣнна, но которое должно на время уступить первенство голосу нашихъ насущныхъ нуждъ, — онъ ставитъ себя какъ бы въ противурѣчiе, издавая свой переводъ «Вертера». — Однако, противурѣчiя тутъ нѣтъ. Самые горячie

и правды. 115) Revue des deux mondes, 1855. 116) Wieland's «Deutcher Merkur», 1775, Juni, S. 193. 117) Geschichte des XVII. Jahrhunderts (IV, 1 7).

поклонники реальнаго направленія не могутъ отрицать силы общихъ стимуловъ на пути прогресса, а такими-то стимулами и богатъ «Вертеръ».—Достоинство, стало быть, относительное?—Пожалуй. Но сознавая-то эту относительность, онъ и дополнилъ свой переводъ опытомъ монографіи, въ которомъ держался возможно строгаго метода. Кромѣ того, онъ не можетъ согласиться и съ дошедшими до него замѣчаніями о вредѣ «Вертера», по устарѣлости нѣкоторыхъ высказанныхъ въ немъ идей, и не можетъ согласиться потому, что такая устарѣлость сама по себѣ естественна,—что самъ читатель знаетъ, что̀ ему теперь не въ прокъ. Будемте же дурковаты, если это надобно; но отбросимте замѣчанія обрядныя; вѣдь насъ ничто не обязываетъ къ послѣднимъ [118]).

[118]) Заговоривъ снова въ печати, не можетъ онъ также, какъ переводчикъ, умолчать и о странныхъ противу его переводовъ выходкахъ. Такъ напримѣръ: нѣсколько шутовскихъ и меркантильнаго характера статей, по поводу его переводовъ изъ Гете, появилось когда-то въ тѣхъ самыхъ періодическихъ изданіяхъ, въ которыхъ онъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, печаталъ ихъ и которыхъ рецензіи разсыпались въ неумѣренныхъ ему похвалахъ, покуда онъ числился въ ихъ приходѣ. Дѣло извѣстное! и стоитъ ли говорить объ этомъ? Однако, если въ другомъ опытѣ монографіи къ своему переводу «Фауста» онъ коснется нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ qui-pro-quo и при этомъ кстати отвѣтить на брошенные въ него камешки, то это будетъ кажется въ порядкѣ вещей.

СТРАДАНІЯ МОЛОДАГО ВЕРТЕРА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТЪ АВТОРА.

Все, что можно было узнать о происшествіи съ бѣднымъ Вертеромъ, все это я старательно собралъ, предлагаю вамъ теперь и знаю, что вы мнѣ скажете спасибо за то. Вы не сможете отказать въ вашей любви, въ вашемъ уваженіи его сердцу, его характеру, какъ не откажете въ слезѣ его участи.

Скорбящій, какъ онъ скорбѣлъ, почерпни утѣшеніе въ его страданіяхъ, въ его борьбахъ, и пусть будетъ эта книжечка твоимъ другомъ, если по прихоти судьбы или по своей винѣ, не имѣешь лучшаго!

КНИГА ПЕРВАЯ.

—

4 Мая.

Какъ я радъ, что я уѣхалъ! скажи, мой милый, что же послѣ этого сердце человѣка? оставить тебя, котораго такъ люблю, съ кѣмъ не разставался еще, и радоваться! но мнѣ ты простишь; развѣ всѣ мои прочія связи не были враждебны мнѣ? онѣ запутали мое сердце. Бѣдная Элеонора! [1] а можно-ли обвинять меня? виноватъ ли я, что въ ней развивалась пагубная страсть, между тѣмъ какъ игривая прелесть ея сестры доставляла мнѣ пріятное развлеченіе? и однако, совершенно ли безукоризненъ я? не питалъ я развѣ ея ощущеній? не я ли восхищался малюткою? не я ли радовался живымъ, непритворнымъ проявленіямъ ея натуры, заставлявшимъ насъ часто смѣяться, тогда какъ онѣ вовсе не были смѣшны? не я ли,—но что же за созданье человѣкъ, если самъ-же можетъ обвинять себя во всемъ!

Обѣщаю тебѣ, добрый другъ, исправиться; не буду такъ часто тревожить себя укоризнами, какъ я это дѣлалъ прежде; буду пользоваться настоящимъ, а прошлое предоставлю прошедшему. Ты правъ, люди были бы менѣе

несчастливы, еслибъ—и зачѣмъ они такъ созданы!—не насиловали своихъ мрачныхъ мыслей о прошедшемъ, а лучше были бы менѣе равнодушны къ настоящему.

Будь такъ добръ, скажи матушкѣ, что дѣломъ ея займусь какъ слѣдуетъ и что скоро отдамъ въ немъ отчетъ; я говорилъ съ теткой и вовсе не нашелъ той злой бабы въ ней, какою она слыветъ у насъ; она просто живая, вспыльчивая, но добрая женщина; я объяснилъ ей сѣтованія матушки за невыдѣленную часть наслѣдства; она изложила мнѣ свои основанія, причины и условія на раздѣлъ, даже болѣе для насъ выгодный; словомъ, прошу сказать, что все будетъ улажено. И на этомъ, дружокъ, не большомъ дѣлѣ убѣдился я, что вся путаница на бѣломъ свѣтѣ происходитъ не столько отъ злобы и каварства, сколько отъ недоразумѣній и безпечности; первыя встрѣчаются, по крайнѣй мѣрѣ, гораздо рѣже.

Вообще мнѣ здѣсь очень хорошо. Уединеніе въ этой чудной сторонѣ—драгоцѣнный бальзамъ для меня! и весна, въ весну жизни, согрѣваетъ всею своей полнотой мое запуганное сердце. Каждый кустъ, каждое деревцо въ цвѣту, и тонуть-бы мнѣ, какъ тонетъ майскій жукъ въ морѣ благоуханій, и питаться бы мнѣ только ими!

Самый городъ непріятенъ, но его окрестности очаровательны; это побудило покойнаго графа M* разбить садъ на одномъ изъ холмовъ, разнообразно волнующихъ мѣстность въ виду прелестнѣйшихъ долинъ. (²) Садикъ простъ, и при входѣ въ него чувствуешь тотчасъ, что не искусство садовника, а любящее сердце набросало его планъ; въ полуразвалившейся бесѣдкѣ, бывшей любимымъ мѣстомъ умершаго и ставшей теперь моимъ уголкомъ, пролилъ я не одну слезу въ его память. Скоро сдѣлаюсь хозяиномъ

сада; садовникъ мнѣ преданъ, и вотъ уже нѣсколько дней къ моимъ услугамъ; не ошибется и онъ во мнѣ!

---

10 Мая.

Чудная веселостъ овладѣла моимъ сердцемъ! ее могу сравнить только съ майскимъ утромъ, которымъ наслаждаюсь теперь. Я одинокъ, и счастливъ моимъ одиночествомъ въ этихъ мѣстахъ, какъ будто нарочно созданныхъ для такихъ душъ какъ моя! я такъ счастливъ, мой другъ, такъ весь погруженъ въ чувство спокойнаго бытія, что искусство мое отъ этого страждетъ; не могу рисовать, не могу взять карандаша въ руки, а между тѣмъ никогда не былъ такимъ живописцемъ какъ теперь.

Когда надъ благоуханной долиной стелется паръ, надъ непроницаемой мглой сосѣдняго лѣса горитъ солнце, и только украдкой иной лучь прорывается сквозь чащу, святыню его, а я подъ голубымъ сводомъ, погруженный въ высокую траву, дышу прохладой студенаго ручья, и вокругъ меня копошется въ разнообразіи несмѣтныхъ травъ несмѣтный рой разнообразнѣйшихъ насѣкомыхъ и мушекъ, и весь этотъ безчисленный хоръ чудныхъ явленій снуется, тѣснится къ моему сердцу—о, тогда невольно сознаешь присутствіе Того, по подобію котораго мы созданы, чувствуешь дыханіе его божественной любви; она паритъ въ вѣчной радости, поддерживаетъ, питаетъ насъ! (³)

Другъ мой, въ такія минуты глаза мои смыкаются и небо съ окружающимъ его міромъ, какъ образъ той любви, отражается на глубинѣ моей души! тогда стремлюсь и думаю: еслибъ ты могъ вдохнуть

*

въ полотно, что такъ согрѣваетъ, что во всей своей полнотѣ живетъ въ тебѣ! чтобъ оно было зеркаломъ твоей души, какъ она — зеркало безконечнаго! въ такія минуты, другъ, изнемогаю передъ величіемъ окружающихъ меня явленій!

---

12 Мая.

Не знаю, теплота-ли фантазіи, моей небесной спутницы, иль обаяніе чарующихъ геніевъ обращаютъ пепелище мое въ какой-то рай? этотъ сосѣдній колодезь, (4) напримѣръ? я прикованъ къ нему какъ Мелузина съ сестрами. Спускаешься съ небольшаго холма и стоишь передъ сводомъ, къ сѣнямъ котораго ведутъ нѣсколько ступеней въ низъ; тутъ, изъ каменистаго утеса, бьетъ ключь чистѣйшей воды; повыше, невысокая стѣнка служитъ оградой; со всѣхъ сторонъ деревья, защита отъ вѣтра. Прохлада, журчанье струи, все это имѣетъ нѣчто заманчивое, таинственное: нѣтъ дня, чтобъ я здѣсь часу не провелъ.

Городскія дѣвушки приходятъ сюда съ кружками, для занятія самаго простаго, самаго невиннаго и, какъ нѣкогда царскія дочери, запасаются здѣсь водой. Патріархальная жизнь олицетворяется: вотъ они, праотцы наши; они узнаютъ суженыхъ, знакомятся, сватаются, и благодѣтельные геніи, покровители ключей и источниковъ, осѣняютъ ихъ. Кому это чуждо здѣсь, тотъ никогда въ знойный часъ, послѣ долгаго странствія, не зналъ упоеній студенаго ручья.

---

13 Мая.

Ты спрашиваешь, не прислать ли мои книги? другъ, ради Бога, избавь отъ нихъ! не нуждаюсь я больше ни въ руководствахъ, ни въ возбужденіяхъ; это сердце, развѣ не бьетъ оно черезъ край! мнѣ скорѣе нужна колыбельная пѣснь, и я нахожу ее цѣликомъ въ моемъ Гомерѣ; онъ часто убаюкиваетъ бушующую кровь мою. О, какъ порывисто, какъ неровно бьется оно, это сердце! и тебѣ ли мнѣ это говорить, любезный мой? тебѣ ли, который столько разъ бывалъ грустнымъ свидѣтелемъ моихъ порывовъ, моихъ внезапныхъ переходовъ отъ глубокой скорби къ необузданному веселью, отъ тихой меланхоліи къ пагубной страсти? за то и обращаюсь я съ моимъ сердцемъ, какъ съ больнымъ ребенкомъ; нѣтъ ему отказу ни въ чемъ.

Не разсказывай объ этомъ; найдутся люди, которые насъ не поймутъ, и все перетолкуютъ по своему.

---

15 Мая.

Простолюдины околодка уже знаютъ и любятъ меня, въ особенности ихъ дѣти. (5) Когда я присосѣдился къ нимъ, началъ разспрашивать о томъ, о семъ, нѣкоторые приняли это за насмѣшку и мнѣ на дверь указали; я не огорчился и только тверже сознаъ, почему они со мной такъ обошлись: люди извѣстныхъ положеній обыкновенно чуждаются такъ называемаго простонародья; а если иной франтъ или повѣса и побратается съ нимъ иногда, такъ развѣ, чтобъ только тѣмъ больше выказать свое превосходство! Знаю что мы не ровня, что мы не можемъ, еслибъ и желали,

быть равны; я все же тотъ, кто для поддержанія своего достоинства щетинится передъ низшимъ, тотъ также по-моему жалокъ какъ и трусъ, бѣгущій отъ непріятеля изъ страха быть побитымъ.

Недавно встрѣтился я у колодезя съ одною изъ городскихъ служанокъ; кружку съ водой она только что поставила на нижнюю ступень и ждала, не подойдетъ ли подруга подсобить; я спустился съ лѣстницы и, посмотрѣвъ ей въ глаза, — не помочь ли? спрашиваю; она раскраснѣлась. — О, сударь... Безъ церемоніи! — Она принаровилась; а поднять на голову сосудъ — я помогъ; поблагодаривъ меня, она поднялась на лѣстницу.

---

17 Мая.

Я перезнакомился со многими; но общества еще не нашелъ. Не понимаю, что́ люди находятъ во мнѣ? многіе ищутъ моего знакомства; ихъ привязанность меня трогаетъ, и мнѣ всегда тяжело, когда вынужденъ бываю разставаться съ ними.

Если спросишь: каковы здѣсь люди? — я отвѣчу: какъ и вездѣ! — родъ человѣческій вообще вещица довольно однообразная; большую часть времени они употребляютъ на заработку хлѣба, а остальная малая доля свободы ихъ такъ пугаетъ, что они дѣлаютъ все, чтобъ избавиться отъ нее; о, назначенье человѣка!

И что за простые, но добрые люди! ничѣмъ не бываю я такъ доволенъ, какъ если мнѣ удастся повеселиться съ ними, устроить пирушку, прогулку, пляску или тому подобное. Шутки, бесѣда самая откровенная, душа на распашку, какъ это все веселитъ меня! и еслибъ только меня не тре-

вожила мысль, о моихъ напрасно — ты знаешь ихъ — пропадающихъ силахъ! превозмогаешь себя; скрываешь свои средства; а это сердце щемитъ. И быть все таки не понятымъ — наша участь!

Ахъ, зачѣмъ было мнѣ знать ее, друга моей молодости! гдѣ она? слѣпецъ, сказалъ бы я, ты ищешь невозможнаго на землѣ! и однако я зналъ ее, я зналъ ту великую душу, въ союзѣ съ которой я больше былъ, нежели могу быть теперь, потому что былъ всѣмъ, чѣмъ могъ только быть. Она была старше меня. Ни одна струна души не оставалась праздною, и то дивное чувство, которымъ всю природу объемлю, оно было раскрыто передъ ней. Тихія движенія сердца, перлы остроумія, все, отъ отчетливой мысли до игривой мечты, — на всемъ была печать генія, и все на снѣдь времени ушло! никогда не забуду и ея твердости духа, и ея божественной терпимости! (6)

Нѣсколько дней тому, встрѣтилъ я молодаго О*. Открытая, счастливая наружность и свѣжія знанія — онъ только что изъ университета — говорятъ въ его пользу. Не выдавая себя мудрецомъ, онъ однако не безъ претензіи, что свѣдѣніями богаче другихъ, и частью это такъ. Замѣтивъ что я хорошо рисую и знаю греческій языкъ, (два феномена здѣсь) онъ выказалъ много литтературныхъ познаній, съ Батё до Воода и съ де-Пиля до Винкельмана; при чемъ далъ замѣтить, что знаетъ всю первую часть теоріи Зульцера и владѣетъ манускриптомъ Гейне объ изученіи антиковъ. — Ладно, подумалъ я.

Да еще познакомился я съ славнымъ, прямодушнымъ и сердечнымъ человѣкомъ, со здѣшнимъ городскимъ совѣтникомъ. У него девятеро дѣтей, и говорятъ, надо видѣть его между ними; въ особенности превозносятъ

его старшую дочь; онъ пригласилъ меня къ себѣ и на дняхъ я отправлюсь къ нему; живетъ онъ, въ полутора часахъ отсюда, на герцогскомъ охотничьемъ дворѣ. Городская ратуша, видишь, гдѣ умерла его жена, стала невыносима ему.

Кромѣ того, встрѣтилъ я еще нѣсколько блѣдныхъ оригиналовъ; скучные люди, и что въ нихъ несноснѣе всего, это ихъ увѣренія въ дружбѣ.

Будь здоровъ! письмо будетъ по тебѣ; оно историческое.

—

22 Мая.

Что жизнь человѣка только сонъ, это не мнѣ одному, многимъ приходило въ голову. Когда поймешь, какъ тѣсны границы нашихъ пытливыхъ, дѣятельныхъ силъ, когда увидишь къ чему ведутъ онѣ,—а ведутъ онѣ къ удовлетворенію потребностей, которыя въ свою очередь не имѣютъ другой цѣли какъ продленіе жизни—когда поймешь, наконецъ, что плоды извѣстныхъ нашихъ изслѣдованій не болѣе какъ пестрыя пятна на стѣнахъ арестантской нашей, все это, Вильгельмъ, притупляетъ языкъ; уходишь въ себя, и находишь цѣлый міръ! но и тотъ болѣе въ чаяніяхъ и смутныхъ желаніяхъ, нежели въ живой силѣ и ясныхъ представленіяхъ; послѣднія смѣшиваются, и мы, покорные слуги нашихъ грезъ, бредемъ и вкривь и вкось за ними.

Что дѣти не знаютъ, почему чего хотятъ, на счетъ этого всѣ достопочтенные господа, отъ гофмейстера до школьнаго учителя, согласны; но того, что и взрослые подобно дѣтямъ плутаются здѣсь какъ шальные, и какъ тѣ не знаютъ откуда, куда, зачѣмъ идутъ, и точно также къ обманчивымъ цѣлямъ спѣшатъ, точно также пирожками, бисквитами и розгами управляются—этого никто не хочетъ понять; а для меня оно ясно какъ день!

Напередъ съ тобой согласенъ, что счастливѣе всѣхъ тѣ, которые какъ дѣти со своими куклами возятся, туалетами ихъ занимаются и почтительно около камода съ конфектами похаживаютъ; дадутъ имъ, орутъ: еще!—и какъ довольны! да хорошо еще тѣмъ, что своимъ грошевымъ занятіямъ, своимъ страстишкамъ громкія названья даютъ и ихъ на весь крещеный міръ важными общественными улучшеніями называютъ. Хорошо слѣпцамъ! а кто понялъ, куда въ потемкахъ мѣтятъ эти господа, кто смирился и видитъ въ простой долѣ честнаго простолюдина больше смысла, и въ его саду, въ его огородѣ, даже въ ношѣ батрака сознаетъ вѣрнѣйшіе задатки счастья, тотъ молчитъ, уходитъ въ себя, и зная что каждому милъ свѣтъ дневной, счастливъ уже тѣмъ, что онъ человѣку сочувствуетъ и сознаетъ себя человѣкомъ. И какъ бы онъ ни былъ ограниченъ, онъ носитъ въ своемъ сердцѣ ничѣмъ незамѣнимый залогъ свободы, волю бѣжать, по первому желанью, изъ темницы своей!

—

26 Мая.

Гуляешь, бродишь, и натыкаешься наконецъ на уголокъ, который тебя привязываетъ и становится цѣлью твоихъ прогулокъ; такъ моя давнишняя, тебѣ извѣстная привычка пріютиться гдѣ нибудь, нашла себѣ пищу и здѣсь; это Вальгеймъ; (7) мѣстечко въ часовомъ разстояніи отъ города. Оно расположено на холмѣ и сообщается съ деревней тропинкой вьющейся по пригоркамъ, съ которыхъ виды на окрест-

ность очаровательны. Хозяйка маленькой гостинницы, [8] женщина привѣтливая и для своихъ лѣтъ еще бойкая, разливаетъ вино, пиво, кофе; но что всего привлекательнѣе здѣсь, это двѣ старыя липы, раскинувшія свою тѣнь изъ-за ограды на площадку, передъ папертью деревенской церкви. Крестьянскіе дома, сараи, кладовыя окружаютъ и совершенно, такъ сказать, замыкаютъ этотъ прелестный дворикъ; сюда-то выносятъ мнѣ изъ гостинницы стулъ со столомъ; тутъ пью мой кофе и читаю моего Гомера. [9]

Когда я въ первый разъ пришелъ сюда,—это было вчера, послѣ полудня,—здѣсь не было почти никого; всѣ были въ полѣ; только мальчикъ лѣтъ четырехъ сидѣлъ на травѣ, обнявъ обѣими рученками другаго, лѣтъ полутора, усаженнаго къ нему спиной; такимъ образомъ, онъ служилъ ему какъ бы кресломъ; меньшой бойко посматривалъ во всѣ стороны, но также сидѣлъ спокойно. Мнѣ понравилась эта группа, и я расположился поодаль на сохѣ, чтобы срисовать малютокъ. Сосѣдніе заборы, сараи и нѣсколько поломанныхъ колесъ не были забыты, и черезъ часъ, не прибавивъ ничего отъ себя къ рисунку, я былъ доволенъ имъ; это укрѣпило меня въ мысли— держаться впередъ одной натуры; она одна образуетъ великаго художника.

Въ пользу усилій и правилъ искусства можно сказать столько-же, сколько и въ пользу приличій общежитія; художникъ руководимый правилами не дастъ ничего слишкомъ грубаго, отвратительнаго, какъ изъ человѣка воспитаннаго въ духѣ законовъ и общественныхъ требованій не выйдетъ никогда несносный сосѣдъ или злодѣй на славу; но за то, чтобы ни говорили, всякое правило притупляетъ

чувство естественное и стѣсняетъ живыя проявленія природы.

Говори, что приговоръ мой слишкомъ рѣзокъ, что она сама стѣсняетъ насъ, обрѣзывая грозды жизни,—остаюсь при своемъ; съ нею, какъ съ нашею любовью. Юноша, напримѣръ, жертвуетъ всѣмъ своимъ временемъ, состояніемъ, силами, чтобы по десяти разъ на день доказать своей возлюбленной, что онъ всецѣло отдается ей, и это чувство самопожертвованія ему выше всего. Приходитъ господинъ занимающій въ государственной службѣ важное мѣсто, и говоритъ: молодой человѣкъ! любить можно, но надо любить по человѣчески; распредѣлите ваши дни; утро посвящайте труду, остальные часы отдавайте вашей любезной; составьте смѣту вашему состоянію, вашимъ расходамъ, и изъ остатковъ дѣлайте ей подарки въ ея имянины и по большимъ праздникамъ; вотъ какъ надо любить!—Послушается онъ, изъ него выйдетъ дѣльный молодой человѣкъ, дѣльный чиновникъ, и я первый готовъ буду рекомендовать его; но о его любви уже не спрашивайте! и если онъ художникъ, не ждите отъ него образца!

И вы удивляетесь, друзья мои, почему мысль генія, молнія ваша, такъ рѣдко озаряетъ васъ, почему потоки такъ рѣдко выступаютъ изъ береговъ, чтобъ освѣжать вашу душу? а вотъ, два друга, два пріятеля расположились на право и налѣво, вдоль рѣки; ихъ огороды, садики, цвѣтнички такъ разрослись! и вы хотите, чтобы тѣ два счастливца не обезпечили себя громоотводами и плотинами? да полноте, любезные друзья!

---

27 Мая.

Я кажется пришелъ въ восторгъ, впалъ въ метафоры и сравненія, а между тѣмъ забылъ разсказать тебѣ, что было дальше съ дѣтьми.

Погруженный въ художественное созерцаніе, о которомъ дастъ тебѣ понятіе вчерашній рисунокъ, я просидѣлъ на моей сохѣ часа съ два; вечерѣло; а дѣти все еще сидѣли неподвижно; вотъ слышу, молодая женщина издали говоритъ: спасибо тебѣ Филипсъ, ты молодецъ!—она подошла ближе и поклонилась мнѣ; я всталъ, подошелъ къ ней и спросилъ; не мать ли она дѣтямъ? — Да,—отвѣчаетъ она; даетъ старшему половину булки, подымаетъ младшаго и нѣсколько разъ горячо цѣлуетъ его,— да, я поручила Филипсу подержать малютку, а сама со старшимъ въ городъ пошла, имъ крупы и сахару купить, да вотъ эту глиняную посудину.—Все это было у ней въ корзиночкѣ, которая была безъ крышки.—Вечеромъ будетъ супъ Гансу (такъ называла она младшаго); мой пострѣлъ, старшій, разбилъ такую же посудину вчера, когда съ братомъ изъ-за кашицы заспорилъ.—Я спросилъ ее о старшемъ сынѣ, и неуспѣла она сказать, что онъ въ полѣ гусей гоняетъ, какъ онъ подскочилъ и подарилъ брата вѣткой орѣшника. Я разговорился съ этой женщиной и узналъ, что она дочь деревенскаго учителя, [10] что мужъ ея уѣхалъ въ Швейцарію за маленькимъ наслѣдствомъ, которымъ родственники хотѣли его обойти, не отвѣчая даже на письма. — Не имѣю извѣстій отъ него, и еслибъ только съ нимъ несчастья не случилось на дорогѣ!—прибавила она; я подарилъ дѣтямъ по крейцеру; далъ и ей одинъ на кашицу малюткѣ, и мы разошлись.

Другъ, когда мнѣ тяжело на душѣ, подобныя сцены убаюкиваютъ меня; мнѣ становится легче при взглядѣ на

созданье покорное тѣсному кружку своего бытія; живетъ оно изодня въ день, видитъ какъ осенью листья падаютъ, и при этомъ думаетъ только, что вотъ-молъ скоро выпадетъ и снѣгъ!

Съ той поры я часто тамъ; дѣти привыкли ко мнѣ; я кормлю ихъ булками и сахаромъ, когда кофе пью; а по вечерамъ дѣлюся съ ними простоквашей; въ воскресные дни они получаютъ отъ меня по крейцеру, и въ мое отсутствіе хозяйка знаетъ что ей дѣлать. За это они платятъ мнѣ откровенностью, и когда соберется много дѣтей, ихъ маленькія страсти, вспышки, ссоры, какъ это все занимаетъ меня! мнѣ стоило труда увѣрить мать, что дѣти вовсе меня не безпокоятъ.

---

30 Мая.

Чтò я намедни сказалъ о живописи, то можно сказать и о поэзіи; все дѣло въ умѣньи схватить прекрасное, и въ отвагѣ его передать; конечно это не бездѣлица. У меня была сцена сегодня, которая, если-бъ списать ее, составила бы прекрасную идиллію; но къ чему поэмы и идилліи? неужели нельзя безъ нихъ? живое участіе въ живыхъ явленіяхъ природы, развѣ оно должно быть всегда взнуздано?

Если послѣ такаго предисловія ждешь чего нибудь особеннаго, необыкновеннаго,—ошибешься; я просто заинтересованъ простымъ крестьянскимъ парнемъ. Мой разсказъ будетъ, какъ и всегда, нѣсколько жиденекъ, и ты по обыкновенію скажешь, что я преувеличиваю; а чтò наводитъ меня на такіе куріозы, это все тотъ-же, все тотъ-же Вальгеймъ!

Общество, которое было какъ-то не помнѣ, собралось

вчера подъ тѣнь моихъ липокъ—кофе пить; я нашелъ предлогъ уклониться.

Подъ вечеръ приходитъ изъ сосѣдняго дома красивый парень и начинаетъ возиться съ сохой, извѣстной тебѣ по моему рисунку; наружность его мнѣ понравилась; я разговорился съ нимъ и, какъ это часто со мной бываетъ, мы сошлись, пустились въ откровенности. Сначала онъ мнѣ сказалъ, что служитъ у вдовы, обращеньемъ которой весьма доволенъ; потомъ началъ говорить о ней въ выраженьяхъ, изъ которыхъ нельзя было не замѣтить, что онъ ей преданъ всей душой.

— Она же немолода, — сказалъ онъ — была несчастлива съ мужемъ и не хочетъ снова выходить зà-мужъ. —

Изъ его словъ, движенiй было видно, какъ прекрасна, какъ привлекательна она въ его глазахъ, какъ бы желалъ онъ, чтобъ она взыскала его и тѣмъ подала ему поводъ изгладить тяжелое впечатлѣнье, оставленное въ ней первымъ мужемъ. Пришлось бы повторить все, слово зà слово, чтобы дать вѣрное понятiе о привязанности, о любви этого человѣка; только талантъ великаго мастера изобразитъ огонь его движенiй, гармонiю его рѣчи, чудный отблескъ его глазъ; никакое слово не выразитъ нѣжности, проявлявшейся въ его манерахъ, въ звукахъ его голоса, въ его цѣломъ, и все что я тутъ нагородилъ тебѣ, все это такъ безцвѣтно и вяло! не даетъ ни какого понятiя о томъ, что еще такъ живо передо мной! въ особенности тронули меня его опасенья, чтобъ я не подумалъ дурно объ его отношенiяхъ къ ней, объ ея поведенiи.

Съ какимъ жаромъ, съ какимъ чувствомъ говорилъ онъ объ ея наружности, объ ея особѣ; говорилъ о томъ, какъ неодолимо онъ привязанъ къ ней, какъ

эта привязанность не есть увлеченье ея прелестями, потому что для нихъ уже отцвѣла она. — Въ жизни моей не встрѣчалъ я желанiй, вожделѣнiй въ такой откровенной, первобытной чистотѣ; да, въ такой чистотѣ, повторяю, онѣ не являлись, не снились мнѣ никогда! и вѣрь если скажу, что при одномъ воспоминанiи той наивности въ его лицѣ, той трогательной правды въ его голосѣ, вся грудь моя горитъ! что образъ этого идеала вѣрности, нѣжности даже преслѣдуетъ меня, и что самъ я, какъ-бы застигнутый тѣмъ огнемъ, томлюся имъ и алчу его!

Найду случай увидѣть ее, или лучше, если подумаю, уклонюсь отъ этого; пусть вижу ее глазами ея обожателя, мнѣ можетъ она показаться иною, и зачѣмъ же испорчу тогда то прекрасное впечатлѣнiе?

---

16 Мая.

Почему не пишу? — самъ изъ ученыхъ, а спрашиваешь? тебѣ-бы догадаться, что мнѣ хорошо! — что — коротко и ясно, — я познакомился, — я, — я не знаю.

Разсказать тебѣ по порядку какъ я встрѣтился, какъ я познакомился съ прелестнѣйшимъ изъ созданiй, будетъ не легко; я доволенъ, я счастливъ, и стало быть плохой историографъ.

Ангелъ! — фи, — такъ называетъ каждый свою. Какое она совершенство, почему она совершенна, этого не умѣю объяснить; довольно если скажу, что она овладѣла всѣми силами моей души!

Столько простоты, при такой разумности! столько доб-

роты, при такой твердости! живость, дѣятельность, и при этомъ спокойствіе прекрасной души!

Не вѣрь, не вѣрь этой болтовнѣ, этимъ пустымъ отвлеченностямъ! во всемъ этомъ нѣтъ ни одной вѣрной черты. Въ другой разъ,—нѣтъ, не въ другой, а теперь-же, сейчасъ: не разскажу теперь, — неразскажу никогда; потому что — это пожалуйста между нами — съ той минуты какъ началъ писать, я нѣсколько разъ бросалъ перо, готовъ былъ сѣдлать лошадь и ѣхать къ ней; видишь-ли, я еще утромъ давалъ себѣ зарокъ—не выѣзжать со двора,—а вотъ, то и дѣло подхожу къ окну—взглянуть какъ высоко солнце....

Того-же дня.

Нѣтъ, я не могъ побѣдить себя; я долженъ былъ ѣхать къ ней! вотъ я снова здѣсь; съѣмъ чего нибудь, и напишу тебѣ; покуда скажу только,—видѣть, видѣть надо ее старшую, между восьмерыми братьями-сестрами!

Однако, если буду такъ продолжать, ты подконецъ узнаешь столько же, сколько и сначала; слушай же, я съумѣю принудить себя!

Я уже писалъ тебѣ, какъ познакомился я съ совѣтникомъ С* и какъ обѣщалъ его навѣстить въ его затворничествѣ или, вѣрнѣе, въ его маленькомъ королевствѣ; потомъ я забылъ объ этомъ и быть можетъ никогда бы не попалъ къ нему, еслибъ не случай.

Наша молодежъ, и я въ томъ числѣ, затѣяли сельскій балъ. Я предложилъ одной изъ здѣшнихъ дѣвицъ — хорошенькой, но незначительной—быть ея кавалеромъ; по усло-

вію, я долженъ былъ взять экипажъ, и съ нею и ея теткой заѣхать по дорогѣ за Шарлотою С*; [11] такъ это и было.

— Вы увидите прекрасную особу,—сказала моя молодая спутница, когда мы проѣхали лѣсные порубки и направились къ охотничьему дому. — Берегитесь, прибавила тетка, не влюбитесь!—А если бъ и такъ? — Она уже почти помолвлена,—отвѣчала старуха — за отличнаго человѣка; теперь онъ въ отъѣздѣ, привести только дѣла въ порядокъ по смерти отца.—Я принялъ это извѣстіе довольно равнодушно.

Солнце не скрылось еще за вершинами горъ, когда мы подъѣхали къ воротамъ; между тѣмъ воздухъ сталъ удушливъ и мои собесѣдницы начали не безъ основанія опасаться грозы, которая обозначилась на горизонтѣ маленькими бѣловато-сѣрыми тучками. Я старался разсѣять ихъ опасенія, хотя и мнѣ сдавалось, что прогулка наша не обойдется даромъ.

Я вышелъ изъ кареты. Въ воротахъ показалась горничная съ просьбой къ дамамъ— обождать минутку,—мамзель Лоттхенъ выйдутъ сейчасъ! — Я прошелъ черезъ дворъ въ красиво выстроенный домикъ, и когда взошелъ на лѣстницу и растворилъ двери, меня встрѣтила миловиднѣйшая сцена изо всѣхъ, когда либо мною видѣнныхъ! въ передней залѣ толпилось шестеро дѣтей, отъ одиннадцати до двухъ лѣтъ, вокругъ взрослой дѣвушки средняго роста, прекрасной наружности. На ней было бѣлое платье съ свѣтло-пунцовыми бантами на рукавахъ и на груди; она держала въ рукахъ ситній хлѣбъ, рѣзала его ломтями и надѣляла ими дѣтей, смотря по ихъ возрасту; она это дѣлала съ такимъ привѣтливымъ радушіемъ, дѣти такъ непринужденно говорили поочереди свое благодарствуй! что я какъ будто еще вижу ихъ протянутыя къ ней рученки, вижу, какъ одни тихо и

спокойно, другіе бойко и въ одинъ прыжокъ, смотря по характеру, отходили въ сторону или выбѣгали на дворъ — взглянуть на карету, которая должна была увезти ихъ Лотту.—Прошу извинить меня,—сказала она—что затруднила васъ и заставила дамъ ждать; съ одѣваньемъ и коекакими распоряженьями, я опоздала накормить дѣтей ужиномъ; а они такъ привыкли чтобъ это дѣлала я, что готовы хоть отказаться, и вотъ причина моей вины. —

Я отвѣчалъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Ея станъ, ея тонъ, ея манеры поглотили все мое вниманіе, и я неуспѣлъ опомниться, какъ она порхнула въ сосѣднюю комнату, чтобъ захватить перчатки и вѣеръ.

Между тѣмъ малютки посматривали на меня въ нѣкоторомъ отдаленіи, и не успѣлъ я подойти къ самому младшему,—миловидный малютка попятился—какъ Шарлотта вошла и сказала: Люи, дай-же дядюшкѣ ручку!—ребенокъ тотъ-часъ послушался, и я, не смотря на его сопливый носикъ, поднялъ и поцѣловалъ его.

Дядюшка?—сказалъ я, предлагая ей руку—вы полагаете, что я заслуживаю счастья быть съ вами въ родствѣ?— О,—отвѣчала она съ легкой улыбкой—наше общее родство такъ многочисленно, что право было бы жаль, еслибъ вы были послѣдній изъ множества.—

Проходя дворомъ, она поручила Софьѣ, старшей послѣ нея, дѣвочкѣ лѣтъ одиннадцати, смотрѣть за дѣтьми и поклониться отцу, когда онъ вернется съ прогулки. Обратясь къ малюткамъ она сказала, чтобъ они были послушны Софьѣ, какъ бы ей самой. Дѣти почти въ одинъ голосъ отвѣчали: будемъ! и только одна бѣлобрысенькая вострушка, лѣтъ шести, проворчала сквозь слезы: да все же, Лоттачка, это будешь не ты! сама знаешь.—

Двое старшихъ братьевъ вскарабкались на козлы, и Шарлотта позволила имъ, по моей просьбѣ, доѣхать до порубковъ, но съ тѣмъ чтобы другъ друга не дразнить и держаться крѣпче.

Едва успѣли дамы поздороваться и помѣняться замѣчаньями на счетъ своихъ туалетовъ, въ особенности шляпокъ, да пустить въ ожидавшее насъ общество нѣсколько шпилекъ, какъ Шарлотта приказала кучеру остановиться и выпустить братьевъ; оба подбѣжали къ ней поцѣловать ея руку: старшій, лѣтъ пятнадцати, сдѣлалъ это почтительно, даже съ нѣжностью; младшій, какъ и слѣдовало ожидать,— кое-какъ. Она еще разъ поручила имъ поклониться дѣтямъ, и мы отправились.

Тетка спросила Шарлотту: прочла-ли она посланную ей книгу?—Нѣтъ,—отвѣчала она—эта книга мнѣ не нравится; можете ее обратно получить; да и прежнія были нелучше.—Я удивился, когда она сдѣлала нѣсколько замѣчаній и когда я узналъ, какія это книги. Сколько характера было во всемъ, что говорила она! каждое слово имѣло свою прелесть! то были перлы одушевленія, ума, отражавшагося въ чертахъ ея лица, по мѣрѣ какъ она сознавала, что я понимаю ее:

—Когда я была поможе, романы я очень любила, и Богъ вѣсть, какъ я была счастлива, когда по воскресеньямъ, бывало въ уголокъ усядусь и начну дѣлиться участью съ какой нибудь миссъ-Дженни. Не скрою, что и теперь такія книги имѣютъ нѣкоторую прелесть для меня; но время мнѣ дорого, а потому надо, чтобы книга была мнѣ совершенно по вкусу; и авторъ, въ которомъ нахожу свой міръ, который мыслитъ по сердцу мнѣ, въ книгѣ котораго читаю какъ въ собственной жизни, тотъ авторъ мнѣ дороже дру-

*

гихъ,—потому что, хоть жизнь моя и не рай, а все же она мнѣ источникъ радостей невыразимыхъ! —

Не безъ труда скрылъ я чувство, вызванное во мнѣ послѣдними словами; но это продолжалось не долго. Когда она, мимоходомъ, сдѣлала нѣсколько мѣткихъ замѣчаній на Вакефильдскаго священника, на*** и на другія книги, — я заговорилъ съ жаромъ, и увлекся до того, что совершенно забылъ о нашихъ спутницахъ. Къ сожалѣнію, тутъ только я замѣтилъ, что онѣ оставались не причемъ, какъ бы ихъ вовсе не было; тетка даже нѣсколько разъ иронически улыбнулась; но особеннаго вниманія я на это не обратилъ.

Рѣчь зашла о развлеченьяхъ, о танцахъ. — Если танцы грѣхъ,—сказала Лотта—я должна буду сознаться, что очень грѣшна. Если я не въ духѣ, мнѣ стоитъ только сѣсть за фортепіано, да пробренчать какой нибудь контрдансъ, и все пройдетъ!—

Какъ упивался я во время разговора выраженьемъ ея черныхъ глазъ! какъ любовался я свѣжими щечками, оживленнымъ алымъ ротикомъ! весь погруженный въ смыслъ ея рѣчи, я не слушалъ даже словъ, которыми выражалась она. Ты это поймешь, потому что знаешь меня. Словомъ, когда мы остановились у подъѣзда, я вышелъ изъ кареты какъ шальной; не замѣчая, что дѣлается вокругъ меня, я не обратилъ бы даже вниманія на музыку, гремѣвшую изъ оконъ освященной залы,—не сдѣлай этого другіе.

Два Одрана и нѣкто N. N.,—кто запомнитъ всѣ эти имена?—кавалеры Лотты и тетки моей дамы, встрѣтили насъ у самой кареты; они взяли подъ руку своихъ дамъ; я повелъ свою.

Мы начали, какъ водится, съ минуэтовъ. Я переходилъ отъ одной дамы къ другой, и отъ самыхъ невзрачныхъ, отъ нихъ-то именно и нельзя было добиться руки, чтобы положить конецъ скучному танцу. Лотта и ея кавалеръ рѣшились первые начать англезъ, и какъ я обрадовался, когда очередь дошла до меня, можешь себѣ представить!

Надо видѣть ее въ танцахъ; она тутъ вся, и душой и тѣломъ; такъ свободна, безпечна, гармонична, какъ будто она ни о чемъ больше не думаетъ, ничего больше невѣдаетъ, и я увѣренъ, что въ это время передъ ней изчезаетъ все!

Я просилъ ее на второй контрдансъ; она могла согласиться только на третій, и при этомъ простодушно призналась мнѣ, что въ танцахъ цѣнитъ вальсъ выше всего. — Здѣсь такой обычай,—сказала она—что въ котильіонѣ каждый кавалеръ танцуетъ съ той дамой, съ которой пріѣхалъ; мой chapeau вальсируетъ плохо и будетъ очень радъ, если избавлю его отъ труда; ваша дама ему подъ пару, да и не любитъ вальса, а вы, какъ я замѣтила въ англезѣ, валсируете хорошо; и такъ, если желаете чтобъ я была ваша въ котильіонѣ, переговорите съ моимъ кавалеромъ, а я къ вашей дамѣ пойду.—Я разумѣется согласился; дѣло уладилось, и кавалеру Лотты оставалось только съумѣть — занять мою спутницу.

Мы пустились. Какъ граціозно, какъ легко танцуетъ она! когда дѣло дошло до вальса, и пары словно сферы закружились, намъ на первыхъ порахъ было не ловко; вѣдь мастерство большей части танцующихъ проявляется тутъ не проворствомъ, а толчками; мы были себѣ на умѣ, обождали нѣсколько, и когда наименѣе уклюжія пары очистили сцену, мы снова пустились, и съ другой парой,—то былъ Одранъ съ ***—дѣло свое смастерили отлично; я былъ въ ударѣ, и казалось, сталъ инымъ существомъ. Обнимать

прелестнѣйшее созданье и кружиться съ нимъ какъ вихрь, когда все вихремъ и кругомъ идетъ, — знаешь что̀ я тебѣ скажу? — въ это время я далъ себѣ клятву, что той дѣвушкѣ, которую буду любить, къ которой буду имѣть какія нибудь притязанья, той дѣвушкѣ — и умри я на мѣстѣ! — не позволю вальсировать ни съ кѣмъ; ты понимаешь меня!

Надо было прохладиться. Мы прошлись нѣсколько разъ въ смѣжной залѣ; Лотта присѣла, и отложенные въ сторону апельсины, пришлись теперь кстати; жаль только, что ея нескромная сосѣдка воспользовалась тѣмъ, что̀ изъ рукъ Лотты было-бы по̀сердцу и мнѣ!

Въ третьемъ экоссезѣ составляли мы вторую пару. И вотъ, въ то время мы какъ переплетаемся въ ряду танцующихъ, въ то время, какъ я Богъ вѣсть съ какимъ восторгомъ упиваюсь глазами Лотты, полными самаго чистаго, самаго невиннаго удовольствія, одна не молодая уже, но пріятной наружности дама бросается мнѣ въ глаза. При встрѣчѣ съ Лоттой, она два раза улыбнулась, два раза подымаетъ указательный палецъ, грозитъ, и произноситъ имя: Альбертъ! (12)

— Кто это, — если смѣю спросить — кто это Альбертъ? — Лотта уже готова была отвѣтить, какъ мы должны были разстаться, чтобы составить большую фигуру, и всякій разъ, какъ мы тутъ сходились, я замѣчалъ на ея лицѣ раздумъѣ, котораго не было передъ тѣмъ и слѣда.

— Что скрывать? — сказала она, подавая мнѣ руку на полонезъ, — Альбертъ прекрасный человѣкъ, съ которымъ я почти что обручена. — Это не было новостью для меня; спутницы говорили уже объ этомъ дорогой, и не смотря на то, извѣстіе показалось мнѣ совершенно новымъ, потому что относилось къ особѣ, которая между тѣмъ стала мнѣ до-

рога; словомъ, я задумался, впалъ въ разсѣянность, и очутился не въ своей парѣ; это спутало другихъ и произвело такой безпорядокъ, что нужно было все досужество, нужна была вся ловкость Лотты, чтобы привести опятъ все въ порядокъ.

Далеко еще было до конца танцевъ, какъ молніи, которыя выдавалъ я за зарницу, участились до того, что громовые удары заглушили наконецъ оркестръ; три дамы вышли изъ ряда танцующихъ; за ними послѣдовали ихъ кавалеры; безпорядокъ сдѣлался общимъ, и музыка умолкла.

Несчастье, испугъ въ минуту общаго веселья, дѣйствуютъ сильнѣе обыкновеннаго, и это не столько въ силу контраста, сколько потому, что чувственность наша становится въ такія минуты воспріимчивѣе, и стало быть, способнѣе на сильныя потрясенія. Этимъ только и могу объяснить себѣ порывистыя движенья, забавныя сцены, ужимки, гримасы, дававшія тутъ обильную пищу для наблюденій. Дамы и дѣвицы посмѣлѣе садились спиною къ окну и зажимали уши; другія, на колѣнахъ передъ ними, прятали лица въ складкахъ ихъ платья; третьи, заливаясь слезами, обнимали своихъ бѣдныхъ сестрицъ; однѣ спѣшили домой, другія, наиболѣе испуганныя, растерянныя, прятались по уголкамъ, давая нашей не очень-то цѣломудренной молодежи удобный случай для поживы. Непрошенныя утѣшенья оплачивались тутъ въ три-дорога, и часто цѣною къ небу обращенныхъ, но до него не доходившихъ восклицаній; живыя, алыя губки кающихся грѣшницъ такъ обольстительны! лепетъ ихъ теплыхъ молитвъ такъ обаятеленъ!

Люди постарше, покурить охотники спустились въ подвалъ и за трубочкой все забыли. Между тѣмъ заботливая хозяйка очистила особую комнату съ закрытыми

ставнями и опущенными сторами; остававшееся общество не замѣдлило этимъ воспользоваться, и едва мы вошли туда, какъ счастливая мысль Лотты—заняться фантами—была тотъ часъ же пущена въ ходъ; живо размѣстила она стулья въ кружокъ и взялась, къ общему удовольствiю, быть распорядительницей.

Я замѣтилъ, что у многихъ въ надеждѣ на лакомый фантъ, слюнки текутъ.— Мы играемъ въ счетъ;—сказала она,—теперь слушайте! я пойду кругомъ, справа на лѣво, считая: разъ, два! и такъ далѣе; вмѣстѣ со мной, каждый по порядку будетъ называть очередное число; кто запнется или ошибется, получаетъ шлепка, и такъ до тысячи.—

Надо было видѣть! поднявъ руку, она начала обходить кругъ.— Разъ,—началъ первый,—два,—продолжалъ второй, и такъ далѣе. Она ускорила шагъ, и еще, и еще,—вотъ кто то зазѣвался,—бацъ! раздался хохотъ, а изъ подъ него, и второму—тоже! и чѣмъ скорѣй она шла, тѣмъ больше сыпалось пощечинъ; я самъ получилъ двѣ, и мнѣ даже показалось, что онѣ были тяжелѣ другихъ. Всеобщiй хохотъ и гвалтъ положили конецъ шуткѣ, прежде чѣмъ Лотта дочла до тысячи; повеселѣвшее общество разбрѣлось; гроза между тѣмъ миновала.

Я вышелъ съ Лоттой въ боковую залу; на ходу она сказала мнѣ: за шлепками, они и непогоду и все забыли.—Я не могъ отвѣчать.— Вотъ и я была изъ трусихъ,—прибавила она—а рѣшилась похрабриться, и куда страхъ дѣвался?—

Мы подошли къ открытому окну. Громовые раскаты глухо раздавались еще въ сторонѣ; обильный грибной дождь, пробивая землю шумѣлъ, звучалъ о траву, и благоуханiе въ теплотѣ свѣжаго воздуха обдавало насъ. Она оперлась правымъ локтемъ на лѣвую руку и устремила взоръ въ пространство; потомъ подняла глаза къ небу, на меня опустила, и прослезилась; тутъ, какъ бы безсознательно, коснулась она правой рукой моего плеча, и произнесла: Клопштокъ!—мгновенно вспомнилъ я чудную оду, и полный ощущенiй пробужденныхъ ея намекомъ, я не выдержалъ, наклонился, поцѣловалъ ея руку, и снова утонулъ взглядомъ въ ея черныхъ глазахъ!—Поэтъ Мессiады, видѣть бы тебѣ въ нихъ отраженiе твоего божества, и не услышать бы мнѣ болѣе о развѣнчанномъ имени твоемъ,—благородный! (13)

---

19 Iюня.

На чемъ я остановился, право не помню; знаю только, что было два часа, когда я легъ въ постель, и что еслибъ вмѣсто письма мнѣ пришлось разсказывать, я продержалъ-бы тебя до утра. Что́ было на возвратномъ пути, объ этомъ я не сказалъ еще ни слова, да и сегодня не станетъ время на то.

Мы возвращались съ восходомъ солнца. Пробужденная жизнь! надъ лѣсомъ паръ! освѣженное поле!

Спутницы наши вздремнули. Лотта спросила—не послѣдую-ли примѣру, не заботясь о ней?—Покуда бодрствуютъ эти глаза,—отвѣчалъ я, взглянувъ на нее пристально—опасности нѣтъ!—и мы проговорили до самыхъ воротъ. Служанка, ихъ отворившая, отвѣчала на вопросъ, что отецъ и дѣти здоровы, и спятъ. Тутъ я съ Лоттой простился, съ просьбой позволить навѣстить ее въ тотъ же день; она согласилась; я возвратился домой, и съ той поры могутъ звѣзды, луна и солнце спокойно хозяйствомъ своимъ за-

правлять; для меня и дни и ночи, и все и вся въ этомъ міръ слились въ одно одно!

---

21 Іюня.

Дни сберегаемые Богомъ для счастливцевъ, вотъ какіе дни переживаю я! и чтобы ни случилось сомной, я не вправъ буду сказать, что не зналъ счастія самаго высокаго, самаго чистаго. Ты уже знакомъ съ моимъ Вальгеймомъ; оттуда только полъ-часа до Шарлотты; тамъ я совершенно какъ дома; наслаждаюсь всъмъ возможнымъ на землъ счастіемъ, и совершенно принадлежу себъ.

Могъ ли я думать, когда я избралъ Вальгеймъ цълью моихъ прогулокъ, что отъ него до небесъ—рукой подать; и охотничій домикъ, что̀ часто виднълся мнъ, то съ холма, то съ долины за ръкой, — могъ-ли я думать тогда, что въ немъ соединятся всъ мои желанья?

Перечувствовалъ я, — ты это знаешь Вильгельмъ, — многое. Жажда выработаться, свои взгляды расширить, новыми открытіями братій обогатить—а потомъ опять, скрытое побужденье уйти въ себя, ограничить свои стремленья, да съ обыденной колеи не рукой-ли на все махнуть! — обо всемъ передумано.

Странно, когда я пріъхалъ сюда и здъшнія окресности обозрълъ, — какъ все манило меня! Вотъ лъсокъ; скрыться бы въ тъни его! вотъ вершина горы; обозръть бы мъстность оттуда! — вонъ цъпи холмистыхъ, пригорками усъянныхъ полянъ; потеряться-бы въ нихъ! — я всюду спъшилъ, и отовсюду возвращался, ненаходя чего искалъ, на что надъялся. О, съ далью какъ съ будущностью! великое цълое стелется передъ нашей душой, и желанья расплываются въ немъ, какъ взоръ въ далекъ; ради великаго, мы готовы всецъло отдать себя, лишь бы постигнуть его, и мы спъшимъ, но увы! когда *тамъ* обращается въ *здъсь*, когда что̀ дальше, все тоже, и оскудълый желаньями ты голову понуришь наконецъ, — твой кругъ ограниченъ! и знаетъ душа что алчетъ напрасно, но алчетъ!

Такъ тревожный бродяга опять на родинъ, и у очага своего, на груди бъдной жены, въ кругу оставленныхъ дътей, среди занятій къ ихъ сохраненію, находитъ то, чего напрасно искалъ въ дали.

Когда съ восходомъ солнца въ мой Вальгеймъ приду; да начну въ огородъ хозяйничать, за чтеніемъ Гомера сладкій горошекъ шелушить, — а надобно тебъ сказать, что это привычное мое развлеченье — когда потомъ въ маленькую кухню отправлюсь, его масломъ приправлю, да самъ же поставлю горшокъ на плиту и крышкой накрою, прошедшее оживаетъ: передо мной женихи Пенелоппы! вижу ихъ тучныхъ свиней, ихъ быковъ откормленныхъ.

Я совершенно счастливъ, и это потому, что хочу и могу располагатъ моими днями такъ, какъ мнъ рисуются черты жизни простой, патріархальной.

Ты не можешь себъ представить, какъ уже одно сознаніе что сочувствуешь радостямъ простаго человъка—душу веселитъ! — Огородникъ поставилъ себъ на столъ кочанъ цвътной капусты; ты думаешь и только? нътъ; всъ раннія зорьки, свъжія росы, весь разгулъ знойнаго дня, когда онъ ходилъ за ней, и тъ тихіе вечера, когда поливалъ ее, ростомъ, цвътомъ ея любовался, вотъ что онъ разомъ ставитъ на столъ!

---

29 Іюня.

Третьяго дня пріѣзжаетъ къ нашему Совѣтнику (14) городской медикъ; онъ засталъ меня на полу, между ребятами Шарлотты; одни карабкались на меня, другіе дразнили меня; пощекочу одного,—всѣ благимъ матомъ орутъ! Господинъ докторъ, фигура догматическая, съ претензіями, находитъ мое поведеніе неприличнымъ; сказать, онъ не скалъ; но его носъ мнѣ объ этомъ доложилъ, когда онъ свои манжеты немилосердно вытягивалъ, и о чемъ-то разсуждалъ преважно. Я, будто ни въ чемъ не бывало, продолжаю домики строить изъ картъ, и между тѣмъ какъ дѣти ихъ ломаютъ и я снова строюсь,—Господи Боже мой,—сколько онъ разумныхъ вещей наговорилъ! на другой день оказалось, что въ городѣ онъ такую рѣчь держалъ: дѣти Совѣтника ужъ и такъ избалованы, а Вертеръ ихъ совсѣмъ перепортитъ.—

Да, любезный Вильгельмъ, дѣти ближе всего моему сердцу; вотъ замѣчай въ маленькомъ созданьи зародыши его будущихъ качествъ; оно заупрямилось: косность это будетъ или самостоятельность? насупилось: лукавство или наблюдательность? лѣзетъ сломя шею на столъ: легкомысліе или отвага? все такъ нетронуто, такъ цѣльно!—и часто повторяю я слова божественнаго учителя: «Если не будете походить на одного изъ малыхъ сихъ!»—И вотъ съ тѣми-то, что̀ намъ въ образецъ даны, обращаемся мы какъ съ подданными.—Своей воли имѣть не должны!—а у насъ нѣтъ ее? и по какому праву?—Мы старше и разумнѣе!—Господи воля твоя!—видишь старыхъ дѣтей, видишь малыхъ дѣтей, и право больше никого не видишь; а которые тебѣ больше по̀ сердцу, это тебѣ давнымъ давно твой

сынъ возвѣстилъ.—Люди вѣруютъ въ божественнаго учителя, люди не слушаются его, и—дѣло также давно извѣстное—выращиваютъ дѣтей такими-же какъ сами они, и—доброй ночи Вильгельмъ! надоѣстъ болтовня.

4 Іюля.

Чѣмъ должна быть Лотта для больнаго, объ этомъ знаетъ мое бѣдное сердце! подъ часъ ему хуже, чѣмъ иному труженику на смертномъ одрѣ. Она проведетъ нѣсколько дней у знакомой, которая по приговору медиковъ близка къ своему концу и желаетъ видѣть ее при себѣ; отличная женщина; я знаю ее.

На прошедшей недѣлѣ отправился я съ Лоттой и ея второй сестрой навѣстить пастора Ст*, (15) въ мѣстечко, что̀ въ нагорной сторонѣ съ часъ разстоянія отъ сюда; мы пришли туда къ четыремъ; когда мы вошли на дворъ проповѣдника, добрый старикъ сидѣлъ на скамьѣ при входѣ въ домъ, подъ тѣнью двухъ развѣсистыхъ орѣшниковъ. Увидѣвъ Лотту, онъ на радостяхъ забылъ о своемъ костылѣ, пытался встать, и заковылялъ-бы ей на встрѣчу, еслибъ она къ нему не подбѣжала, и усадивъ его, сама бы не подсѣла къ нему; тутъ она передала ему поклонъ отъ отца и обласкала его невзрачнаго мальчугана, слабую опору его старости. Но какимъ перомъ опишу тебѣ ея добродушіе, ея сердечную теплоту, помогавшія ей занять и ублажить старика? послушалъ бы ты, какъ возвышая голосъ ради его глухоты, она незамѣтно умѣла коснуться нѣсколькихъ случаевъ скоропостижной смерти молодыхъ, цвѣтущихъ людей; нѣсколькихъ примѣровъ цѣлебной силы Карлс-

бада, куда онъ намѣревался ѣхать весной; какъ умѣла намекнуть при этомъ на его бодрость, цвѣтъ его лица, сравнительно съ его здоровьемъ въ прошломъ году. Я между тѣмъ занималъ пасторшу, его жену. Старикъ ожилъ, и не успѣлъ я обратить вниманіе на осѣнявшіе насъ орѣшники, какъ онъ пустился въ ихъ подробную исторію. — Этого старика, — сказалъ онъ — мы не знаемъ кто его ростилъ; одни называютъ одного, другіе другаго пастора; а вотъ этому молодцу столькоже лѣтъ, сколько и женѣ; въ октябрѣ стукнетъ пятьдесятъ. — Онъ покашлялъ и продолжалъ: ея отецъ посадилъ его утромъ, а она родилась вечеромъ тогоже дня; онъ былъ моимъ предмѣстникомъ; трудно сказать, какъ онъ любилъ это деревцо; да и я люблю его не меньше; она-вотъ сидѣла на скамьѣ въ тѣни его и чулокъ вязала, когда я, бѣдный студентъ, сюда въ первый разъ во дворъ вошелъ, тому двадцать семь лѣтъ съ небольшимъ.—

Лотта освѣдомилась о его дочери; оказалось, что она ушла съ господиномъ Шмидтомъ на сѣнокосъ. Проповѣдникъ продолжалъ разсказъ: какъ его сперва полюбилъ старикъ, а потомъ и его дочь; какъ онъ сперва сдѣлался его Викаріемъ, а потомъ и намѣстникомъ. Исторія была далеко еще не къ концу, когда отсутствовавшіе показались въ саду, и къ намъ подошли. При встрѣчѣ съ Лоттой дочери пастора, я замѣтилъ на лицѣ послѣдней искреннее удовольствіе и привѣтливость, и по правдѣ сказать, она приглянулась мнѣ: живая, стройная брюнетка, съ которой зимніе вечера не показались-бы долгими. Ея возлюбленный (такимъ господинъ Шмидтъ выказалъ себя тотчасъ) сдавался человѣкомъ свѣтскимъ, но кроткимъ, и хотя Лотта безпрестанно вызывала его на разговоръ, онъ видимо уклонялся. При этомъ огорчало меня то, что необщительность его была не столько слѣдствіемъ ограниченности ума, сколько упрямства и дурнаго настроенія; такъ покрайнѣй мѣрѣ заключилъ я, судя по чертамъ его лица, и это къ сожалѣнію оправдалось. Когда за тѣмъ на прогулкѣ приходилось Фридерикѣ идти съ Лоттой, а иногда и со мною, смуглое лицо господина Шмидта помрачалось еще болѣе; при этомъ Лотта сочла даже нужнымъ дернуть меня раза два за рукавъ, — мнѣ дескать слѣдовало быть менѣе внимательнымъ къ Фридерикѣ. Ничто такъ не сердитъ меня, какъ если люди начнутъ, ни съ того ни съ сего, мучитъ себя; въ особенности когда молодые люди примутся своими капризами портить себѣ и тѣ немногіе дни, которыхъ всего два-три, да и обчелся, и которыхъ потомъ ничѣмъ воротить нельзя; это пилило меня, и когда мы къ вечеру на пасторскій дворъ вернулись, когда за круглымъ столомъ, за простоквашей, разговорились снова о житьѣ-бытьѣ, я не могъ не коснуться тойже мысли и сказалъ: мы люди часто жалуемся, что въ жизни больше черныхъ дней нежели красныхъ, а кажется, это не такъ; еслибъ мы съ радушіемъ встрѣчали всегда хорошее, въ насъ хватало-бы силъ и на черный день! — Да доброе-то расположенье не всегда во власти нашей, — возразила пасторша — много зависитъ и отъ здоровья; кому нездоровится, тому вездѣ не ладно. — Я согласился, но продолжалъ: такъ посмотримъ, нѣтъ ли средствъ избавиться отъ такой болѣзни.—Вотъ это такъ,—прибавила Лотта—я покрайнѣй мѣрѣ думаю, что многое зависитъ и отъ насъ; знаю по себѣ; что̀ меня сердитъ, дразнитъ, оттого ухожу скорѣй; сажусь за фортепіано или въ садъ бѣгу; спою что̀ или примусь за что̀, и все какъ съ рукой сниметъ!—Именно,—замѣтилъ я—

съ дурнымъ расположеньемъ духа какъ съ безпечностью, потому-что оно въ своемъ родѣ таже безпечность; люди вообще склонны къ лѣни; но стоитъ только прибодриться, да скорѣй за дѣло, и оно само закипитъ! а сдѣлавъ первый шагъ, мы же часто радуемся тому, на что косились, чего обѣгали, и наконецъ находимъ истинное наслажденье въ трудѣ.—Фридерика, казалось, вся обратилась въ слухъ; а молодой человѣкъ возразилъ, что не всегда же владѣешь собой, и еще того менѣе своими чувствами.—Вопросъ не о чувствахъ,—отвѣчалъ я—вопросъ о непріятномъ ощущеньи, которому никто не радъ и отъ котораго каждый избавиться-бы желалъ; за чѣмъ-же дѣло? покуда не испытаешь своихъ силъ, до той поры не знаешь ихъ; больному всякая помощь по́ сердцу и онъ готовъ на всѣ лишенья, на всѣ горькія лекарства; пусть-же и тутъ будетъ такъ! —

Замѣтивъ что почтенный старикъ напрягаетъ слухъ, я возвысилъ голосъ и обратясь къ нему сказалъ: проповѣдуютъ обо всемъ, а на тему капризовъ, дурнаго расположенья, я не знаю ни одного наставленья съ церковной кафедры *).—Дѣло городскихъ проповѣдниковъ,—отвѣчалъ онъ—ведь селянинъ незнаетъ что̀ значитъ быть не въ духѣ; впрочемъ, иногда то не мѣшало-бы дать урокъ, вотъ, напримѣръ, хоть ея мужу или господину совѣтнику. — Общество расхохоталось; а вмѣстѣ, довольный собой, и онъ самъ. Тутъ онъ раскашлялся, и разговоръ на нѣсколько минутъ былъ прерванъ.

Молодой человѣкъ первый заговорилъ снова: вы назвали дурное расположенье порокомъ; мнѣ кажется, это преуве-

*) Теперь мы имѣемъ на эту тему превосходную проповѣдь Лафатера. Прим. авт.

личено.—Ни чуть,—отвѣчалъ я— на сколько мы попускаемъ себя ко вреду ближняго и насъ самихъ. Развѣ мало, что не можемъ его осчастливить? надо еще лишать его и тѣхъ не многихъ радостей, которыми онъ обязанъ только себѣ, да настоящему дню? назовите-же человѣка, что будучи не въ духѣ, умѣетъ и скрывать свое нерасположенье, и на столько честенъ, силенъ, что можетъ переваривать недоброе не нарушая веселости другихъ? сознайтесь-ка, не внутренній-ли это голосъ недовольства собой? не простое ли это сознанье своихъ недостатковъ съ примѣсью зависти, подстрекаемой пустымъ тщеславіемъ? Мы видимъ довольныхъ, осчастливленныхъ *не нами*, и вотъ что намъ не понутру! —Лотта, замѣтивъ что я увлекаюсь, предупредительно улыбнулась; но слезы въ глазахъ Фридерики подстрекнули меня. —Горе,—продолжалъ я—употребляющимъ во зло свое вліяніе на сердцѣ ближняго, отнимающимъ у него и тѣ немногія радости, которыми онъ только себѣ обязанъ; никакія вознагражденія, никакія услуги не замѣнятъ намъ рѣдкихъ минутъ заслуженнаго довольства собой, и только завистливая раздражительность тирана можетъ посягать на эту лучшую нашу собственность! —

Въ ту минуту сердце мое было полно воспоминаніемъ подобныхъ впечатлѣній, (16) и я прослѣзился. — По сту разъ на день — воскликнулъ я — твердить бы намъ себѣ: друга не лишай того, чего не можешь дать ему; раздѣлить съ нимъ его радость, и тѣмъ умножать ее, вѣдь вотъ и все что̀ можешь; попробуй-ка послать каплю утѣшенья тому, чье сердце истерзано или кѣмъ овладѣли ужасы страсти? и когда наконецъ послѣдняя, безъисходная болѣзнь овладѣла тѣмъ существомъ, которое было въ цвѣтѣ дней подкошено тобой, когда жертва твоя изны-

ваетъ, — на лбу попеременно потъ холодный, глаза безсмысленно одно отчаяніе выражаютъ — передъ ея постелью ты тогда какъ осужденный! ты чувствуешь, что ничего не можешь, хотя-бъ ты втрое былъ богаче и сильнѣй! и отдалъ-бы ты все..... а тутъ только страхъ подмываетъ, растетъ, и гложетъ тебя тупой укоръ: не можешь, ты не можешь ей каплю утѣшенья, искру надежды послать! (17)

Недавняя подобная сцена ожила передо мной и вывела меня изъ себя; я выскочилъ изъ-за стола, накрылъ глаза и скрылся въ кустахъ. Слова Шарлотты: намъ домой пора! заставили меня опомниться. Еслибъ ты зналъ, какъ на обратномъ пути она журила меня, что слишкомъ принимаю все къ сердцу, какъ наводила на мысль объ опасности, гибели, какъ просила беречь себя! — о, ангелъ, для тебя-бы только жить!

---

6 Юля.

Она все еще у своей умирающей подруги; все таже добрая душа, все тоже милое существо; куда ни посмотритъ — горе смягчаетъ, счастливцевъ творитъ!

Вчера отправилась она съ сестрами Мальхенъ и Маріанной на прогулку; я узналъ объ этомъ, и встрѣтилъ ихъ; послѣ полутора-часовой ходьбы, дошли мы почти до города и пришли къ колодезю, который мнѣ сталъ теперь еще дороже. Лотта присѣла на стѣнку, и я вспомнилъ то время, когда сердце мое было еще свободно; недавнопрошедшее ожило. — Съ той поры, колодезь, незнаю я твоей прохлады; я даже забылъ о тебѣ!

Я оглянулся, и увидѣлъ Мальхенъ съ полнымъ стака-

номъ въ обѣихъ рукахъ; она медленно взбиралась на верхъ, и вся занята была одною мыслію, какъ-бы не пролить воду! я взглянулъ на Шарлотту и разомъ сознаӆъ все, чѣмъ она стала мнѣ! между-тѣмъ подошла Мальхенъ; Маріанна протянула руку, но та повернулась — нѣтъ, — говоритъ съ выраженьемъ котораго описать не умѣю, — нѣтъ, Лотточка, ты будешь прежде пить! — это выраженье дѣтской доброты, дѣтской привязанности тронуло меня; я схватилъ дѣвочку, поднялъ ее и нѣсколько разъ крѣпко поцѣловалъ. Она начала кричать и плакать. — Вы поступили не хорошо, — сказала Шарлотта. Я былъ пораженъ. — Пойдемъ, Мальхенъ, — сказала она, и взявъ её за руку, спустилась съ лѣстницы. — Умой себя въ свѣжемъ источникѣ; живо, живо, и борода невыростетъ! — Я только стоялъ и смотрѣлъ. Съ какимъ стараніемъ малютка терла себѣ щеки мокрыми рученками! съ какимъ вѣрованіемъ въ чудесную силу источника мылась она даже и послѣ того, какъ Лотта сказала — довольно! — какъ усердно, все крѣпче и крѣпче терла она свой подбородокъ, какъ-будто тутъ *много* значило больше нежели *мало*! право, Вильгельмъ, я ни на какихъ крестинахъ не испытывалъ такого чувства. Когда Шарлотта поднялась на верхъ, я готовъ былъ упасть передъ ней какъ передъ пророкомъ, омывшимъ грѣхи народа!

Вечеромъ я не могъ воздержаться, чтобъ не разсказать этого одному изъ знакомыхъ; я думалъ, что онъ имѣетъ свѣтлый взглядъ, потому что онъ разуменъ, и вотъ попался! представь, что онъ отвѣчалъ: Шарлотта — говоритъ — поступила не хорошо; дѣтямъ не надо внушать такихъ мыслей; это ведетъ къ заблужденіямъ и предразсудкамъ, отъ которыхъ надо ихъ съизмала оберегать. — Ну, знаетъ-же

*

онъ! тутъ я вспомнилъ, что за недѣлю онъ у себя ребенка крестилъ. Будемте же, подумалъ я, съ дѣтьми поступать такъ, какъ Богъ поступаетъ съ нами, когда оставляетъ насъ въ пріятномъ заблужденіи.

---

8 Іюля.

Какіе мы дѣти! какъ дорожимъ иногда однимъ взглядомъ! о, какіе мы дѣти!

Общество наше отправилось вчера въ Вальгеймъ. Во время прогулки, я думалъ прочесть въ черныхъ глазахъ Лотты— простакъ я — прости мнѣ это — зналъ бы ты эти глаза! — короче сказать, (глаза смыкаются отъ усталости)—домой возвращаясь, дамы снова усѣлись въ шарабанъ; а мы, братья Одраны, я, Зальстремъ и *** провожаемъ ихъ.

Товарищи мои болтали скоро и много; она отвѣчала всѣмъ; я ловлю взглядъ, которымъ она надѣляетъ каждаго кромѣ меня; онъ переходитъ отъ одного къ другому; на меня какъ нарочно не падаетъ; сердце мое шепчетъ ей тысячу прости!—напрасно! такъ таки она и не взглянула на меня. Шарабанъ отъѣхалъ; смотрю вслѣдъ; у меня навернулись слезы; шляпка, головка ея свѣсилась, и вотъ она— оглянулась! не на меня-ли? другъ! надежда, неувѣренность,—между ними-то колеблюсь я—и все утѣшенье мое: быть можетъ на меня? быть можетъ! — доброй ночи, Вильгельмъ, — о, какіе мы дѣти!

---

10 Іюля.

На нелѣпую фигуру мою, когда подъ-часъ заговорятъ о ней, посмотрѣлъ-бы ты! и что забавнѣе — бываютъ же такіе люди! — когда спросятъ меня: какъ она нравится мнѣ? —вотъ бы ты посмотрѣлъ!—нравится? кто могъ выдумать это глупое слово? и что это за человѣкъ, хотѣлъ бы я знать, который знаетъ Лотту и которому она можетъ нравиться, котораго всей душой она не овладѣла? недавно кто-то спросилъ меня: какъ мнѣ нравится Оссіанъ? . .

---

11 Іюля.

Госпожа М* очень плоха; боюсь за ея жизнь, потому что Лотта страждетъ за нее; иногда мы встрѣчаемся, и сегодня она разсказала мнѣ прекуріозный случай.

Ея мужъ М*—старый, протухлый грибъ, довольно на свой вѣкъ насолилъ женѣ и порядочно ее помучилъ. Нѣсколько дней тому, когда медики отказались отъ нее, она позвала мужа (Лотта была тутъ-же) и сказала ему: я должна признаться тебѣ въ томъ, что̀ можетъ быть причиной многихъ огорченій и надѣлать послѣ моей смерти большихъ хлопотъ; я вела хозяйство въ порядкѣ и съ бережливостью возможной; но ты извинишь меня если скажу, что я тридцать лѣтъ обманывала тебя. Въ началѣ твоей женитьбы, ты назначилъ мнѣ по семи гульденовъ въ недѣлю на кухню и вообще на содержаніе дома; когда торговля наша расширилась, хозяйство увеличилось, я и тогда не могла уговорить тебя улучшить мои средства; словомъ, когда дѣла наши были въ самомъ цвѣтущемъ положеніи,

я и тогда должна была обходиться тѣми же семью гульденами въ недѣлю; я рѣшилась пополнять недостатокъ изъ выручки; нескажутъ же, думала я,—еслибъ на то пошло—что жена обкрадываетъ мужа. Я ничего лишняго не истратила и безъ всякаго зазрѣнія совѣсти отошла-бы въ вѣчность, еслибъ меня не тревожила мысль, что та, которой придется послѣ меня хозяйничать, не догадается дѣлать того что̀ дѣлала я, и что̀ ты все-таки будешь настаивать на своемъ, да еще меня же приводить въ примѣръ!

Эта исторія подала мнѣ поводъ къ разговору съ Лоттой о невѣроятномъ иногда ослѣпленіи человѣческаго разсудка.— Не сердись, принимай все къ лучшему, когда требуешь за семь гульденовъ того, чего нельзя имѣть и за четырнадцать! — и то сказать, не впервые было мнѣ видѣть человѣка, который и вѣчную кружку пророка охотно-бы перетащилъ въ свой домъ..

---

15 Іюля.

Нѣтъ, я не обманываю себя; я читаю въ ея глазахъ участіе ко мнѣ и къ моей участи! да, я чувствую и вѣрю моему сердцу, что она—о, посмѣю-ли выразить небо словомъ простымъ? — что она любитъ меня!

Любитъ меня! — какъ росту я въ своихъ глазахъ! — тебѣ могу это сказать; ты довольно развитъ, чтобы понять меня — какъ высоко цѣню себя съ той поры, какъ она любитъ меня!

Дерзость это или сознаніе настоящихъ отношеній? не знаю себѣ соперника въ сердцѣ Шарлотты, а все таки, когда она заговоритъ о своемъ суженомъ, заговоритъ съ такимъ жаромъ, съ такою любовью, — я незнаю, — со мною какъ съ человѣкомъ лишеннымъ чести и добраго имени, — я словно шпагу отдаю!

---

16 Іюля.

Случится-ли, что рука моя коснется ея руки, что ноги наши встрѣтятся подъ столомъ, — какая дрожь по мнѣ пробѣжитъ! спѣшишь отстрониться какъ отъ огня, а между тѣмъ невѣдомая, таинственная сила подмываетъ, и кружится голова, и какъ будто — о, ея невинность, ея довѣрчивость не знаетъ, какъ мучатъ меня иногда ея маленькія фамильярности! Бываетъ, что въ разговорѣ она свою руку положитъ на мою, увлеченная разсказомъ станетъ ближе ко мнѣ и ея небесное дыханіе коснется моей щеки — тогда какъ громомъ пораженный, теряю всякое сознанье! — и если я когда нибудь! — ты понимаешь меня, Вильгельмъ — осмѣлюсь это небо, эту довѣрчивость — ты понимаешь меня, — нѣтъ! на столько сердце мое не испорчено; однако слабо, довольно слабо, и развѣ это уже не порча?

Она мнѣ свята. Вожделѣнія нѣмы при ней. Когда я съ нею, душа какъ будто совершаетъ свой тихій полетъ по нервамъ. Она знаетъ мелодію, которую исполняетъ на фортепіано съ силою ангела; такъ просто и такъ одушевленно! это ея задушевная пѣсенька, и ей стоитъ только взять первую ноту — куда дѣвались сомнѣнья, страхъ и тоска?

Вѣрю въ чары волшебной флейты; какъ трогаетъ меня простой напѣвъ Лотты! — и какъ онъ бываетъ впопадъ!

иной разъ готовъ себѣ пулю въ лобъ... мгла рѣдѣетъ, туманъ разсѣялся — любишь! и я снова дышу свободно.

---

8 Іюля.

Чѣмъ, скажи, была-бы жизнь безъ любви? безъ свѣту фонарь волшебный? гола, мертва бѣлая стѣна; но едва лаппочка ее озаритъ — она ожила, запестрѣла картинками! — весело! — Призраки мимолѣтные? пусть такъ; да когда мы бывало свѣжіе, краснощекіе ребята ей радуемся, ея чудесамъ дивимся, — развѣ мы тогда менѣе счастливы?

Сегодня одно неотвратимое обстоятельство задержало меня; что̀ было дѣлать? я придумалъ предлогъ и послалъ къ Лоттѣ слугу, чтобъ имѣть около себя живое существо съ которымъ-бы видѣлась она. Съ какимъ нетерпѣньемъ я его ждалъ, и какъ обрадовался когда увидѣлъ его! схватилъ-бы, разцѣловалъ-бы его, еслибъ не было стыдно при чужихъ.

Говорятъ, бононскій камень ([18]) полежавъ на солнце, имѣетъ свойство воспринимать его лучи и потомъ на мгновенье свѣтится ночью; съ моимъ малымъ, кажется, тоже случилось. Мысль, что взглядъ Лотты падалъ на его лицо, на воротникъ и пуговицы его камзола, эта мысль давала ему въ моихъ глазахъ какое-то особенное значеніе; въ ту минуту, за тысячу талеровъ не уступилъ-бы его; словомъ, его присутствіе успокоило меня.

Избави тебя Богъ, Вильгельмъ, посмѣяться надъ этимъ! — Призраки? — чудакъ; да если я ими счастливъ!

---

19 Іюля.

Я увижу ее! — говорю себѣ ежедневно, просыпаясь утромъ, и бодро и весело я на солнце смотрю! — я увижу ее! — и нѣтъ для меня другаго желанья, другой мысли на цѣлый день; все, все, въ этомъ одномъ!

---

20 Іюля.

Съ вашимъ желаніемъ, — чтобъ я отправился съ посланникомъ въ *** — не могу согласиться; субордиція не очень-то мнѣ понутру, да къ тому же мы всѣ знаемъ, что этотъ человѣкъ — противный человѣкъ! ([19]) Ты говоришь, что матушка хлопочетъ о моей дѣятельности? это насмѣшило меня; развѣ я недѣятеленъ? развѣ не все равно, горохъ чистить или чечевицу считать? вѣдь въ сущности-то на что̀ всѣ мѣтать? — на тряпки! и тотъ кто помимо призванія или собственной страсти, только въ угоду другимъ надѣваетъ хомутъ, и о богатствѣ, почестяхъ и тому подобныхъ пустякахъ хлопочетъ, тотъ по моему какъ былъ, такъ и останется глупцомъ.

---

24 Іюля.

Ты заботишься о моихъ успѣхахъ въ живописи? съ нѣкотораго времени они такъ плохи, что лучше бы намъ не говорить объ этомъ.

Странно; никогда мои пониманія природы, никогда мое счастіе, способность читать ея явленія до послѣдняго камышка, до малѣйшей травки, не стояли на такой степени —

и что же? не умѣю даже выразиться, — такъ ослабѣла моя представительная сила, такъ все расплывется и колеблется передо мной, — я простѣйшаго контура схватить не могу! но утѣшаю себя тѣмъ, что если скульпторомъ сдѣлаюсь — чудесъ натворю. И вотъ увидишь, непремѣнно глиной и воскомъ запасусь; лѣпить, лѣпить буду, и еслибъ изъ этого вышли пироги!

Три раза начиналъ я портретъ Лотты, и три раза опростоволосился; это мнѣ тѣмъ обиднѣе, что съ нѣкотораго времени сходство давалось мнѣ. Я снялъ ея контуръ, и этого мнѣ покуда довольно.

---

26 Іюля.

Да, любезная Лотта, все будетъ заказано, все будетъ исполнено; давайте мнѣ только по больше порученій, и почаще; объ одномъ прошу; вашихъ писемъ не разсыпайте пескомъ! сегодня записочку вашу получаю, цѣлую, и вотъ хрустить на зубахъ.

---

28 Іюля.

Сколько разъ твердилъ я себѣ — невидѣться бы съ ней такъ часто! да; еслибъ это было возможно. Дня не проходитъ безъ искушенья; каждый разъ даю себѣ зарокъ: завтра ты не увидишь ее! наступаетъ утро, являются и причины неизбѣжныя, и не успѣешь опомниться, какъ я уже тамъ. Или она скажетъ съ вечера: завтра увидимся? — кто же откажетъ? или она порученье дастъ, по которому,

думаешь, нуженъ личный отвѣтъ; не то день слишкомъ хорошъ; нельзя-же не пойти въ Вальгеймъ! — а тутъ только полчаса до нее. И то сказать, — въ самой отмосферѣ есть что-то. Бабушка разсказывала мнѣ сказку о магнитной горѣ: на корабляхъ подходившихъ къ ней близко, пропадало вдругъ все желѣзо; связи, гвозди, все летѣло туда, и несчастные мореходы погибали въ разваленахъ досокъ и брусьевъ!

---

30 Іюля.

Пріѣхалъ Альбертъ, и я уѣзжаю. И будь онъ благороднѣйшій, добрѣйшій, самый уживчивый человѣкъ на свѣтѣ, не могу его видѣть обладателемъ столькихъ совершенствъ! — обладатель? — назови чемъ хочешь; женихъ здѣсь! прямодушный, милый человѣкъ, котораго нельзя не любить. По счастью, я не былъ при встрѣчѣ; ударомъ бы больше моему разбитому сердцу! Онъ честенъ; онъ ни разу при мнѣ Лотту не поцѣловалъ; Богъ награди его! люблю его и за то, что онъ такъ примѣрно уважаетъ ее. Его расположеньемъ ко мнѣ я, кажется, больше Лоттѣ обязанъ, нежели его симпатіи; на счетъ этого женщины весьма тонки, и онъ правы; согласить двухъ обожателей дѣло очень трудное; но если удастся, выгода всегда на ихъ сторонѣ.

Не, могу, стало быть, не уважать Альберта. Его наружное спокойствіе въ совершенномъ противорѣчіи съ моимъ безпокойствомъ, котораго даже скрывать не умѣю; что нужды? у него много чувства и онъ знаетъ цѣну Лоттѣ; онъ же и не капризенъ; а ты знаешь, что я ненавижу въ людяхъ этотъ грѣхъ пуще всего!

Онъ видитъ во мнѣ человѣка съ толкомъ, и моя привя-

занность къ Лоттѣ, мое сочувствіе всѣмъ ея поступкамъ увеличиваетъ его торжество, и онъ только тѣмъ больше любитъ ее. Вотъ маленькія выходки ревности — иное дѣло; тутъ, можетъ быть, онъ ей кой-чѣмъ и солитъ; оно и естественно; на его мѣстѣ, я бы и самъ отъ этого дьявола не ушелъ!

Такъ или иначе, а съ моимъ счастьемъ—бывать у Лотты—я долженъ проститься. Счастье! ослѣпленье это или нелѣпость? какъ хочешь называй! объясняй себѣ какъ душѣ угодно.—Я зналъ, зналъ все что̀ теперь знаю, еще до пріѣзда его; я зналъ, что не могу имѣть притязаній, и не имѣлъ,— разумѣется, на сколько было возможно не имѣть желаній; все зналъ, и вотъ удивляюсь что другой пріѣхалъ, что ее другой беретъ,—какой же я фофанъ!

Кусаю губы, и вдвойнѣ, и трижды смѣюся надъ тѣми, у которыхъ языкъ ворочается сказать,—я бы долженъ былъ отрѣчься, смириться, я бы долженъ былъ предвидѣть, и ужъ если на то пошло—къ чорту ихъ, этихъ дутыхъ умниковъ!—рыщу по полямъ, и если потомъ къ Лоттѣ приду, и окажется что она въ саду, въ бесѣдкѣ съ женихомъ, и приличіе непозволяетъ,—я веселъ какъ сатана, дурачусь какъ отъявленный самодуръ, и весь домъ коромысломъ! дѣти смѣются, а я пуще!—Ради Бога, -сказала мнѣ Лотта сегодня — прошу васъ, не повторяйте вчерашнихъ сценъ! вы ужасны, когда веселы какъ были вчера.

Скажу тебѣ на ухо; я нашелъ другое средство; теперь выжидаю, когда онъ уйдетъ со двора; знаю часъ когда она бываетъ одна, и — какъ снѣгъ на голову! остальное мнѣ все равно; лишь бы побыть съ ней на единѣ...

---

8 Августа.

Не сердись, любезный Вильгельмъ! ужъ конечно я не въ тебя мѣтилъ, когда непроходимыми называлъ людей требующихъ полной покорности судьбѣ; могъ ли я думать, что думаешь какъ они? но въ сущности ты правъ; объ одномъ прошу, мой несравненный! согласись, что *такъ* или *этакъ* вещи на свѣтѣ рѣдко дѣлаются. Ощущенія и дѣйствія людскія также разнообразны, какъ многочисленны оттѣнки между носомъ курносымъ и клювомъ ястребинымъ; такъ ты извинишь меня, если доказательства твои подъ сукно положу и между твоими *или или* славирую.

Или, изволишь писать, имѣешь надежду на Лотту, или не имѣешь ни какой; хорошо; въ первомъ случаѣ старайся осуществить надежду; во второмъ—ободрись, положи конецъ несчастной страсти; она-же погубитъ тебя.—Дружище! хорошо сказать и—легко сказать.

А скажи-ка несчастному, котораго мучительная болѣзнь истощаетъ, который непримѣтно близится къ концу, скажи чтобъ онъ порѣшилъ разомъ, да ножъ въ себя всадилъ? зло-то, что съ силами и мужество отнимаетъ, о немъ-то и забылъ? суть-то забылъ?

Конечно, ты могъ-бы подобнымъ же сравненьемъ отвѣчать: не лучше-ли пожертвовать рукой, нежели думая, да раздумывая, рисковать жизнію? не знаю! грызться за сравненья не будемъ; довольно если скажу, что и меня порой подмываетъ—на крышу вскочить или въ яму спрыгнуть; хорошо бы, еслибъ знать куда; попробывалъ-бы, куда не шло!

Въ тотъ же день, вечеромъ.

Мой на нѣсколько дней забытый дневникъ попался мнѣ опять подъ руки. Самъ удивляюсь, какъ я могъ шагъ за шагомъ, и съ моего же вѣдома, такъ далеко зайти! какъ я постоянно сознавалъ что дѣлалъ, а между тѣмъ думалъ и дѣйствовалъ какъ ребенокъ! какъ теперь тоже сознаю, и не вижу даже надежды къ лучшему.

---

10 Августа.

Я могъ бы вести тихую, спокойную жизнь, еслибъ небылъ такой простакъ. Какое счастливое стеченье обстоятельствъ, и какихъ обстоятельствъ! вѣрно же, стало быть, что счастье зависитъ отъ насъ самихъ. Другъ превосходнаго семейства; старикомъ любимъ какъ сынъ; дѣтьми — какъ отецъ; а Лоттой!... а этотъ честный Альбертъ, ни однимъ облачкомъ не помрачающій моего счастья, Альбертъ, котораго дружба тепла и искренна, которому послѣ Лотты я дороже всего. Ну право, Вильгельмъ, ты бы порадовался, еслибъ видѣлъ насъ на прогулкахъ, да прислушалъ бы, что онъ тутъ о Лоттѣ говоритъ! увѣряю тебя, забавнѣе нашихъ отношеній небыло ничего съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ,—не знаю только отчего, лишь подумаю, у меня слезы на глазахъ...

Когда онъ объ ея покойной матери говоритъ: какая она была славная женщина, какъ умирая завѣщала Лоттѣ за дѣтьми и домомъ смотрѣть, какъ съ той поры Лотта словно возродилась, замѣнила имъ мать, хозяйство и домашнія дѣла въ руки взяла; всегда занятая, мелочами заваленная,

какъ она вмѣстѣ съ тѣмъ весела, и безъ суетни, безъ озабоченнаго даже вида, думаетъ и дѣлаетъ все за всѣхъ!— я слушаю, да такъ себѣ возлѣ иду, дорогой цвѣточки собираю, пучечки дѣлаю, аккуратные букетики, — а тутъ рѣчка, а я ихъ въ рѣчку, да и смотрю, какъ они тихохонько, понимаешь, расплываясь по теченью колышутся... не помню, писалъ я тебѣ, что Альбертъ остается здѣсь, и при дворѣ, гдѣ его любятъ, видное мѣсто получаетъ съ жалованьемъ, съ хорошимъ жалованьемъ? въ аккуратности дѣлъ и счетовъ я втрѣчалъ мало ему подобныхъ! (20)

13 Августа.

Ну, конечно, нѣтъ подъ луной человѣка лучше Альберта; вчера у меня съ нимъ была прекурьозная сцена.

Мнѣ вздумалось здѣшнюю гористую сторону осмотрѣть, откуда и пишу тебѣ теперь. Я отправился верхомъ, и когда заѣхалъ къ нему, мнѣ бросились въ глаза — не успѣлъ я по комнатѣ пройтись,—его пистолеты.—Одолжи, говорю, пистолеты на дорогу. — Пожалуй, отвѣчалъ онъ, если возмешь на себя трудъ ихъ зарядить; вѣдь они у меня только pro forma висятъ; съ тѣхъ поръ, какъ моя осторожность съиграла такую штуку со мной, я съ этой дрянью знаться не хочу.—Ну, разсказывай, говорю, я послушаю.—«Жилъ я, началъ онъ, въ деревнѣ у пріятеля; со мной была пара незаряженныхъ револьверовъ и я спалъ спокойно; надо же, чтобы въ одинъ ненастный вечеръ мнѣ глупѣйшая мысль пришла,—что на насъ могутъ напасть, что пистолеты... ну, самъ знаешь. Я отдаю ихъ вычистить слугѣ и зарядить; тотъ съ горничной балагуритъ, стращаетъ ее, и какъ они тамъ, и Богъ вѣдаетъ какъ это случилось,

только раздается выстрѣлъ, и остававшійся въ дулѣ шомполъ попадаетъ ей въ руку и разбиваетъ ей кость большаго пальца. Начались жалобы, слезы, леченья,— надо же было и доктору заплатить, — и съ той поры я не заряжаю ихъ. Вотъ тебѣ и осторожность! что̀ осторожность? опасность не изучима; впрочемъ...» а надобно тебѣ сказать, что я этого человѣка люблю только до его *впрочемъ*. Непонимается развѣ само собой, что гдѣ обобщенье, тамъ нельзя и безъ исключеній? но такова справедливость человѣка! не додумаетъ, скажетъ какой нибудь софизмъ или общее мѣсто подсунетъ, да самъ же и начинаетъ свою полу-правду обусловливать, дополнять, да ощипывать, покуда изъ нея живаго слова не останется; такъ и онъ со своимъ *впрочемъ*; но ты меня знаешь, — я клалъ его слова въ карманъ, а самъ началъ съумничать, колабродить, дурачиться, принялъ трагическую позу и приставилъ себѣ дуло пистолета къ правому глазу.—Фи! говоритъ, и отнялъ у меня пистолетъ. —Да вѣдь не заряженъ—возразилъ я.—Хоть бы и такъ; зачѣмъ это? не могу равнодушно вспомнить, какъ иной глупецъ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ! одна мысль уже претитъ. —

— Какъ это у васъ, у разумниковъ,— возразилъ я — о чемъ бы ни заговорили, сейчасъ готова сентенція: глупо, умно, дурно, хорошо! а много ли этимъ сказано? извѣстны вамъ скрытыя причины поступка? можете развить эти причины? еслибъ знали, еслибъ могли, желудокъ бы вашъ такъ скоро ихъ не варилъ, и приговоры ваши были бы осмотрительнѣе. —

— Однако согласись,—сказалъ Альбертъ—что извѣстные поступки всегда будутъ порочны, какими бы обстоятельствами ни были вызваны. —

Пожавъ плечами, я возразилъ: однако, мой милый, ты долженъ какъ охотникъ до исключеній въ свою очередь сдѣлать уступку. Чего, напримѣръ, заслуживаетъ человѣкъ, который для спасенія своей семьи отъ голодной смерти рѣшается на воровство, — наказанія или сожалѣнія? мужъ, который въ минуту правѣднаго гнѣва къ чорту посылаетъ невѣрную жену и ея сообщника? дѣвушка, что̀ въ недобрый часъ забывается въ объятіяхъ любезнаго? сами законы, эти хладнокровные педанты наши, и они понижаютъ иногда свой голосъ, смягчая наказаніе преступника. — Дѣло другое, продолжалъ Альбертъ, когда человѣкъ увлеченный страстью теряетъ присутствіе духа и дѣйствуетъ какъ шальной, какъ пьяный, какъ полуумный.

Ахъ, вы трезвые! ахъ, вы разумники! воскликнулъ я,—страсть! опьяненіе! помѣшательство! вмѣсто участія въ горькой долѣ, вы только ругаетесь надъ пьяницей, надъ неразумнымъ, или какъ попы проходите равнодушно мимо ихъ и благодарите Бога, какъ фарисеи, что Онъ не сдѣлалъ васъ такими же! я самъ, и не разъ, бывалъ пьянъ; я самъ въ порывахъ увлеченья дѣлалъ глупости какъ сумазбродъ, какъ полуумный, и однако не раскаиваюсь ни въ томъ, ни въ другомъ, потому что тутъ только понялъ я, въ силу чего не одни пьяницы, но и люди необычайные слывутъ въ глазахъ вашихъ мечтателями, да сумазбродами! стыдитесь! вы же столь многимъ обязаны имъ! Но оставимъ исключительныхъ людей; не случается развѣ намъ и въ обыкновенной жизни слышать зачасту̀ю, какъ шальными называютъ тѣхъ, что на полу-пути своихъ благородныхъ, свободныхъ стремленій, остановлены бываютъ вами же придуманными препятствіями? краснѣть бы вамъ трезвые, стыдиться бы вамъ разумники! — Ну, ты

опять со своими причудами, возразилъ Альбертъ, — тебѣ, который все преувеличиваетъ, слѣдовало-бы покрайней мѣрѣ согласиться, что самоубійство не можетъ стоять на одной доскѣ съ дѣлами необычайными, потому что все же оно не болѣе какъ слабость; конечно легче умерѣть, нежели влачить плачевную жизнь. —

Ничто такъ не бѣситъ меня, какъ если въ то время какъ говоришь отъ сердца, съ увлеченьемъ, къ тебѣ подъѣдутъ съ замѣчаньицемъ, которое не стоитъ и словъ; но частію потому, что и не ждешь лучшаго, частію потому, что уже высердчалъ на этомъ,—я только живо возразилъ: по твоему это слабость? прошу не увлекайся наружностью! оторопѣлый, что на пожарѣ тяжести подымаетъ, которыхъ передъ тѣмъ и сдвинуть бы не могъ? обиженный, что въ пылу гнѣва съ полудюжиной справляется? это по твоему будутъ также люди одержимые слабостью? если же, мой милый, назовешь тѣлесное усиліе силой, такъ и нравственнаго напряженья слабостью не называй! — Альбертъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ: извини, примѣры твои къ дѣлу нейдутъ. —

Можетъ быть, отвѣчалъ я, мнѣ не впервые слышать, что выводы мои граничатъ съ болтовней; въ такомъ случаѣ, посмотримъ, не подойдемъ ли къ истинѣ съ другой стороны; войдемъ въ душу человѣка готоваго сбросить съ себя ношу, нѣкогда ему любезную; вѣдь согласись, на сколько сочувствуемъ ему, на столько и чести заслуживаемъ говорить о немъ; не иначе, надѣюсь?

Натура человѣка, продолжалъ я, ограничена: радости, скорби, мученья переноситъ онъ только до извѣстной степени, и гибнетъ, когда переполняется мѣра; здѣсь, стало быть,

вопросъ не о слабости, не о силѣ, а о крайней мѣрѣ испытаній, — будь она физическая или нравственная, все равно; и человѣка лишающаго себя жизни считать слабоумнымъ, по моему также нелѣпо, какъ называть умирающаго отъ злой горячки трусомъ. — Парадоксально! очень парадоксально! воскликнулъ Альбертъ.

Не столько, какъ думаешь, возразилъ я; вѣдь называемъ же ту болѣзнь смертельною, въ которой силы наши частью истощаются, частью поставлены бываютъ внѣ возможности помогать себѣ; примѣни это къ началу нравственному; посмотри на человѣка ограниченнаго въ средствахъ; посмотри, какъ въ немъ развиваются идеи, вкореняются впечатлѣнія, и какъ онѣ растутъ, пока страсть не лишитъ его присутствія духа, при которомъ только и возможна борьба; пока мукамъ своимъ онъ не положитъ конца. И напрасно спокойный, разумный братъ сталъ бы увѣщевать его! онъ будетъ тоже, что здоровый у изголовья безнадежно больнаго; чтобы вдохнуть въ него хотя крупицу своихъ силъ, для этого и здоровеннѣйшій дѣтина также безсиленъ, какъ и самъ больной.

Мои слова были Альберту не по плечу; онъ туго понималъ, и я завелъ рѣчь о дѣвушкѣ, которая по сосѣдству утопилась недавно; ея несчастную исторію я изобразилъ такъ:

Доброе существо, вырощенное на поденныхъ работахъ, незнавшее другаго развлеченья, какъ въ воскресный день съ подругой по городу пройтись, чтобы прохожимъ свой многолѣтними трудами скопленный нарядъ показать, даразвѣ послушать сосѣднихъ сплетенъ, на чужую свадьбу посмотрѣть, и много что лѣтомъ раза два за городомъ потанцовать, это существо приходитъ въ тотъ возрастъ, ко-

гда невѣдомое ей чувство начинаетъ говорить сильнѣй и переходитъ наконецъ въ потребность любить; ея пламенная натура и ласкательства мужчинъ усиливаютъ эту наклонность; къ подругамъ, къ прежнимъ привычкамъ, она постепенно охладѣваетъ; недостаетъ только случая, а онъ какъ сонъ въ руку! Встрѣчается человѣкъ, о которомъ ей какъ будто и прежде говорило чувство; она ищетъ сближенія съ нимъ, на него полагаетъ всѣ свои надежды; ничего ни видѣть, ни слышать не хочетъ; ни чему не сочувствуетъ, какъ только ему, единственному, и думаетъ только о немъ, все о немъ же, единственномъ! Неиспорченная пустотою тщеславія, руководимая однимъ задушевнымъ желаніемъ, она идетъ прямо къ цѣли; хочетъ принадлежать ему, хочетъ въ вѣчномъ союзѣ съ нимъ обрѣсти все счастье, всѣ радости, о которыхъ мечтала когда-то. Сто разъ повторенныя обѣщанія, клятвы любезнаго, его смѣлыя ласки кладутъ печать на ея надежды, обуреваютъ ее страстными желаньями, овладѣваютъ всей ея душой; темное сознанье ей шепчетъ одно, предчувствіе невѣдомыхъ радостей говоритъ другое; она мечется, всѣ силы ея напряжены, и она раскрываетъ объятія, — надолго ли? тотъ единственный, которому она все отдала, тотъ единственный бросаетъ ее, исчезаетъ.... Окоченѣла, обезумѣла, на краю пропасти! ночь кругомъ, выходу нѣтъ, даже помысла о спасеньи нѣтъ, и хоть бы зорька слабой надежды... нѣтъ! потому что ее оставилъ тотъ, кто былъ ей всѣмъ! А свѣтъ и широкъ, и далекъ, и тѣхъ-то, что̀ могли бы утѣшить ее — множество; да не видитъ она ни шири земной, ни дали морской; она одна,—въ цѣломъ, безпредѣльномъ мірѣ одна! меркнетъ въ глазахъ; ущемленное сердце ноетъ безъисходно, и чтобъ

облегчить его, дать вздохнуть ему, — она въ бездну летитъ... брось же ей камень въ слѣдъ!

Вотъ тебѣ, дружокъ, исторійка, изъ тысячей тысяча первая; не нашла натура выходу изъ лабиринта противорѣчивыхъ и спутанныхъ силъ, и умирай человѣкъ! и развѣ это не таже болѣзнь? и горе тому, кто бы видѣлъ ее и сказалъ: безумная, обождать бы ей, отлегло бы на̀-серцѣ, нашелся бы достойнѣе!—ужъ лучше этотъ умникъ скажи: оселъ, умираетъ отъ горячки; обождать бы ему, собрался бы съ силами, кровь бы улеглась, и жилъ бы онъ и по днесь!

Альбертъ и этого сравненья не принялъ; онъ возразилъ: глупенькая дѣвочка можетъ развѣ служить примѣромъ? рѣчь о человѣкѣ разумномъ, и оправдывать его, обнимающаго болѣе обширный кругъ отношеній, этого я рѣшительно не понимаю.—

И не поймешь! отвѣчалъ я, если не понимаешъ, что капля даннаго намъ разсудка — капля въ морѣ, когда бушуетъ страсть и человѣческая грань трещитъ!... послѣ когда нибудь поговоримъ, сказалъ я, и взялся за шляпу; о, сердце мое было такъ полно! и мы разстались не понявъ другъ друга. Какъ туго, подумаешъ, вещи-то на этомъ свѣтѣ понимаются; не столкуешься съ инымъ, хоть ты что̀!

---

15 Августа.

О, конечно, необходимость видѣть человѣка всего сильнѣе вызывается любовью; чувствую, что Лоттѣ было бы тяжело потерять меня; а дѣти и думать не хотятъ, чтобъ я не пришелъ завтра!

Я настроилъ утромъ фортепіано Лотты; послѣ этого

малютки стали просить меня—разсказать имъ сказку; могъ ли я отказать, когда и Лотта пожелала, чтобъ я исполнилъ ихъ просьбу? я нарѣзалъ имъ хлѣба на ужинъ, который они теперь охотно принимаютъ и отъ меня; потомъ разсказалъ имъ сказку «о принцессѣ, прислуживающей себѣ собственными руками»; при этомъ я научился многому, увѣряю тебя; какъ это на нихъ дѣйствуетъ! когда придется изобрѣсти что нибудь, чтобы пополнить забытое, они тотчасъ говорятъ: въ послѣдній разъ это было не такъ!

Теперь придерживаюсь въ разсказѣ тоническому ритму; это много помогаетъ; но хорошо только въ сказкѣ. Тутъ же убѣдился я, какъ много теряетъ поэтъ, исправляющій свое произведеніе, и хотя бы въ піитическомъ и риторическомъ отношеніяхъ оно стало отъ того вдвое лучше. Первому порыву сочувствуютъ; а люди такъ созданы, что охотно вѣрятъ и въ чудеса, и горе тому, кто начнетъ выцарапывать эти свѣжія зернушки, эти перлы своихъ первыхъ впечатлѣній!

---

18 Августа.

Развѣ такъ суждено? Что̀ составляетъ блаженство человѣка, то должно быть источникомъ его бѣдъ?

Полнота пониманій, теплота чувствъ, любовь моя къ природѣ, не въ рай-ли обращали все окружавшее меня? и онѣ же мнѣ теперь—безъисходная пытка, неотлучный мучитель мой!

Смотришь-ли, бывало, съ утеса на тихую даль, по теченью-ли рѣки слѣдишь за ея извилинами, заливами, и на тучныхъ пажитяхъ, и на тощихъ лож-

бинахъ, всюду сѣмяна жизни, ихъ всходы, листва, цвѣтъ, радость!... Темнымъ лѣсомъ одѣлась гора; къ подошвѣ кустарникъ, къ верху хвойная рѣдь; на долинахъ, полянахъ, пестрѣющихъ рощами, тварью, жильемъ человѣка, игра солнца, бесчисленные переливы тѣней, и голубая глубь небесъ, съ ихъ облаками, перелетною птицей, въ озерѣ ясномъ какъ день, и шелестъ его камышей и кличъ отдаленный кого-то, все такъ манило, ласкало глазъ и слухъ; вотъ алѣетъ западъ, и громче изъ темнаго бора безчисленныхъ пташекъ хоралъ! назойливо жужжитъ комаръ свою вѣчную пѣсню; въ морѣ цвѣтовъ, въ лучезарной дали, безъустали стрекочетъ сверчокъ... оглянешься,—въ багровомъ заревѣ тучи снующихся мошекъ въ глаза! долу тожеснованье, таже суетня; послѣдняя букашка на вечерній балъ ползетъ; схватишь клокъ мха, что ползкомъ оспорилъ у скареднаго гранита пищу; толкнешься на песокъ, ступишь на извѣстнякъ сухой, всюду поросли, побѣги любви,—вѣрной, вѣчной, святой! И жадно читалъ я книгу природы, и какъ божеству раскрывался мнѣ смыслъ ея таинственныхъ словъ, и явленія безконечной переполняли душу мою! выше вставали горы, шире разверзались бездны, и лѣсъ, и долъ, и потокъ звучали мнѣ! и внѣмля нѣдрамъ земли, внималъ я вѣчному обмѣну ея неисповѣдимыхъ силъ, непрослѣдимой связи ея безчисленныхъ созданій, и вотъ, подъ облаками твой шалашъ, человѣкъ! безумецъ, я мнилъ, владычный надо всѣмъ, не оттого-ли ты ничтоженъ, что самъ такъ мало цѣнишь все? не вѣдаешь, чьимъ духомъ ты согрѣтъ!—то Вѣчнаго духъ, и въ знойныхъ пустыняхъ, гдѣ ничья нога не была, и въ дальнихъ моряхъ, куда незалѣтала птица,—вѣчно вѣющій духъ! и часто, когда

журавль высоко плылъ по поднебесью, я съ нимъ къ берегамъ океана стремился, чтобъ отъ края широкаго, изъ кубка пѣнистаго, вкусить той вѣчно-жизненной браги, мой скудный сосудъ согрѣть на мгновенье тою, творческой силой, что̀ изъ себя созиждетъ собою все!

Братъ! мнѣ осталось одно воспоминанье о тѣхъ минутахъ, и только въ нихъ мое утѣшенье. Самое усиліе, возможность ихъ вызвать, бѣднымъ словомъ дать понятіе о нихъ, — вотъ отрада, вотъ крылья моей души, — чтобы глубже было паденье, чтобы горьше была чаша моя!

Упала завѣса, и сцену вѣчно-цвѣтущей жизни — смѣнила бездна вѣчно-раскрытаго гроба; скажешь ли: живетъ! когда все ураганомъ несется, дохнуть не успѣетъ, какъ сгинуло на ледяныхъ сугробахъ или въ безднахъ морскихъ! мгновенья нѣтъ, когда бы ты себя и ближнихъ твоихъ не губилъ, когда бы ты вынужденъ не былъ ихъ губителемъ быть! невиннѣйшая прогулка твоя смерть тысячамъ червячковъ! движенье ноги — и разрушено многотрудное зданье муравья! И меня ли обманетъ предлогъ необходимости великой? землетрясенье, ураганъ, наводненье, и ваши мирныя села, ваши людные города въ развалинахъ! необходимость? — о!... въ природѣ я не знаю ничего, чего бы сама же не губила она! Обижено, до глубины уязвлено мое сердце этой сокрытой въ ней силой разрушенья; оторопѣлому, мнѣ и небо и земля, и снующія, исконныя ихъ силы — нынѣ, всепожирающее, свою вѣчную жвачку жующее чудовище!

---

21 Августа.

Напрасно я утромъ возношу къ ней руки, напрасно ищу ее возлѣ въ ночи! проснусь ли отъ грёзы тяжелой, приснится ли мнѣ сонъ блаженный, что мы сидимъ на пригоркѣ, я въ глаза ей смотрю, и горячо, и долго ея руку цѣлую, — съ полу-просонья зову ее! — за подушку схвачусь, — изъ ущемленнаго сердца слезы, — въ глазахъ черная ночь, безнадежная будущность.

22 Августа.

Несчастье, Вильгельмъ! мои дѣятельныя силы разстроены; ихъ смѣнило безпокойство, бездѣйствіе; не могу оставаться празднымъ, и ничего начать не могу! воображеніе сякнетъ; нѣтъ любви къ природѣ; книги противны мнѣ. Когда намъ себя недостаетъ, намъ всего недостаетъ; клянусь тебѣ, иной день пошелъ бы въ поденщики, чтобъ желанье имѣть, чтобы когда проснешься, имѣть хотя какую нибудь цѣль. — Часто завидую Альберту, погруженному по уши въ свои бумаги; и думаю иногда: и мнѣ бы такъ!

Мнѣ даже нѣсколько разъ приходила мысль писать къ тебѣ и къ министру о мѣстѣ при посольствѣ, въ которомъ, какъ вы увѣряете, мнѣ не будетъ отказано; и я такъ думаю; онъ знаетъ меня давно, и самъ не разъ уговаривалъ посвятить себя постояннымъ занятіямъ. Иногда, эта мысль съ часъ времени занимаетъ меня; потомъ, когда пораздумаю и вспомню сказку о конѣ, что̀ наскучивъ свободой, далъ себя осѣдлать и былъ до полу-смерти заѣзженъ... я не знаю, что̀ дѣлать? милый мой, это желаніе перемѣны не есть ли сознаніе скрытаго без-

покойства, которое будетъ меня преслѣдовать всюду? Полагаю, что такъ.

28 Августа.

Конечно, будь моя болѣзнь излѣчима, эти люди поставили бы меня на ноги. Сегодня день моего рожденія; ранехонько, получаю свертокъ отъ Альберта и первое что мнѣ бросилось въ глаза—свѣтло-пунцовая лента, что была на платьѣ Лотты, когда я познакомился съ ней, лента, о которой я столько разъ просилъ ее; кромѣ того нахожу двѣ книжечки in duodez Гомера, ветштейнова изданія; я давно собирался ихъ купить, чтобы не таскать на прогулкахъ эрнестовъ экземпляръ.

Такъ-то они предупреждаютъ всѣ мои желанья; оказываютъ мнѣ всевозможные знаки вниманія, дружбы; не въ тысячу ли разъ они дороже богатыхъ подарковъ, унижающихъ насъ въ глазахъ тщеславнаго дарителя?

Эту ленту цѣлую тысячу разъ! и каждый мой вздохъ—память того блаженства, тѣхъ немногихъ, невозвратныхъ дней!

Я не ропщу; цвѣты жизни, неправда ли, только призраки? одни проходятъ безъ слѣда; не многіе плодъ даютъ, а изъ этихъ, дозрѣваютъ многіе ли? но они есть, — и другъ мой, намъ-ли недорожить ими?

Прощай! лѣто стоитъ чудесное; я часто въ огородѣ Лотты; взлѣзаю съ шестомъ на деревья и сбиваю съ верхушекъ плоды; она внизу — и подбираетъ ихъ.

30 Августа.

Несчастный! не слѣпецъ-ли ты? не обманываешь-ли себя? эта неистовая, безъисходная страсть, къ чему приведетъ

она? нѣтъ у меня другихъ стремленій какъ къ ней; нѣтъ другихъ представленій какъ о ней, и на все въ мірѣ смотрю только по отношеніямъ къ ней! и на нѣсколько часовъ я счастливъ; но отторгнутый отъ моей грезы, какимъ порывамъ, о Вильгельмъ, я снова отдаюсь! когда же часа два съ нею проведу, когда ея образъ, движенья, божественная простота ея рѣчи, и ублажатъ, и снова меня взволнуютъ, скажи, что тогда дѣлать мнѣ? когда стемнѣетъ въ глазахъ, въ ушахъ зашумитъ, и будто кто-то за горло схватитъ, и неистово забьется сердце, и мысли. . . и весь я, сдавленный, простора ищу,—Вильгельмъ, не знаю тогда, существую-ли? и хорошо еще, если горе возьметъ верхъ и слезы польются, и Лотта позволитъ мнѣ, изъ состраданья, выплакаться на ея рукѣ,—на воздухъ, на воздухъ, въ полѣ бѣгу,... круче будь утесъ! непроходимѣй лѣсъ! репейникъ, осока, хворостина, какое развлеченье въ язвахъ отъ васъ! и наконецъ, мнѣ нѣсколько легче... нѣсколько! жажда, усталость свое берутъ; сажусь на корягу, на пень, дать отдыхъ горящимъ пятамъ....

Ночь, безмолвіе, и глушь лѣсная, и одинокій, полный мѣсяцъ въ вышинѣ!

Изнеможенье — благодарю, — помогаетъ мнѣ уснуть до зари; о, другъ, шалашъ, власяница, верига терновая, были бы елеемъ моей уязвленной душѣ... прощай! одинъ гробъ успокоитъ меня.

3 Сентября.

Прочь отсюда, прочь! вотъ уже двѣ недѣли, какъ я съ мыслію борюсь — оставить ее. Благодарю тебя, Вильгельмъ, что установилъ мои колебанья. Уѣду! она опять

въ городѣ, у своей подруги, и Альбертъ, — и — прочь отъ сюда, прочь!

---

10 Сентября.

Теперь, Вильгельмъ, перенесу все. Вотъ была ночь! о, еслибъ я могъ припасть къ тебѣ; высказать мои восторги, выплакать слезы мои! я болѣе неувижу ее. Теперь я готовъ; жду утра, алчу воздуха, и съ восходомъ солнца кони у воротъ.

Сонъ ея спокоенъ; она не знаетъ, что больше не увидитъ меня! я отторгнулся; я преодолѣлъ себя; въ двухъ часовой бесѣдѣ я не измѣнилъ себѣ, ни слова о разлукѣ не сказалъ, — и въ какой бесѣдѣ!

Утромъ Альбертъ обѣщалъ мнѣ придти съ Лоттой, тотчасъ послѣ ужина, въ садъ; въ ожиданіи, я смотрѣлъ съ террассы на закатъ солнца, которое нынѣ въ послѣдній разъ озарило столь знакомую мнѣ долину и рѣчку. Часто любовался я этимъ зрѣлищемъ съ Лоттой, отсюда же, изъ подъ каштановыхъ деревъ....

Я спутился съ лѣстницы и прошелся нѣсколько разъ по аллеѣ, которую полюбилъ еще до знакомства съ Лоттой; наши симпатіи къ этому мѣстечку встрѣтились, когда я какъ-то пришелъ сюда сперва одинъ, а потомъ вмѣстѣ съ нею, и конечно, это одинъ изъ самыхъ романическихъ уголковъ, когда либо созданныхъ воображеніемъ влюбленнаго художника!

Широкая каштановая аллея открываетъ, въ одинъ конецъ, живописную мѣстность; когда обратишься къ другому — я уже кажется описывалъ тебѣ — она становится все сумрачнѣе, потомъ ведетъ на террассу и, съуживаясь буковою изгородью заканчивается сквозною бесѣдкой; вокругъ нея — причудливая, густая листва образуетъ круглую площадку, осѣненную всѣми чарами любви, всѣми ужасами желаннаго уединенія. Помню, когда я впервые пришелъ сюда, мнѣ шепнуло что-то какого блаженства, какихъ страданій будетъ свидѣтелемъ это очаровательное мѣстечко!

Прошло съ полчаса въ мысляхъ о вечернихъ здѣсь прогулкахъ, о первомъ трепетѣ свиданья, о содраганьяхъ разлуки,... какъ Альбертъ и Лотта показались на лѣстницѣ; я подбѣжалъ къ нимъ и горячо поцѣловалъ ея руку. Не успѣли мы взойти на террассу, какъ изъ подъ верхушекъ пригорка, поросшаго кустарникомъ, выглянулъ мѣсяцъ; въ разговорѣ, мы непримѣтно дошли до конца аллеи; Лотта вошла въ бесѣдку и сѣла на скамью; я и Альбертъ, одинъ съ одной, другой съ другой стороны, сдѣлали тоже; но мнѣ не сидѣлось; я вставалъ, прохаживался и опять садился; желаніе скрыть волненье только усиливало его. Она обратила наше вниманіе на лунный свѣтъ, озарившій въ концѣ буковой аллеи всю террассу; картина была тѣмъ разительнѣе, что насъ окружала совершенная мгла.

Мы молчали. Она первая нарушила молчаніе и сказала: память о нашихъ усопшихъ, мысль о смерти, о будущности, мои всегдашніе спутники на всѣхъ прогулкахъ при лунѣ. — Мы будемъ! продолжала она съ невыразимымъ чувствомъ; но скажите, Вертеръ, встрѣтимся ли? узнаемъ-ли другъ друга? какъ думаете? какъ сдается вамъ, Вертеръ?

Лотта! сказалъ я, протянувъ ей руку, — мы увидимся! здѣсь и тамъ увидимся! — я не могъ говорить. Другъ! зачѣмъ

былъ этотъ вопросъ, въ минуту, когда разлука лежала камнемъ у меня на-сердцѣ?

— Милыя тѣни! знаютъ-ли онѣ о насъ? сознаютъ-ли, когда мы счастливы, когда чтимъ память ихъ, съ любовью вспоминаемъ о нихъ? моей покойной матери образъ, онъ всегда передо мной, когда я съ дѣтьми, съ ея дѣтьми, съ моими дѣтьми, и часто со слезою къ небу моя просьба къ ней, взглянуть и сказать: держу-ли слово, данное въ минуту ея смерти, матерью имъ быть!— отъ глубины сердца тогда молю: тѣнь дорогая, прости, если я имъ не то, чѣмъ ты была! дѣлаю, что могу; они накормлены, одѣты, и что лучше, они призрѣны, любимы мной; взгляни же на цвѣтъ твоихъ благословеній и громко Бога прославь! его же молила ты въ смертный часъ, о счастьи твоихъ дѣтей!

Такъ говорила она; другъ! кто повторитъ сказанное? холодное, блѣдное слово выразитъ ли небесный цвѣтъ ея души? Альбертъ кротко прервалъ ее: это слишкомъ дѣйствуетъ на васъ, любезная Лотта; прошу васъ...

— Альбертъ! продолжала она, вспомните только вечера, которые проводили вы съ нами за маленькимъ круглымъ столомъ, когда отецъ бывало въ отсутствіи, а малютокъ мы спать уложимъ; принесешь и положишь на столъ не одну книгу; а много-ли было прочитано? дивная женщина! не замѣняла ли она намъ все, всѣхъ — она одна? прекрасная, кроткая, всегда благодушная, всегда дѣятельная,... счастливое время! и благодарность моя — о, Богу извѣстны слезы, которыми была мокра моя подушка; онъ помнитъ одну мою молитву тогда: уподобь меня ей!

Лотта! воскликнулъ я и упалъ передъ ней, и облилъ

ея руку слезами,—душа твоей матери и благословеніе Бога всегда съ тобой! — Да, еслибъ вы знали — сказала она — эту прекрасную душу? она стоила бы васъ, она была бы достойна вашей дружбы!

Я былъ внѣ себя; никогда слово болѣе гордое не раздавалось и не раздастся надо мной! она продолжала:

— И эта дивная женщина должна была разстаться съ нами въ цвѣтѣ лѣтъ! когда ея младшему было только полгода. Ея болѣзнь продолжалась не долго; она была спокойна, покорна, и только участь дѣтей тревожила ее, въ особенности малютки. Когда дѣло подошло къ концу и она пожелала видѣть ихъ, я привела къ ней всѣхъ: и крошекъ ничего непонимавшихъ, и старшихъ обезумѣвшихъ отъ горя. Когда они постель окружили и она подняла надъ ними руки, помолилась, поцѣловала каждаго, и одинъ за другимъ уходить стали, она сказала мнѣ: будь матерью имъ! — я дала слово, — ты обѣщаешь много, дочь моя; ты обѣщаешь сердце матери, глазъ матери; благодарныя слезы твои порукой мнѣ, что ты понимаешь, что говоришь; завѣщаю тебѣ вѣрность жены, сердце матери; сохрани это для сестеръ, для братьевъ, для отца, и ты утѣшишь его! — тутъ она спросила о немъ; его не было дома; онъ былъ отъ скорби внѣ себя и уходилъ безпрестанно изъ дому, щадя насъ; она понимала это. — Альбертъ, ты былъ въ комнатѣ; она замѣтила, подозвала тебя, посмотрѣла на меня, на тебя, и однимъ взглядомъ, — и утѣшенье и надежду выразилъ тотъ взглядъ — она какъ бы сказала, что вмѣстѣ мы были бы счастливы... и недождавшись ея словъ, ты упалъ къ ней на грудь! ты сказалъ: мы вмѣстѣ! мы будемъ счастливы! — если Альбертъ, спокой-

КНИГА ВТОРАЯ.

—

20 Октября 1771 г.

Мы пріѣхали вчера. Посланникъ (21) захворалъ и стало быть останется здѣсь на нѣсколько дней. Не будь онъ такой увалень, все было бы хорошо. Да, да, судьба готовитъ мнѣ тяжкія испытанія; это я предвижу. Но бодрѣй! легкомысліе сноситъ все. Легкомысліе? мнѣ даже смѣшно, какъ сорвалось это слово съ пера. О, будь я хоть немножко хладнокровнѣе, я былъ бы счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ! Какъ? когда другіе со своими крохотными способностями самодовольно разъѣзжаютъ на рысакахъ, я сомнѣваюсь въ моихъ силахъ, дарованіяхъ? Боже правый! зачѣмъ же не удержалъ ты половину ихъ, и взамѣну не взыскалъ меня самоувѣренностью и самодовольствіемъ?

Терпѣніе! терпѣніе! время все исправитъ; да, любезный, ты правъ! съ той поры какъ я вожусь съ этимъ народомъ, какъ вижу что̀ люди дѣлаютъ и какъ они дѣлаютъ, —росту въ своихъ глазахъ. Конечно, ужъ если мы привыкли сравнивать все съ собой и себя со всѣмъ что окружаетъ насъ, такъ и счастье и бѣдствія наши должны зависѣть отъ отношеній въ которыя мы поставлены, и одино-

*

чество тутъ опаснѣе всего; оно разжигаетъ воображеніе, а фантазія, подстрекаемая вымыслами поэзіи и увлекающаяся по самой природѣ своей, образуетъ цѣлый рядъ существъ, болѣе насъ возвышенныхъ. И оно естественно: иногда мы думаемъ, что намъ недостаетъ именно того, чѣмъ обладаетъ другой; тутъ, какъ бы за одно, часто приписываемъ ему и то, чѣмъ сами одарены; да на придачу, надѣляемъ его и тѣмъ идеальнымъ довольствомъ, къ которому напрасно стремимся сами, и образецъ счастливца — продуктъ собственной же нашей фантазіи — передъ нами.

Напротивъ, если при всей нашей слабости, мы хотя и кропотливо, но неуклонно, не избѣгая людей идемъ прямо къ цѣли, то оказывается, то тотъ кто лавируетъ, выжидаетъ, тотъ иногда дальше уходитъ, нежели одинокій пловецъ на полномъ ходу, на всѣхъ парусахъ; а не отстать, да еще другаго опередить, какъ это ихъ подымаетъ въ собственныхъ глазахъ!

---

26 Ноября 1771 г.

Мало по малу, начинаю привыкать къ здѣшней колеѣ; лучше всего то, что у меня дѣла много. Прибавь къ этому разнородныя личности, множество новыхъ физіогномій, непрерывную ихъ суэтню, и картинка выйдетъ довольно пестрая.

Я познакомился съ графомъ К* и мое къ нему уваженіе ростетъ ежедневно; обширная, свѣтлая голова (22). Многосторонность его проявляется именно тѣмъ, что онъ не холоденъ къ чувствамъ дружбы и любви. На дняхъ я докладывалъ ему, и съ первыхъ же словъ онъ кажется

смѣкнулъ, что мы сойдемся, что со мной можно говорить какъ не со всякимъ. При этомъ онъ весьма тонко выразилъ мнѣ свое участіе, и я не могу довольно нахвалиться его прямодушнымъ обращеніемъ.

Да; на свѣтѣ нѣтъ ничего дороже теплаго, открытаго сердца; какое благо, какая отрада въ изліяніяхъ высокой души!

---

24 Декабря 1771 г.

Посланникъ мнѣ крѣпко солитъ, и это я предвидѣлъ. Положительно, онъ положительнѣйшій дуракъ. — Шагъ, говоритъ, за шагомъ, — и щепетиленъ какъ старая кумушка. Всегда въ разладѣ съ собой, онъ не уживается ни съ кѣмъ. Я работаю довольно легко и пишу какъ пишется; дѣло какъ оно есть—на лицо; такъ нѣтъ; непремѣнно откопаетъ что нибудь и возвратитъ бумагу, говоря: хорошо; но болѣе мѣткое словцо, почище фраза, поглаже періодецъ всегда найдутся. — Ко всѣмъ чертямъ бы его! никакое *и*, никакой союзикъ отъ него не ускользнутъ; все будь какъ по прописи; а новымъ оборотамъ, какъ бы хороши ни были, онъ смертельный врагъ; да представь, сочинилъ еще какую то свою, канцелярскую мелодію, и если ей что не въ тактъ, онъ ужъ и пропалъ, ничего не понимаетъ. Фу, какое несчастіе имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ!

Одно, что еще спасаетъ меня, это довѣріе ко мнѣ графа К*. Въ послѣдній разъ, онъ съ полною откровенностью выразилъ мнѣ свое неудовольствіе на щепитильность и мелочную придирчивость посланника. — Такіе люди, сказалъ онъ, въ тягость себѣ и другимъ; но что же дѣлать? съ ними какъ съ косогоромъ; путешественнику конечно пріятнѣе было бы проѣхаться по гладкой дорогѣ; она же

и короче; но горка легла поперегъ, и — дѣлать нечего — шагай черезъ нее!

Мой старикъ пронюхалъ, что графъ отдаетъ мнѣ преимущество передъ нимъ; это злитъ его, и онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобъ отзываться дурно о немъ; я, разумѣется, держу сторону графа, и тѣмъ еще болѣе порчу дѣло.

Вчера я былъ взбѣшенъ, потому что онъ и меня задѣлъ. — Графъ, говоритъ, для свѣтскихъ дѣлъ находка; работаетъ легко и владѣетъ перомъ; но основательныхъ научныхъ свѣдѣній ему, какъ не вообще беллетристамъ, не достаетъ. — Тутъ онъ прищурился, какъ бы говоря: попала булавка въ цѣль? но на меня это не подѣйствовало; я пренебрегъ человѣкомъ, который можетъ думать и обращаться такъ; не уступалъ ему, и заспорилъ довольно горячо. Графъ, сказалъ я, человѣкъ весьма замѣчательный, какъ по уму и многостороннимъ свѣдѣніямъ, такъ и по характеру; не знаю здѣсь никого, прибавилъ я, кто бы соединялъ съ такой широкой душой такое богатство познаній; кто бы вещи видѣлъ такъ ясно и имѣлъ столько житейской опытности.— Этого желудокъ его не могъ переварить, да и въ башку кой-что не лезло. Я воспользовался его одурѣніемъ, и чтобъ избавиться отъ лишней желчи, раскланялся.

А чьему краснобайству я этимъ хомутомъ обязанъ? кто мнѣ о дѣятельности уши прожужжалъ? вы же, мои милые. Хороша дѣятельность! ну право, десять лѣтъ готовъ я просидѣть еще на каторгѣ, въ которую вы втащили меня, если тотъ, ктò садитъ картофель, да ѣздитъ въ городъ на продажу съ четвертью ржи — не дѣлаетъ больше насъ!

А эта мишурная нищета! а эта скука съ народомъ, чтò съ утра до вечера торчитъ въ пріемной и только глазами хлопаетъ! это чинобѣсіе! вѣдь спятъ и видятъ только, какъ бы другъ друга хоть на шагъ опередить. И что за кротныя, что за жалкія страстишки; да и тѣ нагишемъ! Вотъ эта женщина, напримѣръ, что всѣмъ прожужжала уши о своей знатности, о своихъ владѣніяхъ; со стороны, подумаешь, — ну что-жъ, замечталась дура; знаемъ мы эти знатные роды, знаемъ эти воздушные замки!— а на повѣрку вышло, что она просто дочь волостнаго писаря. Унизительно, глупо, пошло; вотъ и пойми человѣчество!...

Въ тотъ же день.

И то сказать, нельзя мѣрить всѣхъ на свой аршинъ; къ тому же, у меня столько съ самимъ собой хлопотъ, сердце мое такъ еще бушуетъ порой, что я съ каждымъ днемъ хладнокровнѣе смотрю на глупости другихъ, и часто думаю, пусть бы ихъ шли своей дорогой, лишь бы мнѣ не мѣшали идти своей!

Чтò меня въ особенности выводитъ изъ терпѣнья, это мелочь мѣщанскихъ отношеній, чтò слывутъ за гражданскія условія. Сознаю не хуже другаго необходимость нѣкотораго различія въ состояніяхъ, сознаю это и по тѣмъ преимуществамъ, которыми пользуюсь самъ; требую только, чтобъ онѣ поперегъ дороги не становились и не лишали другаго той малой доли радости, счастья, которыя и безъ того уже для большинства не больше какъ тѣнь!

Недавно познакомился я на гуляньи съ Фрейлиной Б* (23),

съ милымъ созданьемъ, сохранившемъ много натуры среди жизни извращенной и натянутой. Бесѣда сблизила насъ, и на прощаньи, она позволила мнѣ навѣстить ее. Позволеніе было дано такъ привѣтливо, такъ радушно, что я насилу могъ дождаться удобной минуты. Б* не здѣшняя и живетъ у своей тетки. Физіогномія старухи мнѣ не понравилась, но я оказалъ ей должное вниманіе и въ разговоръ обращался наиболѣе къ ней. Менѣе чѣмъ въ полъчаса, я успѣлъ составить о ней довольно вѣрное понятіе, съ которымъ послѣ согласилась и Б*. Оказалось, что тетушка на старости лѣтъ терпитъ недостатокъ во всемъ; ни состоянія не имѣетъ, ни умомъ похвастать не можетъ; опирается только на свою родословную и видитъ въ генеалогіи предковъ единственную свою защиту. Вся ея отрада теперь — съ высоты своего чердака смотрѣть на головы простыхъ смертныхъ. Въ молодости она была хороша собой, но продурила жизнь; сначала, нѣсколькихъ молодыхъ людей помучила своими капризами, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ подчинилась какому то отставному офицеру, котораго содержала и съ которымъ прожила свой мѣдный вѣкъ. Теперь, когда насталъ желѣзный, она влачитъ жалкую жизнь въ одиночествѣ, и еслибъ не любезная племянница, никто бы не обратилъ и вниманія на нее.

---

8 Января 1772 г.

Что это за люди, которыхъ вся душа однимъ церемоніаломъ занята, которые по цѣлымъ днямъ хлопочутъ и добиваются только, какъ бы сѣсть повыше за столомъ? и не то, чтобъ у нихъ не было чѣмъ заняться; нѣтъ; работы накопляются потому именно, что изъ за мелочей и дрязгъ, дѣла посерьёзнѣе не двигаются съ мѣста.

Съ недѣлю тому, на санномъ катаньѣ вышелъ скандалъ, и веселая затѣя обратилась въ скучную нелѣпость.

Глупцамъ не втолкъ, что дѣло не въ мѣстахъ, и что занимающій первое мѣсто рѣдко играетъ первую роль. Кто первый? тотъ, полагаю, кто видитъ дальше и на столько хитеръ и ловокъ, что употребляетъ на свои замыслы способности и слабости другихъ.

---

20 Января.

Съ крестьянскаго постоялаго двора, куда я укрылся отъ непогоды, пишу вамъ, любезная Лотта!

Съ той поры, какъ судьба занесла меня въ Д* (24), въ это жалкое гнѣздо совершенно чуждыхъ моему сердцу людей, съ той поры даже побужденья не было у меня вамъ писать. Здѣсь же, въ тѣсной лачугѣ, въ уединеніи, здѣсь первая моя мысль — была о тебѣ! да, Лотта, живая память о тебѣ, образъ твой, — не успѣлъ я порога переступить, — встрѣтили меня здѣсь! — тоже чувство, о Боже, такъ тепло, такъ свято! — Здѣсь, гдѣ мое окно снѣгомъ занесено; мятель, вьюга, непогода кругомъ, — здѣсь опять первая, блаженная моя минута!

Еслибъ вы меня видѣли, моя добрая, въ городскомъ омутѣ! духъ сякнетъ; ни минуты полноты сердечной; ни часу отдыха обиженной душѣ; такъ пусто, пусто все! Стоишь какъ передъ кунстъ-камерой; смотришь, какъ передвигаются куколки, и часто спрашиваешь себя: не оптическій ли это обманъ? Попробуешь вмѣшаться въ игру, — глядь, какъ маріонеткой, тобой играютъ.... и задумаешься, и схватишь чью нибудь руку; а рука-то деревянная, и ужасъ возьметъ!

Иногда, съ наступленіемъ ночи, думаешь освѣжить себя восходомъ солнца; настанетъ день, — на луну разсчитываешь. Нѣтъ тебѣ ни того, ни другаго! и не знаешь зачѣмъ встаешь, зачѣмъ идешь спать.

Дрождей, подымавшихъ жизнь, ихъ нѣтъ! радости, что̀ въ ночи убаюкивала, что̀ до зари на пиръ пробуждала, — нѣтъ ее! нѣтъ!

Въ цѣломъ городѣ, встрѣтилъ я только одно женственное женское существо, — фрейлину Б*; она походитъ на васъ, милая Лотта, — если можно походить на васъ! — Э, скажете вы, господинъ-то на комплименты пустился! — И что же? въ этомъ немножко и правды есть; съ нѣкоторыхъ поръ, сталъ я очень любезенъ, — потому что нельзя же иначе,—и острю, и женщины говорятъ: нѣкто такъ тонко польстить не умѣетъ! (и лгать такъ безсовѣстно; потому что здѣсь и безъ этого нельзя; понимаете?). Я заговорилъ о фрейлинѣ Б*. У нея много души; объ этомъ говорятъ ея голубые глаза. Ея свѣтское положеніе ей въ тягость; оно на перекоръ всѣмъ ея желаніямъ; она рвется изъ омута, и мы по цѣлымъ часамъ фантазируемъ о чистыхъ радостяхъ сельской жизни, и о васъ, моя несравненная! Какъ часто бываетъ она вынуждена платить вамъ дань удивленья; нѣтъ; не вынуждена; она это дѣлаетъ добровольно, и всегда слушаетъ съ удовольствіемъ, когда говорятъ о васъ; она любитъ васъ искренно.

О, быть бы мнѣ у ногъ вашихъ, а малюткамъ нашимъ — вокругъ бы насъ; какъ они рѣзвятся, — милыя! зашумятъ ли очень, — у меня сказка въ запасъ; такая страшная... и прижались ко мнѣ, и притихли всѣ.

Буря миновала и снѣжное поле блеститъ въ лучахъ заходящаго солнца; а я — я долженъ опять въ свою трущобу? прощайте! Альбертъ — у васъ? и — какъ онъ? — Господь да проститъ мнѣ этотъ вопросъ!

---

8 Февраля.

Вотъ уже восемь дней, какъ у насъ погода отвратительная; а мнѣ легче. Что̀ пользы въ хорошемъ днѣ? испортятъ-же люди, какой бы ни былъ день! Теперь когда дождь, слякоть, изморось на дворѣ, теперь имъ портить нечего; такъ скверно, и этакъ скверно; стало быть все равно, все хорошо. Въ солнечное утро мнѣ еще больнѣй за нихъ; день-то, думаешь, вѣдь сгубятъ себѣ! вѣдь нѣтъ ничего, чего бы они не портили себѣ, изъ за чего бы не губили другъ друга! здоровье, доброе имя, рѣдкіе часы свободы, — все перепакостятъ; и все отъ узкости, тупости, наразвитости пониманій! а со стороны послушаешь, — все изъ участья, все съ лучшимъ намѣреніемъ. На колѣнахъ просилъ бы ихъ, иной разъ, не терзать такъ жестоко своихъ внутренностей!

---

17 Февраля.

Кажется, мы съ Посланникомъ долго не уживемся; человѣкъ этотъ черезчуръ невыносимъ. Его манера работать до того смѣшна, что нѣтъ возможности не противорѣчить ему, и я часто нахожусь вынужденнымъ дѣло дѣлать по своему, что̀ конечно ему не понутру. На дняхъ онъ жаловался на меня при дворѣ, и я получилъ отъ министра выговоръ; хотя и деликатный, но все же выговоръ. Я уже думалъ подать въ отставку, какъ полу-

чаю отъ него частное письмо *), предъ которымъ я стоялъ на колѣнахъ, сознавая въ немъ высокое, благородное и мудрое его наставленіе. Какъ тонко говорится въ немъ о моей чрезмѣрной раздражительности, о моихъ преувеличенныхъ понятіяхъ на счетъ служебныхъ обязанностей! Съ полнымъ уваженіемъ къ моему вліянію на дѣла, къ моей настойчивости въ проведеніи мысли, онъ смотритъ на нихъ, какъ на благородные порывы молодости и совѣтуетъ не искоренять, но сдерживать и направлять ихъ такъ, чтобъ они въ свое время, на своемъ мѣстѣ, могли принести пользу и достигнуть своей цѣли. Это на цѣлую недѣлю укрѣпило, примирило меня съ собою. Душевное спокойствіе, довольство собой, — благо великое, если бы только, любезный другъ, эта рѣдкая вещица не была столь же хрупка, какъ драгоцѣнна и прекрасна она!

---

20 Февраля.

Благослови васъ Богъ, друзья мои, и да пошлетъ онъ вамъ свѣтлые дни, въ которыхъ нынѣ отказываетъ мнѣ!

Благодарю тебя, Альбертъ, за то что ты обманулъ меня; я ожидалъ извѣщенія о днѣ вашей свадьбы и далъ себѣ торжественный обѣтъ — снять въ тотъ день силуэтъ Лотты со стѣны и сложить его вмѣстѣ съ другими

*) Какъ это письмо, такъ и то, о которомъ будетъ ниже упомянуто, не помѣщены здѣсь изъ уваженія къ высокой особѣ, писавшей эти письма. Теплѣйшая признательность читателя, кажется, не искупила бы подобной нескромности. (25)

Прим. авт.

бумагами. Теперь изъ васъ двухъ вышло одно, а силуэтъ Лотты остался у меня по прежнему; такъ пусть же и остается онъ! да почему-жъ и не такъ? вѣдь я же съ вами; я знаю это; знаю и то, что занимаю въ сердцѣ Лотты второе мѣсто, и не въ ущербъ тебѣ. Я хочу, и долженъ его сохранить! о, я бы сошелъ съ ума, еслибъ она забыла..... Альбертъ, въ этой мысли — адъ. Альбертъ, будь счастливъ! будь счастлива, ангелъ небесный, будь счастлива, Лотта!

---

15 Марта.

Я имѣлъ непріятность, отъ которой долженъ теперь бѣжать (26). Глотаю желчь, кусаю губы, и всѣхъ бы къ чорту послалъ! а все вы причиной; вы мнѣ не давали покоя, вы меня пилили, подстрекали взять мѣсто, которое мнѣ какъ къ коровѣ сѣдло. Вотъ и досталось намъ всѣмъ! вотъ и вамъ угощеньеце! а чтобъ ты опять не сказалъ, что все натягиваю, и тѣмъ порчу все, вотъ тебѣ, сударикъ ты мой, разсказецъ вѣрный и точный, какъ хроника сѣдовласаго лѣтописца:

Что графъ К* любитъ и отличаетъ меня, объ этомъ знаешь; читалъ сто разъ. Вчера обѣдаю у него, и какъ нарочно, вчера же вечеромъ у него собранье, условное собранье, высшій придворный кругъ. Мнѣ и не въ толкъ, что подчиненнымъ, что служащимъ при графѣ, словомъ, что нашему брату тутъ мѣста нѣтъ. Хорошо. Вотъ мы обѣдаемъ; послѣ обѣда расхаживаемъ съ графомъ по залѣ; подходитъ полковникъ Б*, мы и съ нимъ пускаемся въ разговоръ; между тѣмъ приближается часъ съѣзда; я себѣ и въ усъ не дую. Вотъ входитъ сіятельнѣйшая фонъ

С. со своимъ сіятельнымъ супругомъ; съ ними ихъ дочка, сухопарая княжна; зашнурована въ рюмочку, грудь какъ дощечка; все какъ слѣдуетъ. И улыбка у нихъ, en passant, такая благосклонная, и скромно опущенный взглядъ, и ноздри при этомъ раздуты какъ слѣдуетъ; все какъ слѣдуетъ; противная нація; самъ знаешь. Я уже думалъ бѣжать, да хотѣлъ только сказать слово графу, какъ входитъ моя добрая знакомая, фрейлина Б*; а какъ у меня на-сердцѣ всегда отляжетъ немного, словно наступитъ оттепель, когда я съ ней, такъ и тутъ. Становлюсь за ея стуломъ, разговариваю, и только по прошествіи нѣкотораго времени замѣчаю, что она смущена, что у нея какъ будто прикушенъ языкъ. Странно, думаю, неужели она, какъ и вся остальная шваль? да какъ-бы не заразиться, и хочу уйдти; но мысль о ней удерживаетъ меня; давай, думаю, еще разъ попытаюсь; авось, заговоритъ какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ гостей понабралось уже порядочно. Вотъ и баронъ фонъ Ф. со всѣмъ своимъ гардеробомъ, словно сейчасъ съ коронаціи Франца I; вотъ со своей глухой супругой и надворный только совѣтникъ Р, который поэтому здѣсь именуется не иначе какъ in qualitate, господинъ фонъ Р. Да не забыть бы и истасканнаго фонъ М? его полинялый французскій кафтанъ, прикрашенный новомодными кружевами, сдается на немъ какъ съ иголочки; не умудришься такъ. Встрѣчаю и знакомыхъ; но странно; откуда вдругъ лаконизмъ такой? смотрю на Б; она на меня; другъ друга не понимаемъ. Началось шептанье, перемигиванье, княгиня С. отходитъ съ графомъ въ сторону (объ этомъ я послѣ отъ Б. узналъ); чувствую, что-то не ловко, и я уже поближе къ двери. Тутъ графъ подходитъ ко мнѣ, беретъ съ участіемъ за

руку и подводитъ къ окну. — Вы знаете, говоритъ, наши странныя приличія; общество, какъ я замѣчаю, недовольно, что вы здѣсь. — Ни за что бы на свѣтѣ! — тысячу извиненій, ваше Сіятельство; въ голову не пришло; мнѣ бы самому подумать; но я знаю.... потому что.... право, словно нечистый попуталъ! прибавилъ я, раскланиваясь. Графъ жметъ мнѣ руки съ чувствомъ, выразившимъ все; я ухожу; сажусь въ кабріолетъ и ѣду — лучшаго я придумать не могъ — за городъ, посмотрѣть на закатъ солнца, да въ Гомерѣ почитать то мѣсто, гдѣ свинопасы такъ славно угощаютъ Улиса. Хорошо; ничего.

Поздно вечеромъ, когда общество разъѣхалось, возвращаюсь къ ужину, чтобы — понимаешь — какъ будто ни въ чемъ ни бывало. Однако, чортъ возьми! кое-кто еще тутъ; скатерть съ одного конца откинута; т. е. забавляются въ косточки. Входитъ нашъ почтенный Аделинъ, — шляпу въ сторону, — и прямо ко мнѣ. — Ты, говоритъ шопотомъ, непріятность имѣлъ? — Я? спрашиваю я. — Да, ты; графъ тебѣ на двери указалъ? — Ну ихъ, говорю, — я радъ, что попалъ на воздухъ. — Хорошо, что у тебя желудокъ такой; другой бы.... жаль только, что знаютъ всѣ, что въ городѣ говорятъ! — Меня какъ ножомъ царапнуло — и, — ну, словно сосетъ червь. Кто ни придетъ къ столу, кто ни взглянетъ, — а, вотъ почему такъ взглянулъ! — кровь, понимаешь, начала портиться.

Вотъ и сегодня, съ кѣмъ ни встрѣчусь, всѣ съ участьемъ къ тебѣ. Знаемъ мы это участье! завистники торжествуютъ и говорятъ, — знаю я, что они говорятъ — они говорятъ: нутка, посмотримъ, какъ вылезетъ изъ пет-

ли; ничто ему; немножко поумнѣй, такъ и думаетъ что можетъ стать выше всѣхъ отношеній; думаетъ, что.... да кто ихъ собакъ знаетъ, какъ они тамъ лаютъ.... ножъ бы въ себя всадилъ! Толкуй себѣ о самостоятельности; знаемъ мы; посмотрѣлъ бы я, какую бы ты скорчилъ рожу, еслибъ мошенники оперлись на дѣло, да начали бы ругать тебя? тутъ не скажешь — врутъ; тутъ дѣло; фактъ на лицо; ножъ бы всадилъ въ себя!

---

16 Марта.

Все меня бѣситъ. Сегодня встрѣчаюсь въ аллеѣ съ фрейлиной Б; я не могъ воздержаться, чтобъ съ ней не заговорить, — и когда мы нѣсколько поотстали отъ другихъ, — чтобъ не намѣкнуть на ея загадочное обращенье со мной въ послѣдній разъ.

Вертеръ, сказала она голосомъ искреннимъ, можете ли такъ объяснять мое замѣшательство зная меня? мнѣ было за васъ больно съ той самой минуты, какъ я вошла въ залъ! я все предвидѣла, и сто разъ вертѣлось у меня на языкѣ — предупредить васъ; я знала, что С* и Т* со своими мужьями скорѣе оставятъ собранье, нежели останутся съ вами; я знала также, что графу нельзя съ ними разойтись, — и теперь эти толки, этотъ шумъ! — Какъ? — спросилъ я, скрывая свой испугъ.

Все сказанное мнѣ третьяго дня Аделиномъ тутъ сильнѣе высказалось, и меня словно обдало кипяткомъ! — Еслибъ вы знали, чего мнѣ это стоило? — продолжала она, и слезы блеснули въ ея глазахъ! Я былъ внѣ себя, я готовъ былъ упасть къ ея ногамъ. — Объяснитесь! сказалъ я. По ея щекамъ покатились слезы; но не скрывая ихъ, она

отерлась платкомъ и сказала: вы знаете тетушку; она была всему свидѣтельницей, — о, какими глазами она смотрѣла на это все! Вертеръ, цѣлую ночь вчера, цѣлое утро сегодня, должна я была выслушивать отповѣдь за мое обращенье съ вами! васъ бранили, васъ унижали; а я, — могла ли, смѣла ли я защищать васъ такъ, какъ бы желала; только въ половину могла я...

Каждое ея слово было мнѣ какъ острый ножъ! она не знала какое бы благо оказала мнѣ, еслибъ умолчала о многомъ; а тутъ она еще замѣтила, какимъ пересудамъ подвергаюсь я, какіе люди будутъ торжествовать, какъ будутъ радоваться моему уничиженью тѣ, которымъ холодное и небрежное мое обращенье давно уже кололо глаза...

Вильгельмъ, слышать все это отъ нее, слышать голосъ участія искренняго... я былъ растерянъ, взбѣшенъ, да и теперь еще не могу прійдти въ себя; хотѣлось бы, чтобъ кто нибудь упрекнулъ въ глаза, чтобъ шпагу въ того всадить! впечатлѣніе крови, кажется, облегчило бы меня. Ахъ, сто разъ уже хватался я за ножъ, чтобы дать просторъ этому сердцу!

Разсказываютъ о славной породѣ арабскихъ лошадей: когда ихъ слишкомъ разгорячатъ, загонятъ, онѣ по инстинкту — чтобы вздохнуть — прокусываютъ себѣ жилу. — Со мною тоже; ради вѣчной свободы, отворилъ бы кровь себѣ!

---

24 Марта.

Я подалъ въ отставку и надѣюсь скоро получить ее. Не прогнѣвайтесь, если не испросилъ на это вашего позволенья; рѣшено; здѣсь не останусь, и все что вы имѣете

мнѣ сказать, все это знаю напередъ. Подсласти, разсыропь и поднеси это матушкѣ. Скажи, что если я себѣ не могу помочь, такъ пусть извинитъ, если и ей пособить не въ силахъ. Конечно, это ей будетъ тяжело. — Сынокъ на такой славной дорогѣ; карьера ему такая блестящая впереди; тайное совѣтничество, посольство, и вдругъ... стой, лошадка! маршъ въ свое стойло. — Судите, рядите, какъ вашей душѣ угодно; придумывайте всевозможные казусы, при которыхъ бы я могъ оставаться; я рѣшительно ухожу, и могу даже сказать куда.

Нѣкто князь * (27), съ которымъ я сошелся, узнавъ о моемъ намѣреніи, пригласилъ меня въ свое помѣстье провести съ нимъ нынѣшнюю весну. По его словамъ, я не-буду стѣсненъ ни въ чемъ и буду совершенно предоставленъ себѣ. А какъ мы до извѣстной степени поняли другъ друга, то куда не шло, думаю, попытаю счастье и поѣду съ нимъ!

---

19 Апрѣля.

Спасибо разомъ за два письма! Я не отвѣчалъ до полученія отставки, опасаясь, чтобы матушка не отнеслась къ министру и не затруднила моего намѣренія. Теперь все кончено; отставка получена. Не буду расписывать вамъ, какъ не охотно мнѣ дали ее и что мнѣ пишетъ министръ; вы подняли бы плачь Іеремія! Наслѣдный принцъ прислалъ мнѣ на подъемъ 25 червонныхъ, при письмѣ тронувшемъ меня до слезъ; такимъ образомъ деньги, о которыхъ я недавно писалъ тебѣ, могутъ оставаться въ экономіи матушки.

---

5 Мая.

Завтра выѣзжаю отсюда. Моя родина только на шесть миль отъ дороги въ сторону; навѣщу ее. Хочу вспомнить былые годы, припомнить, какъ сладко мечталось когда-то. Въѣду въ тѣ же ворота, изъ которыхъ выѣхалъ вмѣстѣ съ матушкой, когда она по смерти отца оставляла родное мѣстечко, чтобы запереться въ скучномъ городѣ. Прощай, Вильгельмъ! о подробностяхъ поѣздки увѣдомлю.

---

9 Мая.

Съ благочестіемъ пилигримма совершилъ я поѣздку на родину и испыталъ при этомъ чувства еще неизвѣданныя.

У старой большой липы, въ четверти часахъ отъ города къ мѣстечку С*, я остановился, вышелъ изъ экипажа и отпустилъ лошадей впередъ, чтобы пѣшкомъ, на свободѣ, вкусить отъ каждаго плода живыхъ воспоминаній. И всталъ я подъ эту липу, бывшую когда то предѣломъ и цѣлію моихъ дѣтскихъ прогулокъ. Какая разница во впечатлѣньяхъ! стремленьямъ юнаго сердца, сколько надеждъ предстояло имъ, сколько пищи они обѣщали ему! какъ рвалось оно въ своемъ блаженномъ невѣденіи къ міру неизвѣстному, полному невыразимыхъ обаяній! Гористая окрестность, когда то предметъ моихъ пытливыхъ чаяній, — по цѣлымъ часамъ я могъ уноситься къ ней, улетать въ лѣса, въ долины, являвшіяся мнѣ въ какой то смутной и чарующей красѣ! и когда, бывало, наступитъ урочный часъ, какъ неохотно разставался я съ этимъ завѣтнымъ мѣстечкомъ!

Когда я подошелъ къ городу, мнѣ всѣ старые, знакомые

домики, бесѣдки — улыбнулись; всѣ новыя постройки были противны мнѣ. Едва я перешагнулъ за городскія ворота, прошедшее ожило, стало настощимъ. Оставляю подробности; все, что имѣетъ такую прелесть для меня, могло бы показаться тебѣ скучнымъ.

Я остановился на площади, возлѣ бывшаго нашего дома; мимоходомъ я замѣтилъ, что учебная комната внизу, куда старая, честная няня къ ученью собирала насъ, превращена въ мелочную лавку. Сколько тутъ пролито слезъ, сколько притуплено чувствъ, сколько одуряющихъ ощущеній пережито здѣсь! все живо, словно въ очію, и въ душѣ моей, какъ въ душѣ путника ко святымъ мѣстамъ! а эта рѣчка, а тотъ пригорокъ, съ котораго мы ребята, бывало, забавлялись рикошетами, запасаяся силами мышцъ! и слѣдишь за теченьемъ рѣки, и думаешь, Богъ вѣсть какъ далеко съ нею уплылъ! молодыя-то крылья фантазіи только учились летать, и какъ недалекъ былъ ихъ полетъ! Другъ мой, не также ли думали, не также ли чувствовали наши праотцы? сколько дѣтскаго, сколько простодушнаго въ поэзіи ихъ! Когда Улисъ говоритъ о безконечной землѣ, о необозримомъ морѣ, какъ человѣчно, какъ естественно, ограниченно, сказочно онъ говоритъ! чтò толку мнѣ, если я знаю теперь со всякимъ школьникомъ, что земля кругла? человѣку довольно нѣсколькихъ саженей, чтобы быть счастливымъ, и еще того менѣе, чтобы въ ней сложить свои кости!

Вотъ я въ княжескомъ, охотничьемъ замкѣ. Съ княземъ можно жить; онъ прямодушенъ и простъ; но чтò за странные люди окружаютъ его? я даже ихъ въ толкъ не возьму; и бездѣльниками ихъ не назовешь, и на честныхъ людей они не походятъ; иногда они сдаются такими, а

все какъ-то не довѣряешь имъ. Одно мнѣ не нравится въ князѣ: онъ часто говоритъ о вещахъ, о которыхъ только слышалъ или читалъ; отъ этого у него и своихъ взглядовъ нѣтъ, а стало быть нѣтъ и своихъ убѣжденій; бездѣлицы нѣтъ!

Онъ цѣнитъ мой умъ, мои таланты; о моемъ сердцѣ онъ и не думаетъ; а оно то и составляетъ мою единственную гордость; оно же источникъ всѣхъ моихъ силъ, всѣхъ моихъ радостей и страданій. Какъ я мыслю, чтò я знаю, такъ можетъ мыслить, то можетъ знать и другой; такимъ сердцемъ какъ мое — владѣю я одинъ.

---

25 Мая.

У меня была мысль, о которой я не хотѣлъ говорить, прежде чѣмъ осуществится она. Теперь, когда изъ нее ничего не вышло, теперь могу сказать: я собирался на войну, и признаюсь, это предпріятіе было главной причиной моей поѣздки съ княземъ, который служитъ генераломъ въ *** войскахъ. Недавно, на прогулкѣ, я сообщилъ ему мое намѣреніе; онъ отсовѣтовалъ, отклонилъ его, и я согласился съ нимъ; это доказываетъ, что истиннаго влеченья тутъ не было; что и это была не болѣе, какъ мимолетная причуда.

---

11 Іюня.

Говори и думай что хочешь обо мнѣ; я долго тутъ не останусь; чтò мнѣ здѣсь? Правда, князь со мною такъ хорошъ, какъ только возможно; а все же я не въ своей тарелкѣ; въ сущности, у насъ съ нимъ ничего нѣтъ общаго. Человѣкъ онъ съ умомъ, но съ умомъ обыкновеннымъ; бесѣда его,

какъ книга хорошаго слога, какъ чистенькое изданьеце. Съ недѣлю пробуду еще здѣсь; а тамъ опять — куда глаза глядятъ! — У него есть чувство изящнаго, есть вкусъ въ живописи; но этотъ проклятый тонъ знатока, эта казенная терминологія — все портятъ! иногда въ тебѣ разыграется и фантазія, и проснется, разгорится чувство къ природѣ, къ искусству, а онъ думаетъ что дѣло сдѣлалъ, если подсунетъ клейменое словцо, угодитъ торнымъ, избитымъ терминомъ, — словно водой обольетъ!

---

16 Іюля.

Ну, конечно, я только странникъ, путникъ на землѣ! а вы-то, развѣ больше?

---

18 Іюля.

Куда отправлюсь? объ этомъ позволь тебѣ сказать на ухо; недѣли двѣ придется все-таки пробыть еще здѣсь; а потомъ — признаться, мнѣ не малаго стоило труда увѣрить себя въ этомъ — потомъ желаю осмотрѣть сосѣдніе, горные кряжи. Въ сущности-то, — понимаешь — хотѣлось бы поближе къ Лоттѣ, такъ, хоть немножко поближе... я и самъ смѣюсь надъ своимъ сердцемъ, да немогу отказать ему.

Хорошо, превосходно, отлично! — я, — представь, — ея мужъ! О, мой создатель! еслибъ ты взыскалъ меня этимъ блаженствомъ, вся моя жизнь была бы одной молитвой. Пѣнять не буду; прощаю и себѣ эти слезы, эти напрасныя желанья. Она — жена моя! да, еслибъ я могъ ее заключить въ объятія? — говорю тебѣ, Вильгельмъ, — содра-

гаюсь при одной мысли, что Альбертъ обнимаетъ ея стройный станъ!

И, — скажу ли? почему-же и нѣтъ? — она была бы счастливѣе со мной. Нѣтъ! онъ не можетъ исполнить всѣхъ желаній этого сердца; недостатокъ симпатіи, недостатокъ чего-то, — самъ себѣ объясни! сердце его не забьется, — о, — не забьется какъ наше, вотъ хоть бы при извѣстныхъ строкахъ извѣстной книги; не забьется такъ и во многихъ случаяхъ, когда рѣчь, напримѣръ, зайдетъ о томъ, о другомъ... И то сказать, мой милый, онъ любитъ ее отъ всей души, а такая любовь, чего не заслуживаетъ она?

Скучный посѣтитель прервалъ меня; слезы обсохли; я разсѣянъ. Милый, прощай!

---

4 Августа.

Не со мной однимъ; тоже и съ другими; и они обмануты въ своихъ надеждахъ, въ своихъ ожиданіяхъ. Я далеко зашелъ на прогулкѣ и навѣстилъ сегодня ту добрую женщину подъ липами, о которой уже писалъ тебѣ (28). Ея старшій сынъ бросился мнѣ на встрѣчу; на его радостный крикъ пришла и она. Словно убитая, какъ измѣнилась она! Первымъ ея словомъ было: ахъ, сударь, Гансъ-то мой — это былъ ея младшій, — Гансъ-то мой, вѣдь умеръ! — Я ни слова. — А мужъ-то мой, изъ Швейцаріи вернулся ни съ чѣмъ; безъ добрыхъ людей пошелъ бы по міру; только лихорадку дорогой схватилъ! — Я ни слова; я только дѣтямъ далъ немного денегъ... она мнѣ нѣсколько яблоковъ, — въ знакъ, говоритъ... я разложилъ ихъ по карманамъ и.... оставилъ мѣсто печальнаго воспоминанья.

---

21 Августа.

Куда ни оглянешься, все не то. Иногда, какъ будто блеснетъ заря радости, улыбнется жизнь.... мгновенье одно! Начнется возня съ мыслями, съ мечтами, — что̀ мудренаго, если тутъ придетъ въ голову: еслибъ умеръ Альбертъ? — ты бы! — да, — она бы! и погонишься за привидѣньемъ.... ты за нимъ, а концей отъ тебя, по-куда... бездна! и содрогнешься.

Намедни я какъ то попалъ на ту дорогу, по которой, когда я познакомился съ Лоттой, мы ѣхали на сельскій балъ. Я даже не узналъ окрестностей; такъ измѣнилось все; да, все не то, все прошло; ни одного мгновенья той жизни, ни одного удара того пульса, чувства того!

Со мною, какъ съ духомъ владыки надъ пепелищемъ его прежняго величія. Чудный онъ воздвигнулъ замокъ; блескомъ, великолѣпіемъ украсилъ его; все—сыну, цвѣтущему юношѣ.... замокъ расхищенъ, выжженъ до тла!

---

3 Сентября.

Я не понимаю иногда, какъ другой *можетъ* ее любить, *смѣетъ* ее любить, когда только я одинъ люблю ее такъ искренно, такъ свято, и ничего другаго не вѣдаю, не знаю и знать не хочу, какъ только ее одну!

---

4 Сентября.

Да; это такъ; со мною, какъ съ природой; она клонится къ осени, и во мнѣ бушуетъ осень; мои листья желтѣютъ, и падаетъ уже съ деревьевъ желтый листъ.

Я кажется писалъ тебѣ, еще въ началѣ моего пребыванья здѣсь, о влюбленномъ крестьянскомъ парнѣ. Теперь

я освѣдомился о немъ; оказалось, что ему отъ мѣста отказано, что о немъ никто слышать не хочетъ. Вчера я встрѣтилъ его и разговорился съ нимъ. Вотъ его исторія; изъ нее поймешь, какъ глубоко онъ тронулъ меня!

Зачѣмъ это все? зачѣмъ дѣлюся съ тобой только тѣмъ, что пугаетъ и огорчаетъ меня? зачѣмъ къ моей горечи примѣшивать еще твою? зачѣмъ тебѣ подавать новый поводъ—бранить меня, сострадать обо мнѣ? но, стало быть, и это принадлежность моей судьбы; слушай же!

Робко и съ тихою грустью, онъ отвѣчалъ мнѣ сначала только на вопросы; потомъ, какъ бы узнавъ стараго знакомаго, сталъ откровеннѣе, признался мнѣ въ своей винѣ, жаловался на свое несчастье; но едва заговорилъ о томъ времени, когда неодолимая его страсть росла съ каждымъ днемъ, когда онъ не зналъ что̀ дѣлать, куда преклонить голову, лице его одушевилось и онъ съ наслажденіемъ, даже съ восторгомъ, какъ-бы упиваясь воспоминаніемъ, говорилъ что ни ѣсть, ни пить не могъ, что часто дѣлалъ то, чего не слѣдовало, забывалъ о томъ что̀ приказывали; что его какъ будто духъ нечистый погонялъ, и что разъ, когда хозяйка ушла въ свою свѣтелку, онъ пошелъ за ней или, вѣрнѣе, былъ кѣмъ-то увлеченъ туда. — Когда она осталась равнодушна къ моимъ просьбамъ, я рѣшился ею овладѣть силой, — сказалъ онъ — но призываю Бога въ свидѣтели, что не помнилъ что̀ дѣлалъ, что въ этомъ самъ не узнаю себя, что мои намѣренія были всегда честны, и что, говоря искренно, я желалъ только составить ея счастье и ей посвятить свой вѣкъ.

Разсказывая далѣе, онъ вдругъ задумался, сталъ запи-

наться, какъ человѣкъ, который хочетъ что-то сказать, и не рѣшается. Тутъ онъ съ робостью разсказалъ мнѣ, какія передъ тѣмъ откровенности, какія маленькія вольности она позволяла ему; раза два онъ останавливался и разразился наконецъ потокомъ живѣйшихъ увѣреній, что въ первый разъ рѣшается это вымолвить, что говоритъ это не для того, чтобы чернить ее, а только въ доказательство, въ смягченіе своей вины, чтобъ убѣдить меня, что онъ вовсе не такъ испорченъ, какъ это казаться можетъ; что онъ любитъ и уважаетъ ее попрежнему.

Тутъ, мой милый, спою тебѣ все ту же пѣсню; а именно: еслибъ я могъ представить его такимъ, какъ онъ стоялъ передо мной! чтобы ты зналъ, какое я въ немъ принимаю участіе, и долженъ принимать! впрочемъ, на столько и моя судьба тебѣ извѣстна и ты на столько знаешь меня, чтобы понять почему и что̀ меня привязываетъ ко всѣмъ несчастнымъ, особенно къ этому бѣдняку!

Перечитывая письмо, вижу однако, что я забылъ о концѣ исторіи.

Вызванный сопротивленьемъ хозяйки, подошелъ ея братъ, давно ненавидѣвшій влюбленнаго парня изъ опасенія, чтобы бездѣтная сестра не вышла за̀мужъ и не лишила его дѣтей надеждъ на наслѣдство; этотъ выгналъ его тотчасъ изъ дому и поднялъ такую тревогу, что еслибъ она и пожелала, то уже не могла бы поступить иначе. — Теперь, сказалъ онъ въ заключеніе, она взяла другаго работника; говорятъ даже, что онъ женится на ней, что и за него она поссорилась съ братомъ, — но я рѣшился не пережить этого!

Что̀ я разсказалъ тебѣ, то не преувеличено, не подслащено; скажу даже, что слабъ, жидокъ мой разсказъ, что выражаясь общепринятою, обыденною рѣчью, я скорѣе опошлилъ, нежели украсилъ дѣйствительность.

И такъ, эта любовь, вѣрность, страсть — не піитическій вымыселъ! онѣ живы во всей своей чистотѣ въ тѣхъ людяхъ, которыхъ мы называемъ необразованными, грубыми, — мы, образованные, въ ничто переобразованные!

Исторію эту, прошу тебя, прочти со вниманіемъ. Я самъ притихъ, когда началъ писать къ тебѣ, и ты видишь по почерку письма, что оно не отличается тѣмъ вараксаньемъ, той пачкатней, какими обыкновенно угощаю тебя. Перечти его, мой возлюбленный, какъ бы ты читалъ исторію твоего друга; да; такъ было и со мной; такъ будетъ и со мной; а я и вполовину не такъ правдивъ, не такъ рѣшителенъ, какъ этотъ бѣднякъ, съ которымъ не смѣю даже сравнивать себя!

---

5 Сентября.

Я былъ у Лотты. Мужъ ея въ деревнѣ. Она написала къ нему письмецо, которое начиналось такъ: добрѣйшій, любезнѣйшій, пріѣзжай скорѣй! ожидаю тебя съ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, одинъ изъ друзей дома пришелъ сказать, что дѣла задержатъ Альберта еще на нѣсколько дней. Записка оставалась раскрытою на столѣ и вечеромъ попалась мнѣ въ руки; я прочелъ и разсмѣялся. — Чему? спросила она. — Воображенье-то, отвѣчалъ я, какой чудный даръ! представьте, мнѣ показалось, что эта записка ко мнѣ. — Моя выходка ей не понравилась; она отвернулась, и я замолчалъ.

---

6 Сентября.

Мнѣ трудно было разстаться съ моимъ старымъ, синимъ фракомъ; онъ былъ на мнѣ, когда я познакомился съ Лоттой, когда я съ ней танцовалъ; но онъ переслужилъ свой срокъ и я заказалъ себѣ точно такой же; съ такимъ же воротникомъ и съ такими же отворотами; къ нему такіе же панталоны и точно такой же желтый жилетъ.

Того эффекта новый фракъ не производитъ. Не знаю; думаю однако, что и этотъ со временемъ станетъ мнѣ дорогъ.

---

12 Сентября.

Она была нѣсколько дней въ отсутствіи и возвратилась съ Альбертомъ. Сегодня, когда я вошелъ въ ея комнату, она меня встрѣтила, и я горячо поцѣловалъ ея руку.

Съ зеркала слетѣла къ ней на плечо канарейка. —Новаго друга, подарокъ малюткамъ рекомендую,—сказала она, и переманила птичку на кисть руки.

Посмотрите, какая привѣтливая, ласковая! да взгляните же на нее! Когда я кормлю ее, она машетъ крылышками и клюетъ такъ мило; она и цѣлуетъ меня; посмотрите!

Когда она поднесла ее ко рту, птичка такъ прильнула къ ея алымъ губкамъ, какъ бы сознавала блаженство, которымъ дышали онѣ!

Она и васъ должна поцѣловать! сказала она, протянувъ руку къ моему рту. Птичка описала полукругъ, и нѣжное, повторенное прикосновеніе ея клювика, было тонко, обаятельно, какъ предвкушеніе, какъ чаяніе блаженной любви!

Ея поцѣлуй, сказалъ я, не вовсе безкорыстенъ; она ждетъ пищи, и недовольная пустой лаской, смотрите, отварачивается.

Она и кушаетъ у меня изо рту, сказала Лотта, взявъ нѣсколько рѣпяныхъ сѣмячекъ въ ротъ, и поднесла къ нему птичку съ живой улыбкой, съ выраженіемъ чистѣйшей любви.

Я отвернулся. Она не должна была, ей не слѣдовало пробуждать мою впечатлительность этими картинками дѣтской радости и невиннаго счастья; мое усталое сердце засыпаетъ иногда равнодушіемъ къ жизни; но чутокъ и кратокъ его сонъ... а впрочемъ, почемужъ и не такъ? она вполнѣ довѣряетъ мнѣ, она знаетъ, какъ я ее люблю!

---

15 Сентября.

Можно съ ума сойти, Вильгельмъ, отъ одной мысли что есть люди, у которыхъ и капли-то чувства нѣтъ къ тому, что еще имѣетъ какую нибудь цѣну на землѣ!

Я писалъ тебѣ объ орѣшникахъ, подъ которыми мы сидѣли съ Лоттой, когда навѣщали почтеннаго проповѣдника въ мѣстечкѣ С. Чудные орѣшники! Богъ свидѣтель, какъ отрадна была ихъ тѣнь; какъ широко, величественно были раскинуты ихъ сучья; какъ милъ, уютенъ былъ пасторскій дворикъ въ ихъ прохладной тѣни! Самая память о почтенномъ старцѣ, который ихъ сажалъ, какую она прелесть придавала имъ! да, здѣшній школьный учитель иначе не говоритъ о немъ, какъ съ чувствомъ глубокаго благочестія. Повѣришь ли, даже у учителя выступили слезы на глаза, когда онъ сказалъ мнѣ, что орѣшники срублены. Срублены! съ ума-бы сойти, убить бы собаку, что нанесла имъ первый ударъ! Каково же было мнѣ

это слышать, мнѣ, который плакать готовъ, когда на иномъ дворѣ изъ двухъ деревьевъ одно посохнетъ?

Но и тутъ, порадуйся дружокъ, чувство-то человѣческое вѣдь заговорило, отстояло — понимаешь, — вѣдь одно-то уцѣлѣло деревцо!

Постойте, госпожа пасторша, остальныя вамъ отзовутся на маслѣ и яицахъ и на прочемъ иномъ, когда подойдетъ дѣло къ праздникамъ. Да, это она, жена новаго пастора (наши старики умерли), сухопарое существо, имѣющее причину ничего не любить, потому что ее не терпитъ никто, — это она порубила мои деревья! Вся деревня ворчитъ; она нанесла кровную обиду всѣмъ; дура! воображаетъ, что она ученая; объясняетъ каноны, корпитъ надъ морально-критической реформаціей христіанства, и туда же пожимаетъ плечами, когда говорятъ о Лафатерѣ; кашляетъ сухимъ кашлемъ, и оттого въ цѣломъ божьемъ мірѣ ни въ комъ неймѣтъ радости; да, только такой креатурѣ и можно было срубить мои орѣшники! Видишь-ли, я какъ-то не приду еще въ себя; представь: желтый листъ засоряетъ ей дворъ, портитъ воздухъ, листья отнимаютъ свѣтъ, а когда поспѣютъ орѣхи, мальчишки сбиваютъ ихъ каменьями! это, изволишь видѣть, дѣйствуетъ на ея нервы; мѣшаетъ ея комбинаціямъ надъ бреднями Земмлера, Михаэлиса и Кенникота. — Каково?

Когда я спросилъ деревенскихъ мужичковъ постарше, зачѣмъ они допустили это: что-же намъ было дѣлать, отвѣчали они, когда и староста съ пасторомъ за одно? теперь не въ барышахъ они, и подѣломъ! когда общинное Правленье освѣдомилась объ этомъ казусѣ, оно сказало, — сюда пожалуйте! Правленье-то, видите, имѣло на дворѣ еще старую претензію, которую держало подъ сукномъ;

а тутъ она и вышла на свѣтъ, деревья-то и продали съ молотка; теперь и староста съ носомъ остался, да и пасторъ-то, которому и безъ того худо спится, — знать жену часто видитъ во снѣ!

Эхъ, еслибъ я былъ владѣтельный князь, я бы и пасторшу, и старосту, да и Правленье-то... владѣтельный? и то сказать, думалъ-бы я развѣ тогда о деревьяхъ страны?

---

10 Октября.

На ея черные глаза взгляну, и мнѣ легче! Послушай, огорчаетъ меня мысль, что Альбертъ кажется не такъ счастливъ, какъ надѣялся онъ... какъ я бы былъ, еслибы... не люблю точекъ, но здѣсь немогу обойтись безъ нихъ... и мнѣ кажется, оно и коротко и ясно.

---

12 Октября.

Оссіянъ оспорилъ въ моемъ сердцѣ Гомера. Чуденъ, величественъ міръ сѣвернаго барда!

Порывистый вѣтръ обурѣваетъ скалу пустынную. При трепетномъ свѣтѣ луны, въ ризахъ тумана, встаютъ тѣни почившихъ; въ сумракѣ ущелій носятся души на зарѣ убіенныхъ; съ завываніемъ бури, съ ревомъ лѣсныхъ потоковъ сливаются ихъ вопли, изъ мглы трущобъ, изъ мрачныхъ пещеръ. Буря, вопли, потоки, не заглушатъ они жалобы нѣжной, изліяній скорбящей любви; не заглушатъ тихаго плача дѣвы, надъ свѣжей могилой со славою падшаго! четыре мхомъ поросшіе камня надъ ней.

Маститый воинъ-пѣвецъ, величавый Фингала сынъ, онъ на поискахъ слѣдовъ отцовскихъ! и забытыя ихъ гробницы на той скалѣ, онъ находитъ ихъ. Вдохновенный, скорб-

ный, онъ обратилъ очи къ вечерней звѣздѣ; она закатилась, тонетъ въ волнахъ. Минувшее оживаетъ въ душѣ героя; при полномъ сіяньи луны, при радостныхъ кликахъ побѣды, несутся къ роднымъ берегамъ пурпуромъ вѣнчанные корабли отцовъ... Воспоминанье мгновенное! — и снова глубокая скорбь на челѣ его, послѣдняго изъ славныхъ героевъ старины. О, какъ упорна борьба времени съ его могучимъ, медленно угасающимъ духомъ! но и близкій къ своему концу, странствующій, величавый бардъ, что за дивные звуки онъ льетъ изъ вымирающаго сердца? занѐ, тѣни великихъ предковъ одушевляютъ его! — Изнемогаетъ; къ порываемой вѣтромъ травѣ, къ холодной землѣ припалъ, шепчетъ ей: «завтра придетъ странникъ; онъ зналъ меня въ цвѣтѣ, вѣсной моей жизни; онъ спроситъ, гдѣ пѣвецъ Оссіанъ? гдѣ Фингала сынъ? — не отвѣтишь, зеленая, не отзовешься, холодная, и его пята пройдетъ по могилѣ моей....»

О, другъ! гдѣ оруженосецъ? мечь на голо! дай, пожертвую собой за угасающаго полубога! пыломъ юнаго сердца его обновлю, и вслѣдъ возрожденному, дай, пошлю спутницей душу мою!

---

19 Октября.

Ахъ, этотъ пробѣлъ, эта ужасная пустота въ душѣ! Я часто думаю, еслибъ хоть разъ, одинъ только разъ прижать ее къ этому сердцу, пробѣлъ бы пополнился, залегло бы блаженство въ груди.

---

26 Октября.

Да, съ каждымъ днемъ убѣждаюсь я тверже и тверже, болѣе-ли, менѣе-ли на землѣ однимъ существомъ, право, все равно.

Къ Лоттѣ пришла подруга; я вышелъ въ другую комнату; развернулъ книгу; но не могъ читать, и вотъ пишу къ тебѣ.

Онѣ тихо разговариваютъ, разсказываютъ городскія новости: та замужъ выходитъ; другая больна, очень больна; у третьей кашель сухой, осунулось лице, безпрестанные обмороки. — Гроша не дамъ за ея жизнь, — N N также боленъ, — весь распухъ. — И между тѣмъ какъ барыньки мои говорятъ о больныхъ, какъ о первомъ встрѣчномъ, мое несчастное воображеніе переноситъ, сажаетъ меня къ ихъ изголовью. О, какъ они отворачиваются отъ смерти! какъ они... и я обернулся: тамъ платья Лотты, тутъ письмена Альберта, и эта мебель, и эта чернильница... смотрю и думаю: видишь ли, какъ ты сроднился, чѣмъ ты сталъ для друзей; ты имъ достоинства образецъ; ты часто ихъ душа и радость; тоже они и твоему сердцу; а случись, что уйдешь, что на всегда ихъ оставишь, — долго ли они, на долго ли они будутъ помнить о тебѣ?

О, какъ мимолетенъ человѣкъ! даже тамъ, гдѣ отсутствіе его незамѣнимый пробѣлъ въ судьбѣ другихъ, гдѣ онъ такъ много значитъ, и тамъ-то онъ, и еще какъ скоро, исчезаетъ изъ ихъ памяти!

---

27 Октября.

Право, иной разъ распоролъ-бы себѣ грудь или размозжилъ бы себѣ черепъ при мысли, что люди могутъ такъ мало любить одинъ другаго, такъ мало сочувствовать другъ другу! ахъ, этой любви, радости, теплоты сердечной не дастъ никто, если нѣтъ ихъ въ самомъ тебѣ, и бей сердце

блаженствомъ черезъ край, имъ не согрѣешь того, кто какъ глыба холодная, отъ себя не дастъ и ростка.

---

27 Октября, вечеромъ.

Я взысканъ столь многимъ, а мое чувство къ ней поглощаетъ все; я владѣю столь многимъ, а безъ нее — все ничто.

30 Октября.

Сто разъ уже покушался я упасть ей на грудь! Одинъ Богъ вѣдаетъ, во что обходятся мнѣ искушенья передъ лицемъ любезнѣйшаго изъ созданій; видѣть, и тронуть не смѣть; а побужденіе тронуть, схватить, такъ естественно, такъ человѣчно. Дѣти, вѣрные своей природѣ, не хватаются ли за все, что приглянется имъ? — А я?!

---

3 Ноября.

Богъ свидѣтель! я спать ложусъ часто съ желаніемъ, даже съ надеждой не встать вовсе. Утромъ раскрою глаза, взгляну на солнце — и горе мнѣ! — о, если бы причуда, охота къ чему нибудь овладѣла мной, еслибъ я могъ на неудачу, на третье лице сложить причину моего недовольства, оно бы меньше тяготѣло на мнѣ. На бѣду, я самъ причиной всему; во мнѣ одномъ начало вины, — нѣтъ, не вины! довольно, если скажу, что во мнѣ источникъ моихъ бѣдъ, какъ нѣкогда онъ мнѣ былъ источникомъ радостей; не тотъ же ли я, который — давноли? — всюду приносилъ съ собою свой рай, котораго сердце обнимало весь міръ? оно обнищало; не бьется восторгами; сухи глаза, и мысли давно не орошенные слезами, стянули уже

морщину на лбу. Я лишился лучшаго сокровища въ жизни— силы творческой, силы святой; отлетѣли чары фантазіи, и моимъ страданьямъ исхода нѣтъ!

Подойдешь къ окну: напрасно борется туманъ съ лучами молодаго утра; оно встаетъ надъ утесами, и лучезарное, золотитъ поблеклую ниву; напрасно обезлиственныя ивы наклонились надъ рѣкой; она сквозитъ межъ нихъ, блещетъ, вьется и ластится, — о! что̀ же во мнѣ, если и эта всегда дивная природа, какъ размалеванный подносъ передо мной, если всѣ ея чудеса не могутъ и капли-то прежней радости накачать изъ этого сердца въ эту башку, и весь онъ, еще ражій съ виду дѣтина, передъ Бога лицемъ, какъ разсохшееся ведро, какъ ковшъ пустой! — о, я не разъ припадалъ къ нему, не разъ уже молилъ о слезахъ, какъ молитъ пахарь о дождѣ, когда небо легло раскаленнымъ сводомъ, а земля какъ порохъ подъ пятой!

Увы, Богъ посылаетъ ненастье и ведра не мольбамъ неистовымъ, и времена, о которыхъ одно воспоминаніе меня мучаетъ теперь, не потому-ли составляли онѣ мое блаженство, что я тогда съ тихимъ трепетомъ ждалъ Его благодати и отъ глубины чистаго, благодарнаго сердца, шелъ на встрѣчу ей?

---

8 Ноября.

Она въ невоздержности упрекнула меня, и какъ высказанъ былъ упрекъ! въ невоздержности, когда стаканомъ вина увлекусь и выпью невзначай бутылку. — О, не дѣлайте этого, сказала она, о Лоттѣ подумайте! — Подумать? отвѣчалъ я, — я думаю! — нѣтъ, я не думаю; вы вѣчно со мной!

*

Сегодня сидѣлъ я съ нею на томъ мѣстѣ, откуда она,— помнишь, — отъѣхала въ шарабанѣ, обернулась, — и вотъ, чтобъ отвлечь мои мысли, она заговорила о чемъ-то.... милый мой, я гибну; она дѣлаетъ со мной все, что ей вздумается.

---

15 Ноября.

Благодарю тебя, Вельгельмъ, за сердечное слово, за участье твое! прошу тебя, успокойся; дай мнѣ выстрадаться; какъ я ни жалокъ, — поборемся еще. Религію уважаю; знаю, что многимъ страдальцамъ, многимъ чающимъ движенья воды — она ключь цѣлебный. Развѣ сынъ божій не говоритъ, что съ нимъ будутъ только тѣ, которыхъ ему отецъ пошлетъ? а если....

Прошу, этихъ словъ не толкуй превратно, не въ насмѣшку высказаны онѣ; ими говоритъ душа моя; ее же исповѣдую тебѣ; иначе лучше кончить, какъ и вообще не трачу словъ на то, чего не знаю. Выстрадать свою долю, до дна испить свою чашу, не въ этомъ-ли завѣтъ нашей судьбы? и если устамъ человѣческимъ Бога небеснаго была горька та чаша, я ли лукаво скажу, что она сладка? мнѣ ли, въ тѣ минуты, когда вся суть моя трепещетъ межъ бытіемъ и небытіемъ, когда мое прошедшее, какъ молнія надъ темной бездной будущаго, и эта дивная природа преображается въ хаосъ передо мной, — мнѣ ли не внять слову: слабѣютъ твои послѣднія силы, несдержимо паденье, нравственное твое паденье, и скоро не властно будетъ животное воззвать къ силамъ падшаго духа! еще я человѣкъ, и молитвы ли устыжусь: Боже мой, Боже, почто оставилъ меня!

---

21 Ноября.

Ей и въ голову не приходитъ; она и не думаетъ, что сама же готовитъ ядъ, который погубитъ и ее со мной; я, — я это знаю, и жадно пью изъ сосуда, который она подноситъ мнѣ! Что значитъ этотъ добрый, умоляющій взглядъ, которымъ она часто, — часто? нѣтъ, не часто, а иногда, какъ будто увѣщеваетъ меня? это добродушіе, которымъ снисходитъ къ моимъ невольнымъ порывамъ? это состраданье къ страданьямъ моимъ? оно — словно врѣзано на лбу ея.

Вчера, когда я прощался съ ней, она мнѣ подала руку и сказала: прощайте, милый Вертеръ! — милый Вертеръ! такъ впервые она назвала меня, и дрожь пробѣжала по мнѣ! Сто разъ повторилъ я себѣ эти слова, и вчера еще, когда ложился спать и бормоталъ о чемъ-то, я вдругъ сказалъ себѣ: доброй ночи, милый Вертеръ!—и разумѣется, тутъ же посмѣялся надъ собой.

---

22 Ноября.

Не могу просить: оставь мнѣ ее! а все-таки мнѣ сдается иногда, что она моя; не могу молить: отдай мнѣ ее! потому что она принадлежитъ другому. И борешься и возишься со своими мыслями, и попусти я себя на эту тему, ты получилъ бы цѣлый томъ антитезъ.

---

24 Ноября.

Она сознаетъ мѣру моихъ страданій; сегодня, ея взглядъ глубоко запалъ мнѣ въ душу. Когда я пришелъ, она была одна; я ничего не сказалъ, и она только взглянула на меня; все исчезло, все померкло передъ этимъ взглядомъ;

чары красоты, блескъ ума, все слилось въ одномъ выраженьи; то было выраженье состраданья глубокаго! о, зачѣмъ я не упалъ къ ея ногамъ? зачѣмъ не покрылъ поцѣлуями эти уста? Она какъ бы замѣтила что-то недоброе и порхнула къ своему прибѣжищу, къ фортопіано. Едва внятные звуки инструмента и ея тихій голосъ слились въ мелодію, нѣжную какъ ея дыханіе... о, никогда не были такъ прекрасны эти уста! полураскрытыя, какъ бы жаждущія, онѣ упивались гармоніей, и вдохновенныя, чистыя какъ ангелъ, отвѣчали ей отголоскомъ чистѣйшей души! — Да, еслибъ это возможно было выразить; я наклонился, я далъ клятву: уста хранимыя геніемъ небеснымъ, никогда не припаду къ вамъ, никогда не коснуся васъ!—но взглянулъ на нее, и тутъже сказалъ: такъ нѣтъ же, и могу, и хочу! — А! видишь ты эту грань, что между моей душей и этимъ блаженствомъ, что между грѣхопаденьемъ и раскаяніемъ легла?

---

26 Ноября.

Иногда повторяю себѣ: единственна судьба твоя! будь счастливъ счастьемъ собрата, и обиженъ не будетъ никто; — иногда, старую книгу разверну; поэтъ, глубокой древности дитя, онъ мыслилъ какъ я; читаю — словно въ своемъ сердцѣ читаю. — Неужели, спрашиваю, и тогда уже люди страдали такъ? о, сколько же...

---

30 Ноября.

Я не могу, я не долженъ придти въ себя! куда ни оглянешься, куда ни ступишь, —явленія леденящія кровь.... Сегодня! о, человѣчество! о, судьба твоя!

Часъ былъ обѣденный; ѣсть не хотѣлось мнѣ; я шелъ берегомъ рѣки; снѣжная глушь кругомъ; рѣзкій, холодный вѣтръ дулъ изъ ущелья; сѣрыя въ клочьяхъ тучи быстро неслись надъ головой, застилая всю долину, весь горизонтъ...

Издали вижу: человѣкъ въ зеленомъ, разодранномъ кафтанѣ, шныряетъ по утесамъ, нагибается и какъ будто ищетъ травъ. Я направился къ нему, и когда подошелъ ближе, когда хрустъ ледяной коры заставилъ его оглянуться, его интересная физіогномія поразила меня. Его лицо выражало простоту и добродушіе; но тихая, какъбы подавленная грусть составляла ихъ главную, общую черту. Его черные волосы, зачесанные спереди на обѣ стороны, придерживались двумя большими булавками; остальные были собраны сзади въ одну большую косу, падавшую вдоль спины отъ затылка до поясницы. Судя по его одеждѣ я заключилъ, что онъ простолюдинъ и не затруднился его спросить: чего онъ ищетъ? — Ищу, отвѣчалъ онъ, съ глубокимъ вздохомъ, цвѣтовъ, и не нахожу. — Зима, отвѣчалъ я, невольно улыбаясь, — время не то. — Цвѣты бываютъ всякіе, продолжалъ онъ, и спустился ко мнѣ съ пригорка. — Въ огородѣ моемъ есть и розы, и не-тронь-меня двухъ сортовъ; однимъ подарилъ меня отецъ; это полевой цвѣтокъ; вотъ уже два дня ищу, а все не могу найдти!

Я замѣтилъ что-то недоброе въ его глазахъ и, чтобъ отвлечь его отъ грустной мысли, спросилъ: зачѣмъ тебѣ цвѣты? Странная, судорожная улыбка подернула его лице. — Только не измѣни, смотри, сказалъ онъ, приложивъ палецъ ко рту, — я обѣщалъ букетъ голубкѣ! — Это хорошо, отвѣчалъ я. — О, продолжалъ онъ, чего у ней

нѣтъ? она богата.—А все же твой букетъ ей дороже всего!—О, продолжалъ онъ, у ней и жемчугъ и корона есть.—А какъ зовутъ ее?—Еслибъ германскій Сеймъ уплатилъ мнѣ мое жалованье, я былъ бы другой человѣкъ! да, было время, когда и мнѣ было хорошо; а теперь, теперь я пропадшій человѣкъ!—Влажный взглядъ къ небу выразилъ все.

Такъ онъ былъ счастливъ? спросилъ я.—И какъ еще! ахъ, еслибъ я могъ, какъ тогда.... тогда хорошо мнѣ было, отрадно, легко, какъ рыбкѣ въ водѣ!—

Гейнрихъ! послышался голосъ старухи шедшей прямо на насъ,—Гейнрихъ! мы ищемъ тебя; куда ты запропастился? обѣдать пора.

Это вашъ сынъ? спросилъ я, подойдя къ ней.—Да, бѣдный нашъ сынъ! крестъ тяжелый послалъ намъ Богъ,—отвѣчала она.—Давно ли онъ таковъ?—Съ полгода будетъ, какъ онъ притихъ; благодареніе Господу и за то; а передъ тѣмъ, цѣлый годъ на цѣпи, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ; теперь онъ никого и пальцемъ не тронетъ, только все съ королями, да королевами знается; а что за добрый, что за кроткій былъ человѣкъ! писалъ четкой, хорошей рукой и кормилъ всѣхъ насъ; вдругъ сталъ задумчивъ, схватилъ горячку, впалъ въ полууміе, а теперь, какъ видите.... если-бы, сударь, вамъ все разсказать...

Я прервалъ потокъ ея словъ вопросомъ: какое же это было время, которымъ онъ хвалится, когда онъ былъ доволенъ и счастливъ?—Бѣдный безумецъ, сказала она со скорбной улыбкой,—онъ говоритъ про то время, когда не помнилъ себя, когда былъ въ бѣшенствѣ, сидѣлъ на цѣпи; вотъ чѣмъ хвалится онъ!

Меня какъ громомъ поразило. Я сунулъ ей монету въ руки и бросился въ сторону.

Когда ты былъ счастливъ! повторялъ я ускоряя шагъ, когда было тебѣ хорошо, отрадно, легко, какъ рыбкѣ въ водѣ!—Боже праведный! такъ вотъ судьба твоихъ дѣтей? счастливы они, покуда въ разумъ не придутъ или когда онъ оставитъ ихъ?—Несчастный! завидую твоей горькой долѣ, твоимъ помраченнымъ чувствамъ; съ надеждами выходишь ты изъ дому, зимой, искать цвѣтовъ твоей королевѣ и тихо грустишь, когда не находишь ихъ въ снѣгу.—Счастливецъ! блаженъ ты безуміемъ своимъ; а я, я выхожу безъ надежды, брожу безъ цѣли и возвращаюся съ тѣмъ же, съ чѣмъ и ушелъ. Мечтаешь, чѣмъ бы ты былъ, еслибъ Сеймъ уплатилъ тебѣ жалованье?—Счастливецъ! онъ вещественнымъ невзгодамъ приписываетъ отсутствіе счастія. Ты не знаешь, ты не чувствуешь, что въ твоемъ разбитомъ мозгу, въ твоемъ истерзанномъ сердцѣ—корень твоихъ золъ; а отъ нихъ никакія владыки міра тебя не спасутъ!

Да умретъ же безнадежно тотъ, кто посмѣется надъ больнымъ, который по обѣту сердца спѣшитъ къ источнику исцѣленья, и будь отъ того сугубѣй его недугъ, печальнѣй его исходъ! кто покичится надъ кающимся, который несетъ ко святымъ мѣстамъ бремя тяжкихъ сознаній, раны своихъ угрызеній; съ каждымъ шагомъ, съ каждой язвой на непроторенной осокѣ, льется въ его душу елей утѣшенья, спадаетъ бремя, стихаетъ голосъ тѣхъ угрызеній... и это мечтой зовете вы,—вы, пустозвоны на шелковыхъ пуховикахъ?—Мечта! о Боже, ты видишь мои слезы... не довольно ли жалкимъ, немощнымъ ты создалъ человѣка, чтобъ намъ оспоривать и нищен-

скую-то кроху надежды на тебя, надежду на корень цѣлебный, на слезы вертограда? что же онъ, какъ не надежда, что ты и въ тернія вложилъ силу елея? Безчувственъ ли будетъ отецъ-человѣкъ, когда къ нему припадетъ нежданный имъ сынъ, и воскликнетъ: я снова твой! а ты — ты небесный отецъ! не посѣтуй же за часъ не урочный, за путь оконченный до срока. Любому, и радость и горе повсюду; многимъ по-сердцу просторы земли; я-же, я только съ тобою, только передъ лицемъ твоимъ, и жить и страдать хочу! и Богу-ли-отцу отвергнуть меня?

---

1 Декабря.

Вильгельмъ! тотъ человѣкъ, о которомъ я вчера писалъ тебѣ, тотъ несчастный счастливецъ, онъ былъ писаремъ у отца Лотты; онъ питалъ скрытую къ ней страсть; онъ обличилъ себя; онъ былъ выгнанъ изъ службы; онъ сошелъ съ ума. Пойми изъ этихъ сухихъ словъ, какъ пострадалъ мой мозгъ, когда Альбертъ разсказалъ мнѣ вчера эту исторію также спокойно, какъ ты быть можетъ её читаешь теперь.

---

4 Декабря.

Прошу, — ты видишь, не долго мнѣ! — прошу же, — выслушай, — сегодня сижу возлѣ нее; она за инструментомъ, все разныя мелодіи... и всѣ съ такимъ выраженьемъ, — всѣ! всѣ! — чего-жъ тебѣ? — Ея сестричка на колѣнахъ у меня; куклу наряжаемъ на балъ; я слушаю, и вдругъ, мнѣ легко... слезы... я наклонился, — обручальное кольцо мнѣ въ глаза! — слезы полились, а она

опять туже старую, сладостную мелодію... и отрада живая, и въ настоящемъ прошедшее, и промежутки счастья, огорченій, обманутыхъ надеждъ, все! все! — чего жъ тебѣ? — Я вскочилъ, прошелся раза два по комнатѣ, пуще занимаетъ духъ, — ради Бога! говорю, рѣзко подойдя къ ней, — ради Бога, перестанете ли? — Она умолкла; неподвижно смотритъ на меня; я молчу. — Вертеръ, говоритъ, напряженно улыбаясь, Вертеръ, — ея улыбка ворочаетъ мнѣ душу, — вы больны, ваше задушевное противно вамъ... о, прошу васъ, подите, успокойтесь.... и оторвался, и — Боже, ты видишь мои страданья, ты покончишь ихъ!

---

6 Декабря.

Этотъ образъ, какъ онъ преслѣдуетъ меня! Здѣсь, если раскрою вѣки, здѣсь, подо-лбомъ, гдѣ органъ зрѣнія сосредоточенъ, здѣсь блещутъ эти черные глаза! да; именно здѣсь! — Закрою ли вѣки, — они тамъ, они тутъ, они бездной зіяютъ, — передо мною, во мнѣ! — страждетъ мозгъ.

Человѣкъ, прославленный полубогъ, гдѣ-же твои силы? теперь, когда нужны онѣ, гдѣ твоя опора? Вознесешься-ли на крыльяхъ радости, припадешь ли ницъ въ страданьяхъ, — и тамъ, и тутъ, — не просторы Безконечнаго, — тебѣ на встрѣчу тупая, холодная самосознанья стѣнъ!

ОТЪ АВТОРА.

—

Къ сожалѣнію, о послѣднихъ знаменательныхъ дняхъ нашего друга осталось немного его собственноручныхъ свидѣтельствъ и я нахожусь вынужденнымъ пополнить своимъ разсказомъ этотъ пробѣлъ его печальной исторіи.

Она проста и изустныя о ней извѣстія согласны почти во всемъ; различествуютъ только показанія и мнѣнія о характерѣ окружавшихъ Вертера лицъ.

И такъ, на мою долю выпалъ небольшой трудъ—разсказать слышанное и включить въ мой разсказъ оставшіяся послѣ него письма.

Если согласимся въ трудности опредѣленія настоящихъ, первичныхъ причинъ всякаго знаменательнаго человѣческаго поступка, то поймемъ и побужденія, заставившія меня сохранить, сберечь до малѣйшаго лоскута, все относящееся къ событію съ человѣкомъ, выходившимъ изъ ряда людей обыкновенныхъ.

Тоска и равнодушіе къ жизни все глубже и глубже укорѣнялись въ душѣ Вертера и наконецъ овладѣли ею совершенно. Гармонія его духа разстроилась; внутренній жаръ и раздражительность, возбуждая безпрерывно его мятежныя силы, дѣйствовали на нихъ гибельно; а желаніе превозмочь свои страданья ускоряло только ихъ упадокъ. Душевное безпокойство поражало его способности и дѣйствовало съ каждымъ днемъ разрушительнѣе на его живость, на его остроуміе; онъ сдѣлался скучнымъ собесѣдникомъ и, по мѣрѣ упадка духа, становился несправедливъ къ другимъ.

Такъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, друзья Альберта. Они утверждаютъ, что Вертеръ не умѣлъ тогда цѣнить этаго безукоризненнаго человѣка, даже не признавалъ его естественныхъ желаній — сохранить за собою счастіе, къ которому стремился давно и котораго заслуживалъ вполнѣ; что, стало быть, Вертеръ смотрѣлъ съ ложной точки на его наружное, какъ бы ничѣмъ невозмутимое спокойствіе, тогда какъ самъ походилъ на человѣка, днемъ расточающаго все что имѣетъ и заработываетъ, чтобы съ наступленіемъ ночи снова бороться съ нищетой.

Альбертъ, говорили они, оставался все тѣмъ же къ нему, да и не могъ измѣниться въ такое короткое время; словомъ, не переставалъ, какъ и съ самаго начала, любить и уважать его. Свою жену любилъ онъ выше всего; онъ гордился ею и желалъ, чтобъ и другіе признавали въ ней тоже прекрасное созданіе, какимъ она являлась ему. Можно ли было сѣтовать на него, если онъ отклонялъ отъ себя самую тѣнь подозрѣній или если онъ былъ неравнодушенъ къ мысли — подѣлиться съ кѣмъ бы то нибыло обладаніемъ своего сокровища, будь такой подѣлъ самаго невиннаго свойства? Они соглашаются, что Альбертъ часто оставлялъ комнату жены, когда у нее бывалъ Вертеръ; но что онъ дѣлалъ это не изъ ненависти или отвращенія къ нему, а потому, что сознавалъ свое присутствіе тягостнымъ для искренно любимаго имъ страдальца.

—

Отецъ Лотты захворалъ и не оставлялъ комнаты; онъ выслалъ за ней экипажъ и она отправилась къ нему. Снѣгъ, покрывавшій всю окрестность, только что выпалъ; молодая зима блистала въ лучахъ молодаго утра.

На другой день Вертеръ отправился также къ старику, чтобы проводить Лотту домой, если Альберта задержатъ дѣла.

Ясная погода подѣйствовала мало на его мрачное расположенье духа; впечатлѣнія, одно другаго темнѣе, смѣнялись въ его душѣ и ложились на нее тяжелымъ гнетомъ.

Въ разладѣ съ собой, онъ предполагалъ неурядицу и въ быту окружавшихъ его лицъ, привыкалъ къ мысли, что положеніе и другихъ не лучше; съ этой-то мрачной стороны представлялись ему и отношенія Альберта къ женѣ. Обвиняя себя въ нарушеніи добраго между ними согласія, онъ осыпалъ себя укоризнами, къ которымъ примѣшивалось и скрытое нерасположенье къ другу.

Дорогой, эта мысль разыгралась въ немъ. Да, да, говорилъ онъ себѣ съ глухимъ скрежетомъ: вотъ она, эта довѣрчивая, нѣжная, продолжительная вѣрность! пресыщеніе, равнодушіе это — не больше! нѣтъ такого грошеваго дѣла, которое не занимало бы его больше, нежели это сокровище, эта чудная жена! цѣнитъ-ли онъ свое счастіе? уважаетъ ли онъ ее такъ, какъ она того заслуживаетъ? онъ обладаетъ ею, — прекрасно; обладаетъ, знаю это, какъ смѣкаю и кое о чемъ другомъ; я привыкъ къ этой мысли; но чего добраго, онъ меня еще съ ума сведетъ, и самая его дружба ко мнѣ, развѣ она выдержала испытанье? не смотритъ онъ развѣ на мою привязанность къ Лоттѣ, какъ на нарушеніе его правъ? на мое вниманіе къ ней, какъ на упрекъ ему? знаю, чувствую, что мое присутствіе ему непріятно, что я становлюсь тяжелъ ему, что онъ желалъ бы удалить меня!

То ускорялъ онъ шагъ, то останавливался; порывался домой вернуться; шелъ однако все далѣе, покуда въ этихъ мысляхъ, въ этой борьбѣ съ собой, не пришелъ къ охотничьему домику.

Когда онъ вошелъ въ двери и спросилъ о старикѣ, весь домъ былъ въ движеніи. Старшій братъ Лотты, любимецъ его, объявилъ ему при встрѣчѣ, что въ Вальгеймѣ случилось несчастіе, что тамъ нашли мертвое тѣло. Сначала онъ принялъ это извѣстіе довольно равнодушно.

Когда онъ вошелъ въ кабинетъ старика, Лотта уговаривала отца беречь себя, не выходить изъ дому; онъ же хотѣлъ непремѣнно самъ изслѣдовать дѣло, и на мѣстѣ, собственными глазами увѣриться въ показаніяхъ. Подозрѣнія, улики были довольно сильныя, но убійца оставался еще неизвѣстенъ; убитый найденъ былъ на порогѣ дома вдовы, которая незадолго передъ тѣмъ отказала, по неудовольствію, служившему ей батраку.

— Возможно ли? — вскричалъ Вертеръ, услышавъ это, — сейчасъ же иду туда; я долженъ идти! — Онъ поспѣшилъ въ Вальгеймъ и сообразивъ дорогой всѣ обстоятельства, не усомнился ни на минуту, что убійство было дѣломъ того человѣка, который не разъ ему жаловался на свое несчастье и въ которомъ онъ принялъ такое участіе.

Проходя мимо знакомыхъ ему липъ, онъ содрогнулся; при входѣ въ гостинницу, лежало мертвое тѣло, вокругъ котораго толпился народъ; площадка передъ церковью, мѣсто дѣтскихъ игръ и его отдыха, было залито кровью; любовь и вѣрность, лучшіе завѣты человѣческому сердцу,

обращены въ насиліе и убійство; обезлиственныя, коренастыя деревья, еще недавно кудрявые кустарники, торчали скелетами изъ-за церковной ограды и сквозь ея рѣшетку мелькали одѣтые снѣгомъ могильные камни.

Не успѣлъ онъ подойти къ толпѣ, какъ изъ нея раздался крикъ: убійца! убійца!—На дорогѣ показались вооруженные всадники. Вертеръ взглянулъ—и опустилъ голову; да, это былъ тотъ влюбленный парень, котораго тихая печаль и кроткая робость были еще такъ живы передъ нимъ!

— Что ты сдѣлалъ, несчастный! — вскричалъ онъ, поспѣшно подойдя къ арестанту. Этотъ спокойно на него взглянулъ; помолчалъ; потомъ отвѣчалъ столь же спокойно: «никто ей не достанется; она не достанется никому!»—Арестанта ввели въ гостинницу; Вертеръ бросился на дорогу.

Весь его организмъ былъ потрясенъ; впечатлѣніе было слишкомъ сильно; оно возмутило, привело въ броженіе всѣ таившіяся въ немъ ощущенья. Его скорбь, недовольство судьбой, равнодушіе къ жизни внезапно уступили восторженному желанію; имъ овладѣло невыразимое сочувствіе къ несчастному, неодолимое стремленье — спасти его. Бѣдствіе собрата казалось ему столь великимъ, причины подходили такъ близко къ собственному его положенію, что онъ готовъ былъ извинить самое преступленье; онъ совершенно вошелъ въ душу того, котораго судьбу принялъ такъ горячо къ сердцу; ему даже казалось, что и другіе раздѣлятъ его сочувствіе. Живая рѣчь, живое за несчастнаго слово роились ужэ на языкѣ его, и спѣша къ охотничьему дому, онъ въ полголоса повторяетъ дорогой то, что черезъ нѣсколько минутъ поставитъ его адвокатомъ передъ его почтеннымъ другомъ.

У старика былъ Альбертъ, когда Вертеръ снова вошелъ къ нему; это нѣсколько озадачило его; но онъ скоро ободрился и заговорилъ съ жаромъ въ пользу преступника. Старикъ покачалъ головой и не смотря на живость, страстность и нѣкоторые убѣдительные доводы защиты, несогласился съ Вертеромъ; онъ не далъ ему договорить, сталъ противорѣчить и даже упрекнулъ его въ томъ, что онъ беретъ сторону убійцы; сказалъ, что при такомъ образѣ дѣйствій всякое уваженіе къ закону будетъ поколеблено, а съ тѣмъ вмѣстѣ потресена и государственная безопасность. Къ этому онъ прибавилъ, что навлекъ бы на себя большую отвѣтственность, если-бъ уступилъ его просьбамъ, и заключилъ тѣмъ, что дѣло будетъ поведено законнымъ порядкомъ.

Вертеръ не сдавался; онъ сталъ убѣждать, просить старика: посмотрѣть покрайнѣй мѣрѣ сквозь пальцы, если арестанту дана будетъ возможность бѣжать; но и на это послѣдовалъ отказъ. Тутъ вмѣшался въ разговоръ и Альбертъ, принявшій, разумѣется, сторону Совѣтника: Вертеръ былъ заглушенъ, и послѣ того какъ старикъ повторилъ нѣсколько разъ: нѣтъ, его нельзя спасти!—другъ нашъ съ горечью въ сердцѣ выбѣжалъ на улицу.

Какое впечатлѣніе произвели на него эти слова, объ этомъ свидѣтельствуетъ замѣтка, найденная въ его бумагахъ и написанная вѣроятно въ тотъ же день:

«Тебя нельзя спасти, несчастный! да, намъ съ тобой спасенья нѣтъ!»

О словахъ Альберта, высказанныхъ въ присутствіи Совѣтника, Вертеръ вспоминалъ съ отвращеніемъ; онъ ви-

дѣлъ въ нихъ даже намекъ на свои отношенія къ Лоттѣ и хотя ему шепталъ его свѣтлый умъ, что тотъ и другой были въ сущности правы, — согласиться съ ними, отказаться отъ своего страстнаго желанья, казалось ему, значило бы тоже, что отказаться отъ мысли задушевной, — отъ самого себя.

Слѣдующая записочка, найденная также между его бумагами, подверждаетъ этотъ взглядъ на тогдашнія его отношенія къ Альберту.

«Напрасно твержу себѣ по нѣскольку разъ въ день: онъ честенъ и добръ! — онъ попираетъ все мое задушевное и я не могу быть справедливъ къ нему!»

Къ вечеру наступила оттепель; Альбертъ и Лотта отправились обратно пѣшкомъ.

Дорогой, она часто оглядывалась, посматривала въ сторону, какъ бы искала чего-то. Ясно было, что ее безпокоило отсутствіе Вертера, ихъ всегдашняго спутника. Альбертъ завелъ о немъ рѣчь, отдавалъ ему справедливость во многомъ, но вообще порицалъ его, какъ бы не замѣчая того самъ. Наконецъ онъ коснулся и его несчастной страсти, высказалъ желаніе — найдти возможность — удалить его.

Я желалъ бы этого, сказалъ онъ, и для нашего спокойствія; люди на-сторожѣ, и я знаю, что тамъ и тутъ ходятъ уже толки о нашихъ отношеніяхъ къ Вертеру; прошу, подумай, какъ бы дать другое направленіе его чувствамъ, какъ бы отклонить его безпрерывныя посѣщенія.

Лотта молчала; Альбертъ принялъ ея молчаніе къ сердцу; съ той поры, по-крайней мѣрѣ, онъ уже не вспоминалъ ей о Вертерѣ; а если она начинала говорить о немъ, онъ или молчалъ или заговаривалъ о другомъ.

Напрасная попытка Вертера — спасти несчастнаго — была послѣднею вспышкою его угасавшихъ силъ, и за нею, онъ пуще прежняго впалъ въ уныніе, сталъ жертвою безнадежности и бездѣйствія; когда же ему сказали, что онъ, быть можетъ, будетъ призванъ къ слѣдствію, такъ какъ убійца началъ запираться въ преступленіи, онъ совершенно вышелъ изъ себя.

Испытанныя имъ въ практической жизни неудачи, огорченія, непріятности при посольствѣ (29) столпились въ его памяти и ложились сугубымъ гнетомъ на его страждущую душу. Онъ видѣлъ себя какъ бы обреченнымъ на бездѣйствіе, лишеннымъ всякой надежды, всякой способности предпринять какое либо житейское дѣло. Его дни проходили въ однообразномъ и печальномъ обращеніи съ единственнымъ существомъ, связывавшимъ его съ жизнію. Сознавая, что нарушаетъ спокойствіе той, которую любитъ, не видя исхода, возможности согласить несогласимое, въ постоянномъ разладѣ съ самимъ собой, онъ подходилъ все ближе и ближе къ печальному концу.

О послѣднихъ вспышкахъ его страсти, о его растерянности, отвращеніи къ жизни и безпрерывной съ собою борьбѣ свидѣтельствуютъ слѣдующія, оставшіяся послѣ него письма.

---

12 Декабря.

«Я въ томъ положеніи, любезный Вильгельмъ, въ которомъ по народнымъ сказаніямъ находились несчастные,

одержимые злымъ духомъ. Иногда схватываетъ меня—то не страхъ, не порывъ, — мятежное, невѣдомое клокотанье въ груди—и горе мнѣ! я простора ищу, и часто въ ночи, въ непогоду враждебной осени, рыщу по окрестнымъ лѣсамъ....»

«Вчера наступила вдругъ оттепель. Ночью, послѣ одиннадцати, пришли мнѣ сказать, что ручья вздулись, рѣка выступила изъ береговъ и затопила всю долину до Вальгейма. Я выбѣжалъ изъ дому и меня встрѣтило поразительное зрѣлище: при лунномъ свѣтѣ ревѣли, клубились потоки; буря со свистомъ и завываньемъ несла ихъ на пастбища, луга и пожни, обращенные разлитіемъ рѣки въ одно сплошное, волнующееся озеро.

«Я шелъ пригорками; вдругъ, черная туча заслонила луну, и все слилось въ одинъ глухой ревъ бушующихъ водъ. Ощупью, шелъ я въ помраченіи чувствъ далѣе, и прорвавшійся лучь луны озарилъ передо мною — пропасть, — о, мною обуялъ и ужасъ и невыразимое влеченье къ ней! я дышалъ надъ нею, я ею дышалъ; я утопалъ въ мысли блаженной умчаться съ волнами; я къ нимъ простеръ уже руки, чаялъ утопить въ нихъ мои мученья, мои страданья!—И не поднялась твоя нога, несчастный? не достало въ тебѣ духа покончить съ собой? — нѣтъ; знать часъ мой еще не насталъ. — О, Вильгельмъ, неужели же, — отдалъ бы всю мою человѣчность, — никогда-то не будетъ дана узнику та небесная воля? — въ клочья тучи разметать, вспять отбросить потокъ его бѣдъ!

«Ива, та одинокая ива въ сторонѣ, что въ знойные дни принимала насъ подъ тѣнь, и она по поясъ въ водѣ! и тѣ луга къ охотничьему дому, и тотъ садикъ, та бесѣдка, думалъ я, и тамъ, Лотта, потоки бушуютъ, рвутъ

листву твою! — и вдругъ, солнце прошедшаго озарило меня; такъ порою минутный сонъ ублажитъ заключеннаго, — стада, поля родныя, почести, власть!—Я надъ бездной стоялъ — я ни съ мѣста; но рѣшимость, мужество были со мной.

«Между тѣмъ, я снова какъ старая нищенка, что стащила съ сосѣдняго забора нѣсколько полѣшекъ и у чужой двери хлѣбца ждетъ, чтобы хоть на день еще согрѣть и продлить свою безотрадную жизнь....»

---

14 Декабря.

«Что это, любезный мой? я самъ себя страшиться начинаю; развѣ любовь моя къ ней не чистѣйшая, не братская любовь? питалъ я развѣ желанія недостойныя? — распинаться не буду, — однако, — и вотъ, сны! о, вѣрившіе въ ихъ знаменіе, какъ вѣрно чувствовали они! — Эту ночь, — едва вымолвить рѣшаюсь, — я держалъ ее въ объятіяхъ, прижималъ ее къ сердцу; ея уста что-то сладко шептали мнѣ; я покрывалъ ихъ безчисленными поцѣлуями и глаза мои утопали въ блаженствѣ ея черныхъ глазъ! Боже, виновенъ ли я, что и теперь еще трепещу при одной мысли о томъ? Лотта! Лотта! — я долженъ кончить! мои мысли помрачаются; вотъ уже восемь дней какъ немогу придти въ себя... глаза опять полны слезъ; но нигдѣ не найду мѣста; мнѣ все равно; я ничего не желаю; ничего нетребую; мнѣ бы лучше совсѣмъ уйдти.»

Рѣшимость оставить свѣтъ крѣпла въ его душѣ съ каждымъ днемъ; это намѣреніе сказалось ему еще немедленно послѣ вторичнаго возвращенія къ Лоттѣ; но тогда онъ далъ себѣ слово, что исполнитъ его не прежде,

какъ увѣрившись въ его неизбѣжность, что этотъ шагъ долженъ быть спокойнымъ, обдуманнымъ, а не торопливымъ поступкамъ.

Его сомнѣнія, его борьба въ это время съ собой, видны изъ замѣтки, непомѣченной числомъ и составлявшей вѣроятно начало его письма къ Вильгельму.

«Ея образъ, ея судьба, ея состраданіе къ моимъ мученьямъ — выжимаютъ еще послѣднія слезы изъ изсякшей моей головы.

«Стоитъ только поднять завѣсу! за чѣмъ же сомнѣваюсь и медлю? потому что не знаю, что́ тамъ? потому что возврата нѣтъ?...»

Наконецъ онъ сроднился съ печальною мыслію. Рѣшимость его была тверда и непреложна; это доказываетъ его двусмысленное, слѣдующее письмо къ другу.

20 Декабря.

«Я обязанъ твоей любви, Вильгельмъ, что ты меня поймалъ на́-словѣ; ты правъ; мнѣ лучше совсѣмъ отсюда уйдти. Предложенію — прямо къ вамъ вернуться — я не очень сочувствую и желалъ бы сдѣлать покрайней мѣрѣ небольшой объѣздъ; морозы стоятъ постоянные и дороги установились. Благодарю за намѣреніе — пріѣхать за мной; повремени недѣли двѣ и жди еще письма отъ меня; что̀ недозрѣло, того пожинать не слѣдуетъ; а въ четырнадцать дней можетъ много утечь воды. Матушкѣ скажи, чтобъ она молилась за сына, что прошу у ней прощенья за все, чѣмъ когда либо огорчилъ ее; такова судьба моя, — огорчать ту, которую долженъ былъ бы

радовать. Прости, мой несравненный; да будетъ благословеніе Бога надъ тобой! прости!»

Что̀ между тѣмъ происходило въ душѣ Лотты, каковы были ея отношенія къ мужу и къ нашему несчастному другу, это едвали выразимо словами, хотя зная ея характеръ и можно составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе о ея чувствахъ, о движеніяхъ ея прекраснаго сердца.

Вѣрно то, что она твердо рѣшилась сдѣлать все возможное чтобъ удалить Вертера, и если медлила, то медлила потому, что вполнѣ сознавала, во что̀ это можетъ обойтись ему; сознавала всю опасность, которой подвергала его; изыскивала средства къ его спасенію и не могла не внимать голосу говорившаго за него сердца. Съ другой стороны, обстоятельства тѣснили, не допускали отсрочки; мужъ хранилъ о Вертерѣ совершенное молчаніе; она была вынуждена дѣлать тоже и теперь ей слѣдовало болѣе нежели когда либо доказать на дѣлѣ уровень, тождество ихъ нравственныхъ наклонностей и пониманій.

Въ тотъ самый день, когда Вертеръ написалъ вышеприведенное письмо къ другу, — это было въ воскресенье вечеромъ, передъ рождественскими праздниками, — онъ засталъ Лотту за дѣтскими игрушками и подарками къ елкѣ. Она была одна. Онъ заговорилъ объ ожидавшемъ дѣтей удовольствіи; вспоминалъ о восторгахъ, когда бывало внезапно раскроются двери и ослѣпительная огнями елка явится съ золотыми плодами и конфектами на блистающей подарками скатерти....

И васъ, сказала Лотта, скрывая улыбкой смущеніе, и

васъ ожидаетъ нѣчто, если вы..... съумѣете повести себя. — Что вы разумѣете, спросилъ онъ, подъ этимъ словомъ? какъ могу я, какъ долженъ я повести себя, милая Лотта! — Въ четвергъ, сказала она, будетъ сочельникъ; придутъ дѣти, придетъ батюшка; каждый получитъ свое; придете, получите и вы... но не прежде.—Вертеръ былъ озадаченъ. — Прошу васъ, продолжала она запинаясь,—прошу ради спокойствія моего; это не должно, не можетъ оставаться такъ! — Онъ отвернулся, началъ ходить по комнатѣ и скрыпя зубами тихо повторялъ: это не должно, не можетъ оставаться такъ!

Лотта сознала его положеніе, поспѣшила развлечь его мысли и сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ. Напрасно.— Нѣтъ, Лотта, воскликнулъ онъ, нѣтъ, я болѣе не увижу васъ! —Почему же нѣтъ, Вертеръ, вы можете, вы должны видѣться съ нами; только прошу, о, прошу васъ, умѣрьте, побѣдите себя! о, зачѣмъ вы такъ созданы? за чѣмъ эта пылкость, эта страсть, эта неукротимая падкость на все чему сочувствуете? прошу же, — продолжала она, взявъ его за руку, — укротите, умѣрьте себя! вашъ умъ, ваши познанія, ваши таланты, какія богатыя средства для васъ! будьте мужемъ! укротите эту печальную наклонность къ существу, которое — вѣдь только и можетъ — что сострадать о васъ...

Онъ заскрыпѣлъ зубами и мрачно на нее взглянулъ. Она все еще держала его руку.—Одну минуту спокойствія, Вертеръ!—сказала она,—и вы поймете, вы сознаете, что обманываете себя, что готовите свою гибель! и зачѣмъ же меня, Вертеръ? зачѣмъ именно меня, принадлежность другаго? повѣрьте, — боюсь, боюсь вымолвить, а право кажется такъ: ваши чувства, желанія, не потому

ли они такъ настойчивы, что невозможны? — Онъ остановилъ на ней тяжелый, неподвижный взглядъ.—Умно! премудро! — сказалъ онъ высвободивъ свою руку, — это замѣчаніе, не Альбертъ ли вамъ внушилъ его? Политично! очень политично! — Это сказалъ бы всякій, — возразила она кротко, — неужели же въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ дѣвушки для исполненія желаній вашего сердца? побѣдите себя, попытайтесь, поищите, и клянусь, вы найдете ее. Ограниченный кругъ въ который заключили себя, — эта мысль давно пугаетъ насъ, — не главная-ли причина вашей бѣды? рѣшайтесь же, Вертеръ, побѣдить себя; предпримите путешествіе, сдѣлайте поиски, найдите предметъ достойный вашей любви и возвратитесь къ намъ, да, къ намъ, чтобы въ тѣсномъ кружку любви и дружбы насладиться земнымъ счастіемъ.

— Въ печать бы, въ печать! — отвѣчалъ онъ съ холоднымъ смѣхомъ,—и всѣмъ бы гофмейстерамъ разослать! Любезная Лотта, — прибавилъ онъ — еще немножко терпѣнія, еще нѣсколько спокойствія мнѣ, и все будетъ хорошо. — Съ условіемъ, Вертеръ, что вы не придете ранѣе сочельника...

Онъ не успѣлъ отвѣтить, какъ вошелъ Альбертъ. Они холодно поздоровались и начали ходить по комнатѣ; Вертеръ сказалъ что-то, и разговоръ скоро окончился; Альбертъ началъ о чемъ то, и снова оба замолчали. Онъ спросилъ жену о кое-какихъ распоряженіяхъ и когда услышалъ что они не исполнены, сказалъ ей нѣсколько словъ, которыя показались Вертеру холодными, даже крутыми. Онъ хотѣлъ уйдти; но медлилъ, становился все сумрачнѣе, все безпокойнѣе; такъ прошло время до восьми, и когда начали накрывать на столъ, онъ взялся за шляпу. Аль-

бертъ предложилъ ему остаться; но видя въ его словахъ только обычную учтивость, Вертеръ холодно поблагодарилъ и вышелъ.

Возвратясь домой, торопливо взялъ онъ свѣчу изъ рукъ слуги и одинъ вошелъ въ свою комнату; долго ходилъ взадъ и впередъ, разговаривалъ въ полъ-голоса съ собой, и плакалъ; потомъ нераздѣваясь легъ на постель, на которой нашелъ его слуга, рѣшившійся послѣ одиннадцати войдти къ нему и спросить: не снять ли ему сапоги? онъ согласился; но въ тоже время приказалъ не входить къ нему прежде чѣмъ позоветъ.

Въ понедѣльникъ утромъ, двадцать перваго Декабря, онъ написалъ къ Лоттѣ начало слѣдующаго письма, найденнаго запечатаннымъ на его столѣ; оно было написано, судя по почерку, въ нѣсколько пріемовъ, и по его кончинѣ вручено ей.

«Рѣшено, Лотта; я долженъ умерѣть, и пишу тебѣ это спокойно, безъ романическаго напряженья, въ утро того дня, въ который увижу тебя въ послѣдній разъ. Когда развернешь это письмо, моя добрая, холодная земля будетъ уже покрывать останки безпокойнаго, несчастнаго, незнающаго лучшаго утѣшенья въ свои послѣднія минуты какъ бесѣдовать съ тобой.

«Я пережилъ страшную, и — ахъ! благодатную ночь; она то укрѣпила меня въ рѣшимости — умерѣть. Вчера, когда я отторгнулся отъ тебя и возвратясь домой сознавалъ всю безнадежность, всю безотрадность моего бытія, я упалъ въ страшномъ возмущеніи чувствъ на колѣни; и — Боже, ты послалъ мнѣ отраду горькихъ слезъ! тысячи мыслей, предположеній обурѣвали меня, и наконецъ,

одна всецѣлая, непреложная мысль сказалась мнѣ: ты долженъ умереть! — Я легъ въ постель, уснулъ, и когда раскрылъ по утру глаза, таже мысль, во всей своей полнотѣ покоилась на-сердцѣ: ты долженъ умереть! — Это не отчаяніе, это увѣренность, что я выстрадалъ свою долю, что жертвую собой за тебя. Да, Лотта, зачѣмъ умолчу, и мнѣ ли не сказать правды въ этотъ часъ? — одинъ изъ насъ трехъ долженъ исчезнуть съ лица земли; пусть-же это буду я! О, моя добрая, какихъ ощущеній, какихъ мыслей не перебродило въ этомъ растерзанномъ сердцѣ? убить мужа твоего! тебя! себя! — да будетъ же!

«Когда наступитъ лѣто, избери день посвѣтлѣй; взойди на холмъ съ котораго видна вся долина; по ней вьется тропинка.... вспомни обо мнѣ, и оглянись; на погостѣ, въ заревѣ заходящаго солнца, увидишь, высокая колышется трава...... я былъ спокоенъ когда началъ это письмо, и вотъ, когда будущее живѣй прошедшаго передо мной, я плачу какъ ребенокъ.....»

Часовъ около десяти Вертеръ позвалъ слугу и одѣваясь сказалъ ему, что онъ черезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ, что всѣ вещи должны быть въ порядкѣ; онъ поручилъ ему потребовать неуплоченные счеты, собрать розданныя книги и выдать за два мѣсяца впередъ его еженедѣльныя пособія бѣднымъ.

Онъ отобѣдалъ у себя и отправился верхомъ къ Совѣтнику. Незаставъ его дома, онъ задумчиво ходилъ взадъ и впередъ по двору; прошедшее и будущее ложились камнемъ на его душу; прибѣжавшія дѣти также не давали ему покоя; преслѣдовали его, карабкались на него и разсказывали, что если пройдетъ завтра, и еще одно

завтра, да еще одинъ день, они получатъ такіе подарки отъ Лотты, какихъ ему и во снѣ не снилось. — Завтра, воскликнулъ онъ, и еще одно завтра, и еще одинъ день! — и онъ горячо поцѣловалъ каждаго, и думалъ уже оставить ихъ, какъ одна изъ малютокъ попросила его сказать ему кое-что на ухо; онъ нагнулся; секретъ состоялъ въ томъ, что старшіе братья приготовили къ новому году поздравительные листы, — такіе большіе листы! — одинъ для отца, другой для Лотты и Альберта вмѣстѣ, и одинъ особый для господина Вертера, — пусть только подождетъ до новаго года! — Это извѣстіе заставило его поторопиться; онъ подарилъ каждому по монеткѣ, сѣлъ на коня, поручилъ передать поклонъ отцу и со слезами на глазахъ уѣхалъ.

Около пяти онъ возвратился домой; приказалъ служанкѣ затопить печь и поддерживать огонь до̀-ночи; слугѣ было поручено уложить бѣлье и платье; затѣмъ сдѣлалъ онъ, вѣроятно въ тотъ же вечеръ, слѣдующую приписку въ письмѣ къ Лоттѣ:

«Ты не ожидаешь меня; ты думаешь что послушаюсь тебя и не приду ранѣе сочельника. О, Лотта, сегодня или никогда! въ сочельникъ, послѣ елки, это письмо задрожитъ въ твоей рукѣ, и ты омочишь его твоими добрыми слезами; я хочу; я долженъ; о, какъ я радъ, что я рѣшился!»

Между тѣмъ Лотта была поставлена въ крайне трудное положеніе. Только послѣ послѣдняго объясненія съ Вертеромъ почувствовала она, какъ тяжело ей будетъ разстаться съ нимъ и во что̀ ему обойдется разлука съ ней. Она какъ бы мимоходомъ сказала вчера, что Вертеръ

не придетъ ранѣе сочельника; она это сказала въ присутствіи Альберта, который въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ сосѣднее мѣстечко по дѣламъ, чтобъ остаться тамъ на̀-ночь.

При ней не случилось ни одной изъ сестеръ; она осталась совершенно одна и предалась мыслямъ, незамѣтно осадившимъ ее со всѣхъ сторонъ. Она сознавала что на всегда соединена съ мужемъ, который доказалъ ей свою любовь и вѣрность, которому она предана всѣмъ сердцемъ и котораго спокойный и довѣрчивый характеръ, казалось, былъ предназначенъ самимъ небомъ для ея супружескаго счастья, словомъ, она сознавала все, чѣмъ онъ можетъ быть для нее и для дѣтей; съ другой стороны, ей представилась картина всего происшедшаго между ней и Вертеромъ съ первой минуты знакомства съ нимъ. Ихъ наклонности, ихъ симпатіи, ихъ постоянныя и продолжительныя бесѣды, вмѣстѣ перечувствованныя движенія души, обмѣнъ мыслей, все это положило неизгладимую печать на ея нѣжную, воспріимчивую душу; она привыкла дѣлиться съ нимъ, онъ привыкъ дѣлиться съ нею всѣмъ, что̀ имъ встрѣчалось интереснаго въ жизни, и его отсутствіе должно было оставить пустоту, ничѣмъ незамѣнимый пробѣлъ въ ея быту. — О, еслибъ она могла обратить его въ брата, — какъ счастлива была бы она! — еслибъ могла женить его на одной изъ подругъ! — если-бъ могла возстановить его прежнія отношенія къ мужу!

Она перебрала въ мысляхъ всѣхъ своихъ подругъ; не нашлось ни одной, которая была бы достойна его.

Не давая себѣ яснаго отчета въ этихъ мысляхъ, она не могла однако не сознать во глубинѣ души, что ея сокровеннымъ желаніемъ было—сохранить себѣ Вертера;

смущенно сознаваясь въ этомъ, она въ тоже время внушала, твердила себѣ, что не можетъ и не должна питать такого желанья. Ея досужая, чистая, легко помогавшая себѣ натура впервые испытала гнетъ безъисходной тоски и непреодолимыхъ преградъ согласить несогласимое; дверь къ счастью закрылась передъ ней; грудь стѣснилась, и темное облако скорьби заволокло ея свѣтлыя очи.

Послышались шаги на лѣстницѣ, — это было въ половинѣ седьмаго, — она узнаетъ походку Вертера; онъ освѣдомляется о ней; она узнаетъ его голосъ; ее сердце забилось, и — едва рѣшаемся вымолвить, — забилось въ первый разъ при встрѣчѣ съ нимъ. Она отозвалась бы охотно что ее дома нѣтъ; но Вертеръ входитъ. Съ судорожною торопливостью, встрѣчаетъ она его словами: вы не сдержали слова! — Я ничего не обѣщалъ, — отвѣчаетъ онъ спокойно. — Такъ вамъ бы исполнить покрайней мѣрѣ мою просьбу, — возразила она — я просила васъ ради нашего общаго спокойствія.

Она хорошенько сама не знала, что говоритъ и что дѣлаетъ, когда поручила горничной — чтобы не оставаться наединѣ съ Вертеромъ — сходить къ двумъ подругамъ по сосѣдству, съ просьбой ее навѣстить.

Вертеръ положилъ на столъ нѣсколько книгъ и спросилъ о другихъ, ему не возвращенныхъ. Лоттой овладѣло странное безпокойство: то она желала, то не желала прихода посѣтительницъ. Горничная возвратилась съ отвѣтомъ, что обѣ извиняются.

Она думала посадить въ сосѣдней комнатѣ швею съ работой, но нашла и это неудобнымъ. Вертеръ ходилъ взадъ и впередъ. Она сѣла за фортепіано и начала минуэтъ, — пальцы не слушались. Она собралась съ духомъ и сѣла на

диванъ. Вертеръ занялъ почти въ тоже время свое обычное мѣсто съ боку, на томъ-же диванѣ.

— Принесли прочесть что нибудь? — спросила она. Онъ отвѣтилъ отрицательно. — Тамъ, въ моей конторкѣ, сказала она, найдете тетрадку съ вашими переводами изъ Оссіана; я ихъ не прочла еще; все надѣялась что прочтете сами; но какъ-то не приходилось. — По лицу Вертера пробѣжала улыбка; онъ досталъ тетрадь; но когда развернулъ ее, — содрогнулся; онъ сѣлъ и началъ читать (30).

«Встаешь изъ-за облака, кротко мерцаешь на западѣ, звѣзда вечерняя; мирно совершаешь свой путь, озаряя высокій холмъ; кого ищешь въ долинѣ? стихли буйные вѣтры; слышно журчанье ручья въ далекѣ; морская зыбь ласкаетъ утесъ гранитный; стаи вечернихъ мошекъ рѣютъ надъ полянами; кого же ищешь ты? улыбаешься? плывешь, тонешь въ волнахъ морскихъ, и любо имъ красоваться въ твоихъ лучахъ! — Прости, спокойное свѣтило. — Взойди же теперь, свѣточь мой, свѣтило души Оссіана!

«И оно всходитъ въ полномъ величіи. Я вижу сонмъ друзей усопшихъ; они собираются на Лорѣ свершить тризну, какъ нѣкогда стекалися, въ дни торжествъ, ликовать на ней. Впереди Фингалъ, какъ столбъ туманный: съ нимъ его воины, его барды: сѣдовласый Уллинъ! стройный Рино! и Альпинъ, скорбный пѣвецъ! съ ними Арминъ злополучный, и ты, сладкогласная Минона! — О, какъ преобразились вы, друзья мои, съ послѣднихъ пиршественныхъ дней, когда состязались мы въ пѣсняхъ, согласныхъ какъ шопотъ зефировъ ночныхъ, — въ играхъ веселыхъ, какъ колыханіе по вѣтру осоки высокой!

«Минона во всей красотѣ; очи слезами одѣты; вѣки опущены долу; вьется по вѣтру волосъ золотой. Она оплакиваетъ судьбу Колмы, смерть Сальгара. Ея голосъ льетъ скорбь въ сердца героевъ; имъ знакомы мрачныя сѣни усопшей четы. — Вспомнимъ, поетъ Минона, услышимъ Колму съ горныхъ высотъ.

Колма.

«Ночь! я одна на пустынной скалѣ; вѣтръ завываетъ въ ущельяхъ; потоки клокочатъ надъ бездной; ненастье, гроза, и не-гдѣ мнѣ преклонить голову!

«Встань изъ-за тучи, мѣсяцъ ясный! явитеся звѣзды ночныя! озорите мнѣ путь, ведите къ пристанищу любви, гдѣ Сальгаръ опочилъ отъ подвиговъ дня; да увижу хоть спущенный лукъ, хотя его рыщущихъ псовъ! увы, я одна на скалѣ; вздулся ручей подъ пятой; слышу, потоки ревутъ, слышу только раскаты грозы; милый! гдѣ же ты, гдѣ? отзовись!

«Что же ты медлишь, Сальгаръ? развѣ слово забылъ? вотъ утесъ, вотъ сосна, вотъ шумящій ручей, и урочный часъ! сбился ли гдѣ съ пути, заплутался ли гдѣ въ лѣсу? съ тобой бы бѣжала, оставила бы отчій домъ! Враждуютъ-ли племена наши? — гордыя! — мы не враждуемъ съ тобой.

«Смолкни, о вѣтръ, на мгновенье! стихни, ручей, на часокъ! мой голосъ, раздайся! услышь меня странникъ! Сальгаръ! зову я, Сальгаръ, услышь! вотъ утесъ, вотъ сосна, вотъ шумящій ручей! милый, что-жъ медлишь? я стражду, я жду.

«Всходитъ луна, и буйные вѣтры стихли, и сѣды какъ были мшистые камни нависшихъ стремнинъ; потокъ въ

долинѣ какъ прежде блистая журчитъ; но увы, я не слышу знакомаго лая тебя возвѣщающихъ псовъ! я одна.

«Что вижу? кто тамъ на полянѣ простертъ? братъ мой? Сальгаръ, возлюбленный мой? о, отзовитесь, молвите слово друзья! — молчанье? о, страхомъ предчувствія заныло сердце; мечи ихъ багряны; кровь на доспѣхахъ, щитахъ! о, братъ мой, мой братъ, зачѣмъ ты Сальгара убилъ? о, Сальгаръ, о Сальгаръ, за чѣмъ ты брата убилъ? ахъ, я ли не любила обоихъ васъ? молвите слово, услышьте меня! увы, они нѣмы; ихъ перси хладны, какъ нѣдра земли.»

Такъ пѣла Минона, нѣжно-румяная Тормана дочь; наши слезы по Колмѣ слилися съ слезами Миноны.

Выступилъ съ арфой Уллинъ; ему вторили Альпинъ и Рино. Кротокъ былъ голосъ Рино, грозой разразилась Альпина душа. Они Морара оплакали, красу и надежду въ бояхъ.—Душа его, пѣли они, какъ Фингала душа! мечь его, какъ Оскара мечь! погибъ онъ, и старецъ-отецъ его горько рыдалъ; Минона, сестра его горько рыдала.— Она,—едва въ струны ударилъ Уллинъ,—отступила, какъ луна отступаетъ на западъ, завидѣвъ громовую тучу. Мою лиру я соглашалъ съ арфой Уллина.»

Рино.

«Гроза промчалась; смѣется день; въ лазури небесной, какъ пухъ облака; солнце,—измѣнникъ! холмъ озарило, и скрылось въ волнахъ; слѣдъ его рдяный на горномъ потокѣ, въ долинѣ исчезъ; лейся, отрадный ручей! твой ропотъ дальній, какъ живая пѣсня; но сладостнѣй пѣснь о старинѣ былой. Альпинъ, пѣвецъ вдохновенный! твои скорби,

какъ вѣтръ въ ущельяхъ; твой голосъ, какъ лепетаніе зыби на берегу песчаномъ.»

Альпинъ.

«Мои слезы усопшимъ; мой голосъ могилы жильцамъ! строенъ, красивъ ты, мой Рино; но сгибнишь и ты какъ Морарь! на могильный твой холмъ возсядѣтъ печаль; спущенный лукъ, тетива въ пыли—все наслѣдье, вся память о тебѣ!

«Морарь, ты былъ въ полѣ быстръ, какъ лань на холмахъ; ты былъ страшенъ въ бою, какъ кара небесъ; голосъ твой, какъ послѣ ливня шумящій потокъ, какъ раскаты грома въ горахъ!

«Когда-же возвращался, когда возвѣщалъ миръ отчему дому, о, какъ нѣженъ, кротокъ ты былъ! твой взглядъ, какъ солнце послѣ ненастья, какъ молчаливая луна въ безмятежную ночь; грудь спокойна, какъ озеро послѣ грозы.

«Узко твое желище, мрачны твои сѣни; тремя шагами мѣряю твою могилу; посохшее дерево, осока пустынная, да четыре мхомъ поросшіе камня — вся память Морара могучаго!

«Ты ли это, сестра его? плачь, Минона прекрасная! ты ли это, согбенный на клюку старецъ, отецъ его? чьи глаза красны отъ слезъ, чья голова сѣда до срока? плачь; сонъ мертвыхъ глубокъ, низка ихъ подушка въ пыли, и не подымется сынъ на твой зовъ! о, когда же взойдетъ утро надъ гробами? когда же раздастся голосъ: проснитесь!

«Прости, благородный и первый въ бояхъ! поле не узритъ твоей улыбки, темный лѣсъ ни освѣтится сталью твоихъ доспѣховъ! не оставилъ ты сына, наслѣдника твоему имяни; моя пѣснь будетъ твоимъ сыномъ; имя твое не умретъ; она ему будетъ глаголомъ временъ!

«Глубока была наша печаль; глубже всѣхъ тронутъ былъ Арминъ, пѣвецъ; онъ вспомнилъ Ариндаля, сына; онъ Дору, свою дочь вспомнилъ, и слезой одѣлись его очи. Повѣдай же, Арминъ, владыко омываемой озеромъ Гормы, повѣдай повѣсть твохъ злополучій!

Арминъ.

«Войте, ураганы осенніе! бушуйте, лѣсные потоки! кедровыя выси, клонитеся долу! одѣнься тучей луна! сумраки ночи, повѣдайте гибель моихъ дѣтей, Ариндаля могучаго, Доры возлюбленной!

«Дора, дочь моя, ты была прекрасна, какъ мѣсяцъ на высотахъ Фуры; бѣла какъ первый снѣгъ, нѣжна какъ вѣтерокъ вѣсенній! Ариндаль, туга была твоя тѣтива; твой щитъ, какъ облако огненное; взглядъ, какъ отблескъ волны!

«Армаръ, воитель славный, искалъ руки Доры, прекрасны были надежды нашихъ друзей.

«Эратъ, сынъ Отгала, питалъ злобу къ нему; онъ принялъ образъ старца, коварный! въ челнокѣ озеро переплылъ и обуялъ ее словомъ лукавымъ: ѣдемъ! сказалъ онъ, прекрасная Армина дочь; островокъ близокъ; тамъ ждетъ тебя Армаръ на свиданье.

«Измѣнникъ оставляетъ ее на пустынной скалѣ, а самъ къ берегу плыветъ.—Ариндаль! Армаръ!—зоветъ она, и вопль ея былъ услышанъ.

«Ариндаль, въ тяжелыхъ охотничьихъ доспѣхахъ, за Эратомъ въ погонѣ; его колчанъ стрѣлами звучитъ; вкругъ него пять чернопѣгихъ псовъ; онъ къ столѣтнему дубу

лукавца приковалъ; вопли связаннаго огласили пространство.

«Сынъ мой въ ладьѣ за Дорой плыветъ; къ берегу подоспѣлъ гнѣвный Армаръ; Ариндаля онъ принялъ за измѣнника; лукъ зазвенѣлъ, и стрѣла въ сердцѣ сына впилась! Ладья съ его окровавленнымъ трупомъ розбивается, о Дора, у твоихъ ногъ!

«Армаръ видитъ ошибку, бросается въ плавь, — умерѣть или Дору спасти. Порывъ вѣтра, — онъ тонетъ въ волнахъ!

«Она видѣла гибель брата; видитъ гибель друга; она одна на пустынной скалѣ; ея вопли оглашаютъ пространство; долго и тяжко рыдаетъ она; помощи нѣтъ! Я на берегу стоялъ; я слышалъ ея вопли, рыданья; я видѣлъ ее при блѣдномъ мерцаньи луны; видѣлъ, какъ ее дождь рубилъ! силы Доры истощились; голосъ ея ослабѣлъ и стихъ, какъ смолкаетъ вѣтръ въ травѣ пустынной, и на вечерней зарѣ, она отдаетъ послѣдній вздохъ. Арминъ осиротѣлъ; сгибла моя сила въ бояхъ; сгибла моя Дора, краса и гордость дѣвъ; тяжки мои страданья, глубоки раны сердца!

«Когда на горныхъ высяхъ бушуетъ ураганъ, когда сѣверикъ высоко подъемлетъ волны, я съ пустыннаго берега гляжу на скалу, гдѣ погибла вся моя радость, и въ полночь, когда въ ризахъ тумана встаютъ души усопшихъ, я часто вижу три тѣни печальныя; въ величіи бѣдствія, долу поникнувъ главами, рука объ руку шествуютъ мои дѣти...»

Слезы Лотты и ея тяжелый вздохъ остановили чтеніе Вертера. Онъ отбросилъ рукопись, схватилъ ея правую руку и

горько зарыдалъ; Лотта оперлась на лѣвую и скрыла глаза въ платокъ. И онъ и она были страшно взволнованы; ихъ собственная судьба сказывалась имъ въ судьбѣ давноминувшихъ; ихъ чувства переполнились, глаза и губы Вертера горѣли на рукѣ Лотты; по ней пробѣжала дрожь; она хотѣла встать; но скорбь, участіе, состраданіе — ложились ей свинцомъ на душу. Чтобъ отдохнуть, облегчить стѣсненную грудь, она просила, убѣждала его продолжать; онъ медлилъ. — Прошу, — говорила она задыхаясь и глотая слезы — читайте, ради Бога, читайте! — Вертеръ дрожитъ, его сердце рвется на части; онъ едва могъ собраться съ духомъ, поднялъ рукопись, и прерывистымъ голосомъ прочелъ:

«Зачѣмъ, о весенняя радость, живишь ты меня? ласкаясь ты шепчешь: небесной росою кроплю! — ахъ, часъ моей гибели близокъ; близка непогода, что разнесетъ листву мою! и слѣдъ мой простынетъ, и странникъ, — онъ зналъ меня въ цвѣтѣ, вѣсной моей жизни, — онъ взоромъ окинетъ широкое поле.... меня не найдетъ!»

Послѣднія слова, всей своей силой, пали на несчастнаго; въ порывѣ совершеннаго отчаянія, онъ падаетъ передъ Лоттой; схватываетъ ея руки, прижимаетъ ихъ ко лбу, къ глазамъ. Предчувствіе его участи западаетъ ей въ душу; возмущенныя мысли и чувства помрачаются; она жметъ его руку, прижимаетъ ее къ груди, и переполненная состраданьемъ, наклоняется къ нему, — огонь къ огню, — ихъ щеки встрѣчаются. Міръ забытъ. Уже онъ обнялъ ее, уже прижалъ ее къ груди; уже рой неистовыхъ поцѣлуевъ сыплется на ея трепетныя, что-то лепечущія уста... Вертеръ! вскрикиваетъ она заглушеннымъ

голосомъ — Вертеръ! повторяетъ она, защищаясь, — Вертеръ! восклицаетъ она въ порывѣ благороднѣйшаго чувства, и отклоняетъ дрожащей рукой его грудь. Онъ не противится, выпускаетъ ее изъ рукъ, безсознательно падаетъ къ ея ногамъ и обнимаетъ ихъ. Она отступаетъ. Любовь, достоинство, смущеніе высказываются въ словахъ: Вертеръ, это въ послѣдній разъ! вы больше не увидите меня! — Еще одинъ взглядъ, полный любви и состраданья, и она уходитъ въ смежную комнату и запираетъ дверь на замокъ. Вертеръ простираетъ къ ней умоляющія руки, — напрасно! онъ падаетъ передъ диваномъ, и прислоненный къ нему головой, остается на полу, покуда шорохъ въ сосѣдней комнатѣ не вывелъ его изъ забытья; то была горничная — накрывать столъ. Онъ всталъ, прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, и когда горничная вышла, онъ подошелъ къ двери кабинета и тихимъ голосомъ сказалъ: Лотта, Лотта, на одно слово, на одно прости! — отвѣта не было. Онъ проситъ, настаиваетъ, умоляетъ; отвѣта нѣтъ. — Прости же, говоритъ онъ, Лотта, на вѣки прости! — и съ этимъ словомъ выходитъ.

Когда онъ подошелъ къ городскимъ воротамъ, знавшіе его сторожа пропустили его. Въ снѣгу, въ слякоти, подъ дождемъ, пробродилъ онъ до одиннадцати, и когда возвратился домой, слуга увидѣлъ что онъ былъ безъ шляпы. На другой день нашли ее на отвѣсѣ ближайшаго къ долинѣ утеса, и трудно объяснить, какъ могъ онъ въ темную ночь, въ непогоду, взобраться на гору. Когда онъ раздѣлся, на немъ не было сухой нитки; онъ промокъ до костей; но его желѣзное здоровье переносило все.

Онъ легъ въ постель и спалъ долго. Слуга засталъ его за письменнымъ столомъ, когда принесъ ему утромъ кофе.

Слѣдующая приписка въ письмѣ къ Лоттѣ сдѣлана была, вѣроятно, въ это утро.

«Въ послѣдній, въ послѣдній разъ я раскрылъ глаза! Солнце, я больше не увижу тебя! мраченъ, ненастенъ день, и пусть же онъ будетъ моимъ послѣднимъ днемъ! — Печалься, природа! твой сынъ, твой другъ, твой возлюбленный, — на краю гроба!

«Лотта! чувства этого не сравнишь ни съ чѣмъ; какъ выразишь то̀, чему какъ бы въ грёзѣ тяжелой, любо сказать себѣ: это послѣдній твой день! — послѣдній! — пойми, Лотта, сама смыслъ этихъ словъ! — Сегодня на ногахъ, въ полнотѣ жизни; завтра на полу, въ непробудномъ снѣ. Еще принадлежу себѣ, — тебѣ, тебѣ, возлюбленная, — мгновенье, и мы разлучены, быть можетъ, на вѣки! Нѣтъ, Лотта, нѣтъ, — могу ли исчезнуть? можешь ли ты исчезнуть? мы существуемъ! исчезнуть? слово, опять слово, звукъ пустой; сердце не внемлетъ ему. Сыро, холодно, тѣсно, темно!

«Когда я былъ юношей, у меня была подруга; она была мнѣ всѣмъ, замѣняла мнѣ все. Она умерла; я проводилъ ее. Когда гробъ въ могилу опустили, когда сперва одну тесьму, потомъ другую потянули въ верхъ, когда на первую горсть земли крыша отозвалась и звонко и глухо и жалобно; потомъ все глуше и глуше отзываться стала, и наконецъ была вся засыпана землей, — истерзанъ, въ отчаяніи, я былъ внѣ себя; я въ могилу упалъ, но и тамъ — странно — мысль о смерти была далека отъ меня.. Смерть? могила? я въ толкъ не возьму этихъ словъ!

«Прощенья, теперь, твоего прощенья прошу! Вчера, о, прости! быть бы этимъ минутамъ — послѣдними для

меня! о, мой ангелъ, въ первый и въ послѣдній разъ вкусилъ я блаженство твоихъ объятій, и такъ искренно, безгранично, такъ полно было оно! полно, искренно какъ сознанье — она любитъ меня! Уста мои горятъ еще святымъ тепломъ твоего дыханья; сердце мое еще переполнено благодатью твоего сердца; прости, мнѣ, прости!

«Ахъ, вѣдь зналъ же, угадалъ же я, что ты полюбишь меня, по первому взгляду, по первому пожатію руки... и когда я уходилъ, когда оставалась ты съ Альбертомъ, меня схватывала лихорадка...

Вспомни только цвѣты, что̀ прислала мнѣ послѣ того какъ не могла, въ скучномъ томъ обществѣ, ни взглянуть на меня, ни пожать мнѣ руки; они запечатлѣли мнѣ твою любовь и я до полуночи стоялъ на колѣняхъ передъ ними. Впечатлѣнья прекрасныя, видѣнья мимолетныя, онѣ оставляютъ насъ, какъ вѣрующаго оставляетъ благодать, составлявшая когда то все его блаженство....

«Но и самая вѣчность не потушитъ того огня, той жизни, которою вдохнулъ я изъ твоихъ устъ!—Она любитъ меня; эти руки обнимали ее; эти уста трепетали на ея лепетавшихъ устахъ! она моя; да, Лотта, ты на вѣки моя!

«Это не сонъ, не гаданіе; на краю гроба — вижу свѣтъ. Мы будемъ! мы свидимся! и первая тамъ встрѣча — будетъ съ твоею матерью. Ей раскрою мое сердце; ей разскажу мои обиды. Твоя мать — твое подобіе!»

Около одиннадцати Вертеръ спросилъ слугу: не знаетъ ли онъ, возвратился Альбертъ или еще нѣтъ? Слуга отвѣчалъ, что сейчасъ видѣлъ какъ провели его коня. Вертеръ даетъ ему незапечатанную записку:

«Не одолжите ли мнѣ на дорогу ваши пистолеты? будьте счастливы!» (31)

Наша добрая Лотта спала худо послѣднюю ночь. Чего она опасалась, то было рѣшено, и рѣшено такъ, что она себѣ такой скорой развязки и вообразить не могла. Ея всегда спокойная, чистая кровь лихорадочно возмутилась; противорѣчивыя ощущенья обуяли ея прекраснымъ сердцемъ. Огонь-ли то былъ объятій Вертера? досада-ли на его дерзость? прискорбное-ли сравненіе ея настоящаго съ ея прошедшимъ, съ свѣтлыми днями ничѣмъ неомраченной невинности, уваженія и полнаго довѣрія къ себѣ? какъ встрѣтитъ она мужа? какъ сознается ему во вчерашней сценѣ съ Вертеромъ? какъ сознается въ томъ, въ чемъ и могла бы сознаться, и на что рѣшиться опасалась? Альбертъ и она такъ долго хранили молчаніе объ отношеніяхъ къ нимъ Вертера. Ей ли первой было нарушить молчаніе, и та ли была пора для этого? Уже одно извѣстіе о посѣщеніи Вертера должно было, послѣ выше объясненнаго, огорчить мужа. Могла-ли она надѣяться, что онъ взглянетъ на это происшествіе съ настоящей точки, безъ предубѣжденій?

Съ другой стороны, сможетъ-ли, съумѣетъ-ли она притвориться передъ мужемъ, которому являлась всегда какъ чистѣйшій кристалъ, ничего передъ нимъ не скрывая и не умѣя даже скрывать? Сомнѣнія вставали за сомнѣньями, между тѣмъ какъ ея мысли безпрерывно возвращались и къ погибшему для нея Вертеру, котораго она не въ силахъ была, но увы! должна была предоставить самому себѣ и которому съ утратою ее не оставалось ничего.

И теперь только сознала она всю пропасть недоразумѣній, отдалившихъ отъ нее мужа, отдалившихъ ее отъ мужа, недоразумѣній, порожденныхъ послѣднимъ пробѣломъ ихъ откровенности. Могла-ли она думать, въ первыя минуты молчанія, что оно ляжетъ такимъ гнетомъ на ихъ судьбу? Обстоятельства усложнились до того, что теперь, когда насталъ рѣшительный часъ, не предвидѣлось даже возможности благопріятной развязки.

О, еслибы, думала она, счастливая минута сблизила опять наши сердца! еслибъ заговорила, раскрыла ихъ наша довѣрчивость, наше взаимное снисхожденье, — общаго друга, быть можетъ, еще можно было бы спасти!

Ко всему этому, присоединилось еще одно обстоятельство: Вертеръ, какъ изъ его писемъ видно, не очень-то дорожилъ жизнію; Альбертъ, напротивъ, всегда оспаривалъ мысль о самоубійствѣ; на эту тему, случалось, онъ часто бесѣдовалъ съ Лоттой. Будучи врагомъ всякаго подобнаго покушенія, онъ иногда оспаривалъ Вертера съ раздражительностью, вообще не свойственною его спокойному характеру, иногда даже намѣкалъ ей, что не предполагаетъ серьезныхъ на счетъ этого убѣжденій въ Вертерѣ; даже позволилъ себѣ разъ подшутить надъ нимъ и далъ какъ бы знать, что Вертеръ прикидывается только такимъ. Съ одной стороны, это ее успокоивало, съ другой, это же усугубляло ея нерѣшимость — сообщить мужу свои опасенія; она мучилась; не видѣла исхода бѣдѣ.

Альбертъ возвратился. Лотта встрѣтила его съ торопливымъ смущеніемъ. Онъ былъ не въ духѣ; его дѣло не уладилось; чиновникъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ, оказался мелочнымъ, несговорчивымъ формалистомъ. Дурная дорога довершила неудачу поѣздки.

Альбертъ спросилъ: не случилось-ли чего? она поспѣшила отвѣтить, что вечеромъ былъ Вертеръ. Онъ спросилъ: нѣтъ ли писемъ? она отвѣтила, что на его имя получено нѣсколько конвертовъ.

Онъ уходитъ въ кабинетъ и она остается одна. Присутствіе мужа, ею любимаго, уважаемаго подѣйствовало на нее благопріятно; она припомнила его любовь, его доброту, великодушный характеръ, и добрый геній шепнулъ ей — слѣдовать за нимъ. Она собрала свою работу и, какъ это и прежде бывало, вошла въ его комнату; онъ вскрывалъ конверты и читалъ бумаги; нѣкоторыя были, казалось, непріятнаго содержанія. Она сдѣлала нѣсколько вопросовъ; его отвѣты были кратки; онъ подошелъ къ конторкѣ и началъ писать.

Такъ прошелъ мучительный часъ и туча скорби снова заволокла ея кроткую душу; мрачное расположеніе мужа отнимало всякую надежду на взаимную откровенность. Признаніе просилось наружу; сомнѣнія становились поперегъ. Ею овладѣло отчаяніе,.. а тутъ еще надо было скрывать, глотать слезы....

Вошелъ слуга Вертера; она содрогнулась. Альбертъ читаетъ записку, оборачивается къ ней и говоритъ спокойно: «дай ему пистолеты.» — Скажи, что желаемъ счастливаго пути, — отвѣчаетъ онъ посланному и продолжаетъ писать. Она какъ громомъ поражена; еле встаетъ, пошатнулась, медлитъ; тихимъ, неровнымъ шагомъ подходитъ къ стѣнѣ; ея руки дрожатъ; она снимаетъ пистолеты, стираетъ съ нихъ пыль, и сново медлитъ, и долго бы медлила — Альбертъ оборачивается и останавливаетъ на ней вопросительный взглядъ. Молча вручаетъ она, дрожащей рукой, зловѣщее оружіе посланному; слово замерло;

вздохъ подавленъ. Слуга выходитъ. Она складываетъ свою работу и сама не зная что дѣлаетъ, уходитъ въ свою комнату; ея положеніе невыразимо; сердце полно недобрыхъ предсказаній; ее беретъ ужасъ; она готова упасть къ ногамъ мужа; готова сознаться въ случившемся, признаться въ своей винѣ, въ своихъ опасеніяхъ; но встаютъ новыя сомнѣнія, а за ними безнадежность — подвигнуть мужа къ спасенію Вертера: и рѣшится ли онъ идти къ нему, и какой будетъ всему исходъ?

Между тѣмъ столъ былъ накрытъ. Приходитъ одна изъ подругъ и требованіе приличій доставляетъ нѣкоторое развлеченіе несчастной; она принуждаетъ себя; разговариваютъ, разсказываютъ, а у ней нà-сердцѣ камень.

Когда возвратился слуга, Вертеръ съ жаромъ выхватилъ у него пистолеты, услышавъ что они были вручены самой Лоттой. Онъ приказалъ принести себѣ вина и хлѣба, отпустилъ его ужинать и между тѣмъ сдѣлалъ въ письмѣ къ ней слѣдующую приписку:

«Они прошли черезъ твои руки; ты стерла съ нихъ пыль; цѣлую ихъ тысячу разъ! и такъ, небесный геній, ты сама благословила мою рѣшимость, сама вручаешь мнѣ орудіе смерти!—чего я такъ желалъ, то исполнилось. О, я обо всемъ разспросилъ посланнаго! твои руки дрожали; ты не произнесла ни слова, — о горе, не сказала мнѣ — прости! Не закрылось ли для меня твое сердце, за мгновенье соединившее насъ на вѣки? нѣтъ, Лотта, тысячелѣтія не изгладятъ тѣхъ впечатлѣній, и ты не можешь ненавидѣть того, кто такъ пламенѣетъ тобой!»

Послѣ ужина онъ приказалъ все уложить, разорвалъ

нѣсколько бумагъ, вышелъ со двора и расплатился съ послѣдними долгами; потомъ, несмотря на дождь, вышелъ за городскіе ворота и обошелъ садъ охотничьяго дома и окрестности; возвратился съ наступленіемъ ночи и написалъ слѣдующія двѣ записки.

«Въ послѣдній разъ, Вильгельмъ, взглянулъ я на лѣсъ, поле и небеса. Прости и ты! любезная матушка, простите! утѣшь ее, Вильгельмъ, и Богъ васъ благословитъ! Мои дѣла въ порядкѣ; прости! мы увидимся, и надѣюсь, радостнѣе.»

«Я худо заплатилъ тебѣ, Альбертъ; но ты меня простишь. Я нарушилъ спокойствіе твоего очага; я поселилъ недоразумѣніе между вами; прости! я это покончу; о, если бы смерть моя была залогомъ вашего счастія! осчастливь, Альбертъ, отчастливь своего ангела! и Богъ благословитъ тебя.»

Онъ долго еще возился съ бумагами; нѣкоторыя разорвалъ и сжегъ; остальныя оставилъ, въ нѣсколькихъ конвертахъ, на имя Вильгельма; то были небольшія статьи, литтературныя замѣтки; мы ихъ видѣли впослѣдствіи. Въ десять часовъ онъ приказалъ подложить огня, спросилъ бутылку вина и отпустилъ слугу, который помѣщался на другой половинѣ дома. Слуга не раздѣвался, такъ какъ Вертеръ предупредилъ его о своемъ отъѣздѣ съ разсвѣтомъ.

Послѣ одиннадцати.

«Все тихо. Моя душа спокойна. Благодарю, Боже, что не оставляешь меня въ послѣднія минуты теплотой и силой.

«Подхожу къ окну, моя добрая, и вижу, и вижу еще сквозь бурныя, быстронесущіяся облака, нѣсколько звѣздъ вѣчнаго неба! нѣтъ; вы не падете! Вѣчный хранитъ васъ въ своемъ сердцѣ; вижу и мою любимицу, прекрасное созвѣздіе колесницы; да, оно часто сіяло мнѣ въ ночи, съ высотъ небесныхъ, когда я изъ твоихъ воротъ выходилъ; я часто простиралъ къ нему руки, призывалъ его въ знаменіе, въ свидѣтели моего блаженства! и вотъ — о, Лотта! куда ни оглянусь, всюду память о тебѣ; ты словно объемлешь меня; какъ жадный ребенокъ окружилъ я себя бездѣлушками, къ которымъ прикасалась ты, которыми я обокралъ тебя!

«Твой силуэтъ—его завѣщаю тебѣ; чти его! возвращаясь, уходя, я съ нимъ дѣлилъ мои чувства; на немъ тысяча печатей моей любви!

«Особой запиской прошу твоего отца принять подъ защиту мое тѣло; проси и ты его. На погостѣ, между двумя липами, что́ къ полю, въ углу, желаю сложить мои кости. Онъ можетъ, и сдѣлаетъ это для своего друга; чувства благочестивыхъ христіанъ не будутъ возмущены сосѣдствомъ съ моимъ несчастнымъ прахомъ; не то, лежать бы мнѣ въ долинѣ пустынной или у дороги столбовой, чтобы Самаритянинъ пролилъ слезу....

«Рукою твердой беру чашу, Лотта, которую ты подносишь мнѣ; да исполнятся же всѣ мои желанья, всѣ мои надежды, всѣ! всѣ! Въ желѣзную дверь смерти стучу... и холодъ и мракъ!

«О, радость бы отваги была со мной, знай я, что на моей могилѣ процвѣтетъ твое благоденствіе; да, еслибъ я взысканъ былъ счастіемъ умереть за тебя! Увы, не всѣмъ

участь высокая, — пролить кровь за брата, взойти зарей лучшей жизни! О, когда же настанетъ ихъ день?!

«Отецъ твой схоронитъ меня въ одеждѣ, что́ на мнѣ; къ ней прикасались твои руки; моя душа будетъ сторожить надъ гробомъ; не обыскивать же моихъ кармановъ! Пунцовую ленту, твой подарокъ, сложите мнѣ на грудь; она была на тебѣ, когда я впервые увидѣлъ тебя въ кругу нашихъ малютокъ.... о, тысячу поцѣлуевъ имъ! милые, какъ они рѣзвятся! Вмѣсто моей сказки, разскажи имъ исторію ихъ несчастнаго друга... ахъ, какъ я прильнулъ къ тебѣ съ того мгновенья, какъ увидѣлъ между ними тебя! — Могъ ли я тогда думать, куда приведетъ меня та дорога? — Теперь, успокойся! о, прошу, успокойся!

«Заряжены — бьетъ двѣнадцать — въ добрый часъ! — прости, Лотта! Лотта, прости!»

Въ сосѣдствѣ услышали выстрѣлъ, видѣли огонекъ; но какъ все опять стихло, общее спокойствіе не было нарушено.

Утромъ въ шесть часовъ слуга вошелъ въ комнату Вертера. Онъ видитъ его на полу; видитъ пистолеты и кровь; наклоняется къ нему, ощупываетъ его; отвѣта нѣтъ; слышно было только хрипѣніе въ груди; онъ бѣжитъ за докторомъ, бѣжитъ къ Альберту. Лотта услышала звонокъ и содрогнулась; она встаетъ, будитъ мужа. Задыхаясь, рыдая, слуга разсказываетъ случившееся; Лотта падаетъ безъ чувствъ къ ногамъ Альберта.

Медикъ находитъ Вертера безнадежнымъ; пульсъ еще бился, но всѣ члены онемѣли; пуля прошла отъ праваго глаза къ затылку и раздробила черепъ. Отворили жилу на рукѣ; кровь пошла; несчастный еще дышалъ.

По крови на креслахъ и на полу, можно было заключить, что онъ застрѣлился сидя передъ письменнымъ столомъ, свалился и метался въ конвульсіяхъ; простертый на спинѣ, онъ лежалъ лицемъ къ окну, въ своей обыкновенной одеждѣ.

Домъ, сосѣди, весь городъ пришли въ движеніе. Альбертъ не замедлилъ; страдальца положили на постель; голову перевязали; лице было мертвенно; члены неподвижны, и только отъ времени до времени слышно было хрипѣніе въ легкихъ; ждали его кончины.

По бутылкѣ было видно, что вина онъ выпилъ одну рюмку; на конторкѣ лежала раскрытая книга — Эмилія Галотти.

О душевномъ состояніи Альберта, объ отчаянномъ положеніи Лотты, позвольте умолчать.

По первому извѣстію прискакалъ старикъ; онъ поцѣловалъ умиравшаго и горько зарыдалъ; двое старшихъ его сыновей пришли вслѣдъ за нимъ; они упали передъ постелью Вертера и рыдая цѣловали его руки и лицо; старшій, его любимецъ, повисъ на его шеѣ и принялъ отъ него послѣдній вздохъ; его насилу могли оттащить. Въ полдень несчастный скончался. Присутствіе Совѣтника и его распоряженія подняли весь городъ. Въ ночи, около одиннадцати, Вертера похоронили по завѣщанію, на имъ указанномъ мѣстѣ. Совѣтникъ и двое его сыновей шли за гробомъ; его несли ремесленники; Альбертъ не могъ его проводить; опасались за жизнь Лотты.

КОНЕЦЪ.

ОБЩІЯ ПРИМѢЧАНІЯ ПЕРЕВОДЧИКА.

Авторъ замаскировалъ псевдонимами лица своего романа и замѣнилъ анаграммами названія ихъ жительствъ; но необычайный успѣхъ «Вертера» возбудилъ общее любопытство и сущность была немедленно обнаружена. Со временемъ, однако, спекуляціи внесли въ литературу «Вертера» много загадочнаго. Изданная, наконецъ, наслѣдниками г.г. Кестнеровъ переписка Гете съ героиней романа и съ ея мужемъ разрѣшила всѣ сомнѣнія. Это дало переводчику возможность замѣнить примѣчанія автора къ тексту примѣчаніями, ставящими вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и называющими лица и мѣста прямо по ихъ имени.

Богатая литература «Вертера» значительно облегчила справочный трудъ переводчика. Книжка Г. Аппеля «Werther u. s. Zeit» занимаетъ въ ней, какъ позднѣйшій сборникъ (1865), первое мѣсто. Но она лишена всякой послѣдовательности въ изложеніи и не можетъ похвалиться ни мѣткостью взглядовъ, ни группировкою фактовъ. Эти недостатки пополнены переводчикомъ частію въ предпосланномъ переводу «Вертера» литературно-историческомъ обозрѣніи, частію въ слѣдующихъ примѣчаніяхъ къ обѣимъ книгамъ «Вертера».

Характеристика юнаго Гете не была никѣмъ еще очерчена исключительно. Превосходная и лучшая его біографія Люиса не могла совмѣстить такого очерка по самой обширности своей программы. Нореводчикъ ограничался изложеніемъ событій не переходящихъ за 25-ти лѣтній возрастъ Гете, но и за всѣмъ тѣмъ не имѣетъ претензіи на полное исполненіе столь любопытной и поучительной темы. Совмѣстивъ ее въ этомъ опытѣ, онъ находитъ кстати дать въ сокращенномъ переводѣ и тотъ характеризующій отрока-Гете эпизодъ, который составляетъ содержаніе всей пятой книги его автобіографическихъ записокъ «Aus meinem Leben». Читатели найдутъ его, въ сокращеніи, вслѣдъ за нижеслѣдующими примѣчаніями къ обѣимъ книгамъ «Вертера».

Примѣчанія переводчика къ первой книгѣ.

(¹) Гете имѣлъ намѣреніе изобразить Элеонорой несчастную въ любви женщину, подобіе Вертера; эта мысль автора осталась въ одномъ очеркѣ.

(²) Этотъ садъ въ окрестностяхъ Вецлара существуетъ и понынѣ.

(³) Въ изданной наслѣдниками г.г. Кестнеровъ перепискѣ, отецъ ихъ говоритъ, какъ онъ встрѣтилъ въ первый разъ Гете, лежавшаго подъ деревомъ въ травѣ и какъ онъ «булучи впослѣдствіи въ тѣсной дружбѣ съ нимъ и съ его невѣстой, съ самоотверженіемъ и безъ зависти обыкновенныхъ смертныхъ, оставался ихъ ежедневнымъ собесѣдникомъ.» (Goethe u. Werther. Kestner. 1855).

(⁴) Прозванный колодеземъ «Вертера», онъ существуетъ и теперь въ томъ видѣ какъ описанъ поэтомъ и городскія дѣвушки по прежнему запасаются здѣсь водой. (Werther. u. s. Zeit, v. Appell. 1865, S. 67).

(⁵) Свидѣтельствами подобныхъ симпатій автора изобилуютъ и показанія его современниковъ и его автобіографическія записки: «У моего комнатнаго сосѣда, больнаго глазами теолога, былъ родственникъ въ Дрезденѣ, сапожникъ, съ которымъ онъ по временамъ переписывался; письма послѣдняго давно уже возбуждали мое любопытство и каждое было для насъ праздникомъ; оригинальность съ какою онъ обыкновенно отвѣчалъ на жалобы своего двоюроднаго брата, опасавшагося слѣпоты, была до чрезвычайности забавна. Онъ не былъ щедръ на утѣшенія, которыя удаются рѣдко; но занималъ читающаго его письма игривымъ и веселымъ ихъ характеромъ, замѣчаніями, шутками надъ огорченіями и неудобствами его собственной жизни — узкой, бѣдной и трудной, и это онъ обыкновенно сопровождалъ увѣреніями, что самая жизнь есть уже такое благо, которому можно противопоставить многія бѣдствія.... Со свойственнымъ мнѣ тогда энтузіазмомъ, я пересылалъ ему поклоны, похвалы его счастливому юмору и способностямъ. Зная это, читатель легко пойметъ и мое желаніе его отыскать, съ нимъ побесѣдовать, даже пожить у него. Мой добрый теологъ снабдилъ меня, послѣ нѣкотораго раздумья, тя-

жело доставшимся ему письмомъ и я отправился въ желтой каретѣ, съ матрикулами въ карманѣ, въ Дрезденъ.

«Я отыскалъ моего сапожника на форштатѣ. Сидя на своей липкѣ, онъ принялъ меня радушно и прочитавъ письмо сказалъ съ улыбкой: Вижу изъ этого, молодой господинъ, что хотя вы и христіанинъ; но большой чудакъ!—Какъ это, мастеръ? спросилъ я. — Чудакъ — не значитъ дурной человѣкъ, — продолжалъ онъ — такъ называютъ вообще человѣка непослѣдовательнаго въ своихъ поступкахъ, и я назвалъ васъ чудакомъ потому, что вы кажется пришли съ доброю вѣстью къ бѣднымъ и темнымъ людямъ; это прекрасно; но вамъ бы подумать, что пріятнѣе сидѣть за столомъ людей зажиточныхъ, гдѣ весело и гдѣ радуетъ благоуханіе явствъ; а у меня вы находите противное.—Это начало знакомства расположило насъ къ веселости и мы пустились острить въ запуски. Его жена между тѣмъ стояла молча, какъ бы раздумывая: чѣмъ же мы угостимъ дорогаго гостя?»

Далѣе Гете разсказываетъ, что онъ предложилъ имъ взять его въ нахлѣбники и что онъ во все время пребыванія въ Дрезденѣ прожилъ у нихъ весело и они расстались друзьями. («Aus meinem Leben», 8 Buch. S. 165-168).

«Въ характерѣ Гете была только ему свойственная черта — говоритъ Э. Ферстеръ: въ обращеніи съ людьми высшаго званія онъ соблюдалъ достоинство и осторожность; съ простолюдинами и молодыми людьми, напротивъ, ставилъ себя въ уровень и даже любилъ выслушивать ихъ совѣты и наставленія.» (Gartenlaube, 1864, № 27, S. 442).

Нѣкто Скель, садовникъ въ Дорнбургѣ, гдѣ Гете провелъ лѣто съ 7 іюля по 12 сентября 1828 года, говоритъ много о привычкахъ его частной жизни и въ особенности о его симпатіяхъ къ молодымъ людямъ и дѣтямъ. (Goethe in Dornburg. Leipzig. 1864).

(⁶) Изо всѣхъ женщинъ, которыхъ зналъ Гете до знакомства съ Шарлоттой, его сестра Софія-Карнелія подходитъ всѣхъ ближе къ этому изображенію. Черты, выраженія ея достоинствъ соединилъ онъ съ характеристикой рано умершей ихъ подруги Клеттенбергъ и такимъ образомъ составилъ очеркъ, продолженіе котораго читатели найдутъ въ концѣ второй книги «Вертера» (стр. 135).

Необычайная способность автора объединять разрозненныя черты

*

дѣйствительнаго міра, сосредоточивать отдѣльныя, но однородныя явленія и возводить ихъ въ идеалы—выражается во всѣхъ его произведеніяхъ; такимъ образомъ прославилъ онъ въ Елизаветѣ (Гецъ ф. Берль.) и свою мать. О своей сестрѣ выражается онъ такъ: «Она была существо необычайное, о которомъ говорить трудно; что можно сообщить—сообщу. Она была сложена хорошо; черты ея лица хотя и выражали доброту, умъ, сочувствіе, но имъ не доставало извѣстной правильности и миловидности; а ея высокій и сильно закругленный лобъ много терялъ отъ неблагопріятной моды зачесывать и стягивать назадъ волосы. Какъ бы въ замѣнъ этихъ недостатковъ, она была щедро одарена нравственными и умственными качествами. Твердый характеръ, сочувственная и сочувствія требующая душа, превосходно развитый умъ, разнообразныя свѣдѣнія, таланты, знаніе нѣсколькихъ языковъ и ловкое перо были ея удѣломъ, и при благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ изъ нея могла бы выработаться одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ вѣка. Съ этимъ совпадало въ ней нѣчто особенное: ея натура была чужда всякой грубой чувственности. Мы росли вмѣстѣ и ея всегдашнимъ желаніемъ было продолжить и провести всю жизнь въ этомъ братскомъ согласіи. Послѣ моего возвращенія изъ Академіи (изъ Страсбурга), мы оставались неразлучными и постоянно дѣлились мыслями, ощущеніями, причудами и впечатлѣніями. Когда я отправился въ Вецларъ, уединеніе стало ей невыносимо. Другъ мой Георгъ Шлоссеръ заступилъ мое мѣсто... Здѣсь я долженъ признаться, что когда мнѣ приходилось думать о ея судьбѣ, мысль видѣть ее домохозяйкой была мнѣ непріятна и я охотнѣе воображалъ ее настоятельницей монастыря или начальницей благотворительной общины. Для этого она была одарена всѣмъ, тогда какъ въ томъ, чего требуетъ свѣтъ, ей было отказано».

Авторъ заключаетъ это описаніе сестры словами: «прозорливый читатель, умѣющій прочесть между строками то̂, чего здѣсь ненаписано и что высказано только намекомъ, получитъ понятіе о возвышенномъ чувствѣ, которое овладѣло мною, когда я пріѣхалъ навѣстить ее въ Эмендингенъ (мѣсто жительства ея мужа Г. Шлоссера)». (Ibid. Nachgelassene Werke. B. 48; S. 100—102).

(7) Село Гарбенгеймъ, въ получасовомъ разстояніи отъ Гослара.

(8) Позднѣйшій содержатель этой гостинницы составилъ себѣ порядочную оброчную статью изъ сборовъ съ легковѣрныхъ посѣтителей мнимой могилы «Вертера». Овація на ней Англичанъ (въ 1839 г.) едва не кончилась трагической катастрофой: одинъ изъ присутствовавшихъ тутъ рудокоповъ изъявилъ сомнѣніе въ подлинности могилы и объявилъ, что при первомъ свободномъ времени ее пошурфуетъ. Раздраженные его «варварствомъ» собесѣдники бросились на него съ кинжалами; онъ спасся бѣгствомъ. (Appell. S. 39, 40).

(9) Послѣдняя изъ этихъ липъ повалилась въ осеннюю бурю 1864 года; онѣ замѣнены тремя новыми. Упомянутый дворикъ, украшенный въ столѣтнюю годовщину рожденія автора памятникомъ, привлекаетъ любопытныхъ и по нынѣ. Памятникъ состоитъ изъ пирамиды бѣлаго мрамора съ надписью: «Мѣсто отдыха поэта Гете. Открытъ въ день столѣтней годовщины его рожденія, 28 августа 1849 года.» (Frankf. Conv. Blatt. Jahrg. 1849. S. 839.)

(10) Умерла въ 1836 году, 90 лѣтъ, переживъ тремя годами автора, будучи матерью 12 дѣтей и слывя подъ именемъ «женщины въ книгѣ» (Die Frau im Buch). Она пріобрѣла отъ хозяйки гостинницы столъ и стаканъ, служившіе Ерузалему и Гете, и воспитала своихъ дѣтей на сборы съ поклонниковъ послѣдняго. Стаканъ пошелъ въ приданое одной изъ ея дочерей — приданое хорошее, благодаря Англичанамъ, заклятымъ любителямъ подобныхъ рѣдкостей. (Appell. S. 69)

(11) Вторая дочь совѣтника Буфа, въ Вецларѣ, который былъ вдовъ и имѣлъ кромѣ нее еще девять дѣтей. Ея портретъ, какъ это видно изъ записокъ Гете, списанъ въ романѣ довольно вѣрно съ натуры. «Легкій, граціозный станъ, чистая, здоровая натура, прывычка къ дѣятельности и отсюда досужество въ исполненіи домашнихъ и семейныхъ обязанностей («Aus m. Leben»). Онъ же говоритъ, что Шарлотта была «стройна, бѣлокура, наивна, чрезвычайно любезна и имѣла голубые глаза». (Ibid; а также Appell. Kestner.)

Если въ этомъ портретѣ узнаемъ черты его Сезенгеймской Фредерики и находимъ противорѣчіе съ черными глазами Вертеровой Шарлотты, то это разрѣшаетъ самъ Кестнеръ въ перепискѣ съ Гете: «Взглядъ моей жены походитъ на весеннее утро». Со дня

разлуки, въ ноябрѣ 1772 года, Гете увидѣлся съ нею только въ 1816 году, когда она была проѣздомъ въ Веймарѣ, будучи уже матерью многочисленнаго семейства; она род. въ 1753, умер. въ 1828 г. (Ibid. Appell. Kestner.)

(12) И. К. Кестнеръ (Альбертъ романа), секретарь ганноверской миссіи въ Вецларѣ, род. 28 августа (день рожд. и Гете) 1741 и былъ восемью годами старше его. Въ изданной наслѣдниками Кестнера перепискѣ приводятся свидѣтельства заслуживающихъ довѣрія лицъ (стр. 4), что онъ былъ замѣчательнымъ юношей и превосходнымъ человѣкомъ: «правдивъ, дѣятеленъ, человѣколюбивъ, съ сердцемъ развитымъ умомъ, съ умомъ согрѣтымъ—сердцемъ». Въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ Кестнеру (отъ 6 апрѣля 1786 г.) Гете выражается такъ: «Вы были мнѣ идеаломъ счастливца, въ силу вашей кротости и любви къ порядку, и образцовая ваша жизнь, какъ семьянина, была мнѣ всегда явленіемъ отраднымъ и успокоительнымъ.» (Ibid. S. 269).

(13) Гете симпатизировалъ Клопштоку не столько по его талантамъ, сколько по характеру. Въ своей автобіографіи онъ говоритъ, между прочимъ, что Клопштокъ былъ учредителемъ общества катанья на конькахъ и тутъ же восклицаетъ: «Какъ не быть безсмертнымъ тому, кто наводитъ насъ на путь здоровья и радостей, какихъ не дадутъ ни мячь, ни быстрый конь!» (Goethe's Werke. B. 26; S. 123.)

Чувство благодарности было въ особенности развито въ молодомъ Гете. Поразительные тому примѣры видимъ въ отношеніяхъ его ко многимъ современникамъ, въ особенности къ Гердеру, который хотя и любилъ его, но испытывалъ его терпѣніе до крайности. Гете говоритъ: «не было ни одной записки, которою бы онъ не кололъ меня, не смѣялся бы въ стихахъ и въ прозѣ надъ моими пристрастіями; но я такъ часто пользовался его обширными свѣдѣніями, такъ много былъ ему обязанъ въ отношеніяхъ научныхъ, что подавлялъ въ себѣ всякое неудовольствіе, всякую вспышку самолюбія, даже при такихъ его запискахъ какъ слѣдующія:

Wenn des Brutus Briefe dir sind in Cicero's Briefen,
Dir, den die Tröster der Schulen von wohlgehobelten Brettern,

Prachtgerüstete trösten, doch mehr von aussen als innen,
Der von Göttern du stammst, von Gotten oder vom Kothe,
Goethe, sende mir sie... (Ib. B. 25; S. 304).
Или: . . . . . Aus Sympathie
Behagt mir besonders ein Meister,
Deminico Feti heist er.
Der parodirt die biblische Parabel
So hübsch zu einer Narrenfabel,
Aus Sympathie.—Du närrische Parabel! (Ib. B. 25. S. 306.)

(14) Deutch - Ordens - Amtmann Буфъ очерченъ въ романѣ вѣрно; изъ указанныхъ свидѣтельствъ видно, что авторъ не преувеличилъ его добрыя качества, какъ не преувеличилъ черты, характеризующія его жену, мать Шарлотты. («Вертеръ». ч. 1, стр. 62) Буфъ жилъ въ такъ называвшемся Нѣмецкомъ домѣ въ Вецларѣ, а не въ охотничьемъ, гдѣ собственно и былъ описанный въ романѣ балъ. (Appell. Kestner.)

(15) Какъ личность пастора Ст., такъ и вся обстановка его домашней жизни слишкомъ напоминаютъ отца Сезенгеймской Фредерики, чтобъ усомниться, что послѣдній послужилъ автору типомъ къ изображенію перваго. (Aus meinem Leben. 10 Buch. S. 341 — 344).

(16) Въ Лейпцигѣ Гете былъ неравнодушенъ къ Аннѣ N N. «Дурное расположеніе духа, — пишетъ онъ — въ слѣдствіе моихъ литературныхъ неудачъ и другихъ невзгодъ, вымѣщалъ я на ней, и кажется упорствовалъ въ этомъ потому именно, что она уже слишкомъ любила и баловала меня. Совершенно неосновательными, даже неприличными выходками ревности, портилъ я себѣ и ей лучшіе дни жизни. Нѣкоторое время она сносила ихъ съ терпѣніемъ безпримѣрнымъ, но я довелъ его до крайности, и вотъ, къ моему стыду и отчаянію, я замѣтилъ, что она охладѣла ко мнѣ и я долженъ былъ признать за нею законное право на то́, въ чемъ такъ неосновательно оскорблялъ ее. Между нами послѣдовали сцены, отъ которыхъ я ничего не выигралъ, и тутъ то увѣрился я, что люблю ее искренно и не въ силахъ разстаться съ ней.... я придумывалъ все возможное и прибѣгалъ даже къ посредничеству

другихъ, чтобъ возвратить ея любовь; но было поздно! я потерялъ ее окончательно, и безразсудство, съ которымъ я отомщалъ на себѣ свою ошибку, насилуя мою физическую натуру въ ущербъ нравственной, много повредило моему здоровью и развило во мнѣ тѣ недуги, которые испортили мнѣ нѣсколько лучшихъ лѣтъ жизни; да, быть можетъ, я совершенно бы погибъ, еслибъ мой піитическій талантъ и его чудотворная сила не подоспѣли мнѣ на помощь». (Ib. B. 25. S. 100).

(17) О подобной сценѣ не говорится ни въ одномъ изъ признаній Гете, но, его Сезенгеймская Фредерика судя по самоугрызеніямъ, о которыхъ онъ часто упоминаетъ, могла ему являться въ подобномъ положеніи въ тѣ минуты, когда онъ казнился. (Ib. B. 26. S. 120). Нѣсколько выше онъ говоритъ: «Гретхенъ у меня отняли; Анна меня оставила; а тутъ я впервые былъ виноватъ самъ: я поразилъ прекраснѣйшее сердце въ его глубинѣ и эпоха мрачнаго раскаянія, при отсутствіи освѣжающей любви, была мнѣ мучительна, невыносима.... сердце мое было холодно и праздно: я преднамѣренно избѣгалъ и всѣхъ ближайшихъ сношеній съ женщинами; такимъ образомъ, осталось отъ меня скрытымъ присутствіе добрагѳ генія, осѣнявшаго меня въ то время: въ глубокой тишинѣ, питала ко мнѣ небесную склонность одна изъ нѣжнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ; но я узналъ объ этомъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ея смерти и при такомъ совпаденіи обстоятельствъ, что былъ потрясенъ до глубины души.» (Ib. S. 118 — 120).

(18) Бононскій камень, находимый близъ г. Болоніи, въ г. Патерно; состоитъ изъ известняка новѣйшаго оброзованія; имѣетъ химическій составъ сѣрнокислаго барита.

(19) См. прим. 21.

(20) Одна изъ тѣхъ саркастическихъ антитезъ, выходокъ, по поводу которыхъ Кестнеръ писалъ къ Гете: «Благодарю васъ за увѣдомленіе, о намѣреніи переработать Вертера; но радуюсь этому лучшій, любезнѣйшій другъ, на столько, на сколько вамъ будетъ возможно смягчить въ немъ все черствое, бросающее въ глаза, — этого жду отъ вашей дружбы къ намъ и въ особенности теперь, когда вашъ юношескій пылъ, послѣ десятилѣтнихъ вспышекъ, вѣроятно улегся и уступилъ зрѣлымъ пониманіямъ мужа». (Изъ уцѣлѣвшаго отрывка письма 1783 г. Ib. S. 259).

«Я наслѣдовалъ отъ отца,—говоритъ Гете въ своихъ запискахъ «Aus meinem Leben»—словоохотливость къ поученію, отъ матери—даръ выражать сильно и сжато все, что схватываетъ и представляетъ намъ воображеніе; вмѣстѣ съ этимъ она передала мнѣ способность освѣжать полузабытыя преданія, сказки; разсказывать и изобрѣтать новыя и это не рѣдко во время самаго разсказа. Отцовское наслѣдіе мнѣ только вредило въ обществѣ. Кому охота выслушивать мнѣнія не опытнаго юноши? естественно, что его сужденіямъ не довѣряютъ. Напротивъ, мать одарила меня всѣмъ, чтобы быть пріятнымъ собесѣдникомъ и наслѣдованная отъ нее способность ставила меня въ самыя пріятныя отношенія къ молодымъ людямъ, въ особенности къ дѣтямъ, и я упражнялся въ сказкахъ тѣмъ охотнѣе, что пріятное дѣтямъ давалось мнѣ легко, не требовало отъ меня ни какихъ усилій». (Goethe's Werk B. 26, S. 365).

Примѣчанія переводчика ко второй книгѣ.

(21) Сублегатъ уголовнаго конгресса въ Вецларѣ—Гефлеръ, человѣкъ назойливый, хотя и не такая дубина, какою онъ выставленъ въ «посланникѣ.» При немъ-то былъ секретаремъ несчастный Ерузалемъ, котораго неудачи и непріятности по службѣ, конечно, не были главными причинами, могли однако содѣйствовать къ его самоубійству. (Appell. Kestner.) Что Гете, побуждаемый чувствомъ мести за него, отдѣлалъ Гефлера въ лицѣ «посланника» по своему, это кажется въ порядкѣ вещей.

(22) Въ лицѣ графа К. авторъ разумѣлъ графа Стадіона, Архіепископа Майнцскаго, который хотя и былъ не-при-чемъ въ Вецларскомъ конгрессѣ, но о которомъ онъ упоминаетъ нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ и всегда съ большимъ къ нему уваженіемъ. (См. прим. 25).

(23) Фрейлина Б., лицо вымышленное, коллективное, котораго черты много напоминаютъ друга Гете и его сестры г-жу Клеттенбергъ.

([24]) Читатель ошибется, если приметъ эту анаграмму за Дрезденъ. Такимъ гнѣздомъ могъ быть для Ерузалема все тотъ же Вецларъ.

([25]) Такого письма не получалъ, кажется, ни Гете, ни Ерузалемъ; авторъ разумѣетъ вѣроятно письмо, полученное когда-то графомъ Ларошемъ отъ графа Стадіона, на службѣ котораго первый состоялъ въ своей молодости. (См. пр. 27).

([26]) Подобная непріятность была испытана Ерузалемомъ. (Appell. Kestner.)

([27]) Портретъ князя напоминаетъ личность графа Лароша, въ имѣніи котораго Гете провелъ почти цѣлое лѣто и съ семэйтвомъ котораго онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и по дому отца.

([28]) См. прим. 10.

([29]) Замѣчанія Наполеона, при его свиданіи съ Гете въ Эрфуртѣ, относятся именно къ этому мѣсту романа. Онъ находилъ, что оно ослабляетъ въ читателѣ представленіе о силѣ любви Вертера.

([30]) Устарѣлый кельтическій языкъ и своеобразный ритмъ Оссіановыхъ пѣсень, съ которыми кажется и Гете не совладалъ, должны извинить переводчика въ неполнотѣ ихъ переложеній съ нѣмецкаго текста.

([31]) Прилагается fac-simile подлинной записки Ерузалема къ Кестнеру. Въ романѣ, эта записка нѣсколько перефразирована авторомъ.

ПЯТНАДЦАТИ-ЛѢТНЕЙ ГЕТЕ.

Изъ его автобіографіи: (Aus meinem Leben» 5 Buch.) (*)

„Первую любовь называютъ по справедливости единственною, потому что во второй и черезъ вторую утрачивается высшій ея смыслъ: тутъ сглаживаются возвышающія и питающія первую любовь понятія о вѣчномъ и безконечномъ и она является намъ уже преходящею, какъ и всякое повтореніе.„

Гете. (Ibid. 13 Buch, S. 213).

«На всякую птицу есть приманка и всякаго человѣка можно привлечь и совратить особымъ средствомъ. Природа, воспитаніе, среда, привычки удерживали меня отъ всего что было грубо, и хотя я часто бывалъ въ сношеніяхъ съ ремесленниками и съ простолюдинами, но въ тѣсныя связи не входилъ съ послѣдними. Въ то время я имѣлъ уже довольно смѣлости пуститься на что либо необыкновенное и даже опасное, а иногда чувствовалъ къ тому и влеченіе; но не зналъ съ чего и какъ начать, за что приняться. Самымъ неожиданнымъ образомъ вошелъ я въ сношенія, которыя завлекли было меня въ большую опасность и нѣсколько времени чрезвычайно стѣсняли и мучили. Моя пріязнь къ мальчику, котораго я называлъ Пиладомъ, длилась довольно долго; однако не переходила за мои юношескія лѣта; мы видѣлись рѣдко, потому что родители наши не были знакомы, но лишь бывало встрѣтимся, дружба разгорится. Разъ мы сошлись на прекрасномъ гульбищѣ въ аллеѣ между внутренними и внѣшними воротами Санктъ-Галленскими. Поздоровавшись со мною онъ сказалъ: судьба твоихъ стиховъ все еще прежняя; я читалъ ихъ знакомымъ со мною весельчакамъ, и никто не вѣритъ, чтобы ты могъ ихъ написать.—Пусть такъ, отвѣчалъ я; будемъ писать, будемъ забавляться стихами, а другіе пускай себѣ думаютъ и говорятъ что̀ угодно.

«Вотъ онъ, и самъ невѣрующій! — сказалъ Пиладъ одному изъ

(*) Переводчикъ ограничился въ этомъ переводѣ только тѣмъ, что̀ характеризуетъ юность Гете и поясняетъ его натуру — въ «Вертерѣ».

шедшихъ намъ на встрѣчу пріятелей его.—Не станемъ говорить объ этомъ, сказалъ я: что пользы? ихъ не разувѣришь. — Отнюдь нѣтъ! отвѣчалъ другъ; я этого не спущу....

«Послѣ непродолжительнаго, обыкновеннаго разговора, мой некстати услужливый товарищъ не могъ удержаться и сказалъ съ нѣкоторою досадой: вотъ мой пріятель, авторъ прекрасныхъ стиховъ, въ сочиненіи которыхъ вы ему отказываете! — Онъ за это не прогнѣвается, отвѣчалъ тотъ; мы дѣлаемъ ему честь, полагая, что для сочиненія такихъ стиховъ надо быть ученымъ человѣкомъ; а онъ еще такъ молодъ! — Я отвѣчалъ что-то изъ учтивости; но пріятель мой продолжалъ: не трудно будетъ васъ убѣдить; задайте ему какую нибудь тему; онъ мигомъ напишетъ на нее стихотвореніе. — Я согласился и новый знакомецъ спросилъ меня, берусь-ли я сочинить письмо, въ которомъ скромная молодая дѣвушка открываетъ молодому человѣку свою склонность. — Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ я; было бы только на чемъ написать.—Онъ вынулъ свой бумажникъ и подалъ мнѣ нѣсколько бѣлыхъ листковъ; я сѣлъ на скамью и занялся дѣломъ. Они между тѣмъ ходили взадъ и впередъ, не спуская съ меня глазъ. Я тотчасъ вошелъ въ положеніе лица и вообразилъ, какъ бы выразилась хорошенькая дѣвушка, еслибъ она влюбилась и вздумала открыться предмету своей страсти. И такъ, я безъ запинки началъ свое объясненіе и написалъ его въ короткое время вольными стихами съ перемѣннымъ ритмомъ. Когда я сталъ читать, невѣрующій изумился, а другъ мой пришелъ въ восхищеніе. Я тутъ же отдалъ стихотвореніе незнакомцу, потому что оно написано было на его листкѣ; да къ тому же мнѣ пріятно было видѣть въ чужихъ рукахъ доказательство моихъ дарованій. Не вѣрившій въ мой талантъ оставилъ меня съ увѣреніями въ своемъ уваженіи и изъявилъ желаніе увидѣться снова. Мы условились отправиться вмѣстѣ за городъ....

«Наша прогулка состоялась въ обществѣ многихъ другихъ молодыхъ людей. Всѣ они были изъ средняго, или точнѣе, изъ низшаго званія, но люди не глупые и понабравшіеся въ школѣ нѣкоторыхъ познаній. По утру они переписывали бумаги для адвокатовъ, учили малолѣтнихъ дѣтей; занимались коммиссіями; а по вечерамъ, особенно же по воскресеньямъ и праздникамъ, веселились по-своему...

Тутъ авторъ разсказываетъ, какъ убѣжденный новыми знакомыми

онъ во время прогулки сочинилъ и отвѣтъ на первое письмо. И далѣе!

«Вскорѣ послѣ того, другъ мой убѣдительно приглашалъ меня на вечеринку той же компаніи. Влюбленный давалъ пиръ въ честь своего секретаря-стихотворца...

«Мы сошлись довольно поздно. Ужинъ былъ неважный, но вино порядочное. Забава моихъ товарищей состояла въ томъ, что они дурачили того, кто ихъ угощалъ. Онъ былъ человѣкъ ума ограниченнаго и прочитавъ мое письмо въ стихахъ нѣсколько разъ, готовъ уже былъ вообразить, что самъ написалъ его....

«По врожденному мнѣ добродушію, я находилъ мало удовольствія въ этой злобной шалости и повтореніе одного и того же мнѣ вскорѣ надоѣло. Вечеръ прошелъ бы для меня очень скучно, еслибъ неожиданное явленіе не оживило его. Столъ былъ накрытъ; все было опрятно и въ порядкѣ; кушанье и вино поданы. Мы усѣлись и оставались одни, безъ прислуги; но когда не стало вина, одинъ изъ товарищей позвалъ служанку; вмѣсто служанки, вошла въ комнату дѣвушка красоты необыкновенной. Что вамъ угодно? спросила она, поклонившись намъ ласково: служанка занемогла и спитъ; не могу ли я послужить? — Вина не стало, отвѣчалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, очень не худо было бы, еслибъ ты намъ принесла бутылкочки двѣ. — Принеси, пожалуйста, Гретхенъ, сказалъ другой: до погреба два шага.--Почемужъ нѣтъ,— отвѣчала она, и взявъ со стола двѣ пустыя бутылки, вышла. Оборотясь спиною, она показалась мнѣ еще прелестнѣе. Маленькій чепецъ мило рисовался на головкѣ, которая лебединою шейкою соединялась съ бѣлыми какъ слоновая кость плечиками; все въ ней казалось необыкновеннымъ и я спокойно могъ разсмотрѣть ея станъ: вниманіе мое не развлекалось кроткими, добрыми глазами и миленькимъ ротикомъ. Я замѣтилъ товарищамъ, что они необдуманно послали ночью со двора это милое дитя. Они посмѣялись надо мной, и я скоро утѣшился, когда она воротилась: дѣйствительно, погребъ былъ насупротивъ. — За это садись съ нами, сказалъ кто-то. — Она сѣла, но къ сожалѣнію, не подлѣ меня; выпила рюмку за наше здоровье и удалилась, давъ намъ совѣтъ не засиживаться и не шумѣть: хозяйка-де спать ложится...

«Съ той поры образъ милой дѣвушки преслѣдовалъ меня всюду.

Это было первое немимолетное впечатлѣніе, произведенное на меня женщиною. Не имѣя возможности видѣть ее дома, я сталъ ходить въ церковь и вскорѣ доискался, гдѣ она сидитъ. Въ продолженіе долгаго протестантскаго богослуженія, я могъ досыта на нее насмотрѣться. При выходѣ не смѣлъ я заговорить съ нею, и еще менѣе проводить ее домой. Блаженъ я былъ и тѣмъ, когда она замѣчала меня и на поклонъ кивала головою; вскорѣ представилась мнѣ возможность видѣться съ нею чаще....

«Влюбленный, за котораго я писалъ стихотворныя посланія, убѣдился изъ словъ своихъ друзей, что письмо отдано предмету его вздоховъ и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Шалуны просили меня черезъ Пилада, чтобъ я употребилъ все искусство, весь свой талантъ и сочинилъ бы еще одно краснорѣчивое посланіе...

«Въ надеждѣ увидѣть мою Гретхенъ, я тотчасъ принялся за дѣло и написалъ посланіе такъ, какъ если бы Гретхенъ ко мнѣ писала. Я извлекалъ мысли и чувства изъ ея наружности, изъ ея движеній, выраженія, и былъ въ восторгѣ отъ мысли, что когда нибудь она сама напишетъ мнѣ что нибудь подобное. Такъ обманывалъ я себя. Это было началомъ и многихъ для меня радостей и большаго горя. У меня потребовали письмо; оно было готово и я явился въ назначенный часъ. Дома былъ только одинъ изъ молодыхъ людей; Гретхенъ сидѣла у окна за прялкой; хозяйка ходила по комнатѣ взадъ и впередъ. Молодой человѣкъ пожелалъ выслушать мое сочиненіе. Я сталъ читать съ чувствомъ, поглядывая изъ-за бумаги на прекрасную дѣвушку. Замѣтивъ въ ней какое-то безпокойство, видя легкую краску на ея щекахъ, я старался выразить сильнѣе то, что желалъ-бы услышать отъ ней самой. Ея двоюродный братъ, часто прерывавшій чтеніе похвалами, просилъ меня сдѣлать въ письмѣ нѣкоторыя перемѣны, сообразныя съ положеніемъ женщины хорошаго дома, богатой, извѣстной и уважаемой въ городѣ. Сообщивъ мнѣ, въ чемъ должны состоять перемѣны, онъ вышелъ за какимъ-то дѣломъ. Я остался на скамьѣ, за большимъ столомъ, и принялся за работу; самое письмо покуда оставалось не тронуто; то, что требовало измѣненій, я писалъ на аспидной доскѣ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, потерявъ терпѣніе, я сказалъ: нѣтъ! не клеится.

«Тѣмъ лучше, отвѣчала добрая дѣвушка, — я бы желала, чтобъ

вамъ вовсе неудалось посланіе; вамъ не къ лицу мѣшаться въ такія дѣла.

«Она оставила прялку и подойдя ко мнѣ прочла мнѣ слѣдующую проповѣдь: Дѣло кажется невинной шуткой; оно и есть шутка; но только не невинная. Я не разъ была свидѣтельницей большихъ непріятностей, которымъ подвергались наши молодые люди за подобныя выходки.—Чтожъ мнѣ дѣлать,—спросилъ я—письмо написано и ждетъ только кое-какихъ измѣненій?—Повѣрьте мнѣ,—отвѣчала она—лучше вовсе оставьте это; удержите письмо, спрячьте его; уйдите и предоставьте другу вашему Пиладу уладить остальное; я также замолвлю словечко; вотъ видите, я дѣвушка бѣдная; завишу отъ родственниковъ у которыхъ живу; не могу ихъ упрекнуть въ дурныхъ дѣлахъ, но не могу и скрыть отъ васъ, что они, какъ люди недостаточные, дорожатъ посѣтителями и, ради своихъ пользъ, смотрятъ сквозь пальцы на разныя недозволительныя шалости моихъ двоюродныхъ братцевъ съ компаніей. Я не согласилась переписать первое письмо, какъ ни настаивали; они переписали его сами и тоже могутъ сдѣлать и съ этимъ. А вы—молодой человѣкъ изъ хорошаго дома, независимый, съ достаткомъ, зачѣмъ хотите вы быть орудіемъ въ такомъ дѣлѣ, изъ котораго не можетъ выдти ничего хорошаго; а чего добраго, могутъ выдти и непріятности?—Я радовался, что слышу ее говорящею; это было въ первый разъ; она вмѣшивалась въ разговоръ очень не охотно и мнѣ еще не приходилось услышать отъ нее болѣе двухъ-трехъ словъ къ ряду. Моя наклонность къ ней возросла въ эту минуту до степени невѣроятной; я былъ самъ не свой и отвѣчалъ: я не такъ независимъ какъ вы думаете, и что пользы мнѣ въ состояніи, если мнѣ недостаетъ главнаго, недостаетъ драгоцѣннѣйшаго предмета моихъ желаній.»

«Гретхенъ придвинула къ себѣ листокъ, на которомъ набросано было содержаніе письма, и начала читать въ полголоса, съ выраженіемъ граціи невыразимой.—Это очень мило, говорила она останавливаясь на нѣкоторыхъ мѣстахъ—только жаль, что письмо безъ адреса, что оно не имѣетъ настоящаго назначенія.—Конечно, это было бы прекрасно,—отвѣчалъ я: какъ счастливъ долженъ быть тотъ, кто получитъ такое признаніе отъ дѣвушки, которую несказанно любить.—Да, такую любовь не легко заслужить, возра-

зила она, но дѣло возможное.—Если бы, напримѣръ,— продолжалъ я—нѣкто, который васъ знаетъ и умѣетъ цѣнить, который васъ чтитъ и любитъ до обожанія, еслибъ этотъ *нѣкто* предложилъ вамъ такое письмо, прося сердечно, убѣдительно, подписать его, чтобы вы сдѣлали?—Между тѣмъ, на-искось придвинутый ко мнѣ въ продолженіи разговора листокъ, я снова пододвинулъ къ ней. Она улыбнулась, пробѣжала наскоро письмо, съ минуту подумала, взяла перо и подписала. Я не помнилъ себя отъ восхищенія, вскочилъ и хотѣлъ обнять ее.—Не цѣловать! сказала она спокойно и строго: это что-то слишкомъ обрядное, обыкновенное; но любить—дѣло другое, любить можно.— Я взялъ письмо и спряталъ его въ карманъ, сказавъ торжественно: теперь оно никому недостанется; кончено; вы спасли и осчастливили меня!— Довершите же сами ваше спасеніе, продолжала она: уйдите, прежде чѣмъ прилутъ, не подвергаясь непріятностямъ и затрудненію, въ которое будете поставлены, если не успѣете уйти Я не въ силахъ былъ ее оставить; но она, взявъ въ обѣ руки мою правую руку, стала просить такъ сердечно, такимъ умилительнымъ голосомъ, что я готовъ былъ заплакать, да и сама она прослезилась. Я припалъ лицомъ къ ея рукѣ и мгновенно принудилъ себя уйти. Никогда еще небылъ я такъ счастливъ и такъ растроганъ...

«Не мало удивился я, когда знакомые мои, вмѣсто того чтобы смотрѣть косо на меня или показывать видъ, что вовсе незнакомы со мной, раскланялись со мною при первомъ свиданьѣ весьма дружески. Въ особенности ласковъ былъ младшій изъ родственниковъ Гретхенъ; взявъ меня подъ руку, онъ сказалъ: вы въ послѣдній разъ поступили съ нами плутовски и мы было посердились на васъ; но вашъ побѣгъ и похищеніе письма навели насъ на хорошую мысль, которая безъ того намъ быть можетъ и не пришла бы въ голову. Въ знакъ примиренія, вы можете насъ угостить сегодня; а мы кстати объяснимъ то, что придумали и что, безъ сомнѣнія, порадуетъ и васъ.—Мы усѣлись въ бесѣдкѣ и онъ продолжалъ: послѣ побѣга вашего, мы обстоятельно переговорили между собой и обдумавъ дѣло, сознались единогласно, что мы только попусту, во вредъ другимъ и самимъ себѣ, изъ одной глупой потѣхи, во зло употребляемъ вашъ талантъ, тогда какъ можемъ извлечь изъ него пользу. Вотъ посмотрите; я получилъ заказъ на два стихотворенія; на свадьбу и на похороны. Послѣднее времени не терпитъ; а свадебное понадобится не ранѣе какъ черезъ недѣлю. Если напишете эти два стихотворенія, — вамъ же это ничего не значитъ — вы безъ убытку въ состояніи будете насъ угостить; а мы въ свою очередь останемся у васъ въ долгу. Я согласился. Меня тутъ же ознакомили съ лицами и съ обстоятельствами фамилій, сдѣлавшихъ заказы. Я отошелъ въ сторону, составилъ на-скоро планъ стихотворнаго реквіума и написалъ нѣсколько строфъ. На обратномъ пути мнѣ оставалось только обдумать послѣднія строфы и, возвратясь домой, я успѣлъ еще набросать ихъ на бумагу и просмотрѣть цѣлое; на другой день, поутру, я переписалъ стихотвореніе на бѣло. День показался мнѣ необыкновенно долгъ и, едва смерклось, я былъ уже въ домикѣ гдѣ жила Гретхенъ....

«Видѣть ее, быть съ нею, сдѣлалось для меня вскорѣ потребностью. Ея знакомые и родственники до того привязались ко мнѣ, что мы видѣлись каждодневно, какъ будто это иначе и быть не могло. Гретхенъ никому не позволяла брать себя даже за руку; не терпѣла и недопускала ни малѣйшаго къ себѣ прикосновенія. Иногда садилась она возлѣ меня, когда я читалъ или писалъ; тогда она довѣрчиво облокачивалась на мое плечо, устремивъ взглядъ на книгу. Положенія ея были довольно однообразны, но всегда приличны и исполнены граціи. Кромѣ меня она никому не оказывала этой маленькой фамильярности и вообще не допускала въ обращеніи съ собою ни малѣйшей вольности...

«Въ одну изъ нашихъ загородныхъ прогулокъ присоединился къ намъ молодой человѣкъ, съ которымъ я еще не встрѣчался. Онъ былъ знакомъ съ товарищами, былъ старше ихъ всѣхъ и просилъ чтобъ его познакомили со мной. Въ его физіогноміи, въ его обращеніи было нѣчто пріятное; но его наружность, въ общемъ, невыказывала ничего особеннаго, ничего поразительнаго. На обратномъ пути, я разговорился съ нимъ о разныхъ вещахъ, о современныхъ событіяхъ, о городскихъ происшествіяхъ, о новыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ и о перемѣнахъ въ личномъ составѣ городскихъ чиновъ. Казалось, онъ имѣлъ о всѣхъ этихъ предметахъ довольно ясное понятіе и достаточный запасъ свѣдѣній. При разставаніи онъ весьма убѣди-

тельно просилъ меня о продолженіи знакомства, присовокупивъ, что надѣется въ скоромъ времени получить доказательство моего расположенія. Я не зналъ что̀ онъ этимъ хочетъ сказать, но родственники Гретхенъ объяснили мнѣ, черезъ нѣсколько дней, въ чемъ дѣло. Отзываясь о немъ съ весьма хорошей стороны, они стали просить меня замолвить за него словечко дѣду; рѣчь была о ваканціи на какую-то должность по службѣ. Я было затруднился сначала, отговариваясь тѣмъ, что никогда еще не вмѣшивался въ подобныя дѣла; но убѣжденный ими, наконецъ согласился. Меня нѣсколько поощрило на это и самолюбіе. Я ужъ достигъ того возраста, когда претензія на нѣкоторое вліяніе начинаетъ дѣйствовать; словомъ, я взялся передать дѣду прошеніе моего новаго знакомца и обѣщалъ просить за него....

«Разъ, послѣ обѣда, въ воскресенье, въ то время какъ дѣдъ занимался земляными работами въ саду, я сперва старался задобрить его, помогая ему кое-въ чемъ, и потомъ, не безъ смущенія, приступилъ къ просьбѣ и передалъ ему бумагу. Онъ пробѣжалъ прошеніе и спросилъ: знаешь-ли молодаго человѣка, за котораго просишь? я сообщилъ въ немногихъ словахъ то, что̀ зналъ о немъ. Дѣдъ удовольствовался отвѣтомъ и прибавилъ: если онъ достоинъ и можетъ подкрѣпить твою просьбу доказательствами болѣе существенными, я постараюсь быть ему полезнымъ, сколько ради тебя, столько же и ради его самаго. На этомъ разговоръ намъ прекратился и дальнѣйшая судьба моего кліента осталась мнѣ неизвѣстна, по причинамъ, которыя не замедлю объяснить...

«21 Марта 1764 г. послѣдовалъ торжественный въѣздъ въ городъ Курфюрста Майнцскаго, Эмериха Іосифа. Когда толпа разошлась, я увидѣлъ Гретхенъ въ сопровожденіи Пилада и его невѣсты. Едва мы поздоровались, какъ уже было рѣшено провести вечеръ вмѣстѣ. Я не замедлилъ придти во̀ время и нашелъ въ сборѣ почти все наше общество; каждый находилъ предлогъ что̀ нибудь разсказать или замѣтить, смотря по тому, что кому понравилось или нѣтъ въ церемоніи, которая такъ интересовала милую Гретхенъ. Всѣ ваши рѣчи — сказала она — меня только сбиваютъ съ толку; теперь и то что я видѣла представляется мнѣ въ какомъ-то хаосѣ; а между тѣмъ я желала-бы объяснить себѣ многое. Я отвѣчалъ, что могу оказать ей эту услугу и принялся съ по-

мощію аспидной доски разсказывать и объяснять ей все по порядку съ подробными комментаріями, для которыхъ я имѣлъ достаточный, если не полный запасъ свѣдѣній. Когда я кончилъ, она поблагодарила меня и сказала, что завидуетъ тѣмъ, которые имѣютъ ясное понятіе о вещахъ міра сего, о томъ какъ и что̀ на свѣтѣ дѣлается, и почему именно такъ, а не иначе....

«Во всѣ послѣдовавшіе дни я немогъ придти въ себя; такъ много было и работы, и зрѣлищъ, и случаевъ для прогулокъ, и предлоговъ для бесѣды и удовольствія. Обо всемъ что происходило до дня коронованія и должно было послѣдовать, я обѣщалъ Гретхенъ сдѣлать подробное описаніе. Торжественный день приближался; я болѣе думалъ о томъ какъ буду разсказывать, нежели о томъ, что предстояло разсказать. Все, что мнѣ попадалось на глаза и подъ канцелярское перо, которое по порученіямъ отца не оставалось празднымъ, отмѣчалъ я на̀-скоро и особо, единственно для этой цѣли. Разъ я пришелъ въ жилище Гретхенъ довольно поздно, радуясь напередъ, что разсказъ мой будетъ послѣдовательнѣе и занимательнѣе прежняго, къ которому я не былъ приготовленъ. Нерѣдко случайность доставляетъ намъ болѣе удовольствія, нежели предполагаемъ. Въ собравшемся обществѣ нашелъ я нѣсколько не знакомыхъ лицъ; почти всѣ мои пріятели усѣлись съ нами и занялись картами; я съ Гретхенъ и съ ея младшимъ родственникомъ удалился въ особый уголокъ...

«Мы долго бесѣдовали втроемъ и я былъ неумолкаемъ, такъ что, подъ конецъ, Гретхенъ не знала какъ благодарить меня, и за разсказъ и за возможность которую я ей постоянно доставлялъ бывать на церемоніяхъ съ помощію билетовъ, записокъ, рекомендацій и проч. Мы до того заговорились, что забыли о времени; было далеко за полночь, и тутъ только спохватился я, что со мною нѣтъ ключа отъ дверей нашего дома. Безъ особенной тревоги я немогъ попасть въ домъ; что̀ было дѣлать? Я сообщилъ Гретхенъ мое затрудненіе. — Въ такомъ случаѣ, - сказала она — пусть лучше все общество останется вмѣстѣ до утра. — Всѣ согласились...

«Кофе, которымъ Гретхенъ не замедлила насъ угостить, поддержалъ на нѣкоторое время бодрость общества; но утомительная игра прекратилась и разговоръ изсякъ; хозяйка спала въ большихъ

креслахъ; Пилладъ съ невѣстой усѣлись въ уголкѣ; прочіе размѣстились какъ попало; я съ Гретхенъ сидѣлъ у окна, передъ большимъ столомъ. Все спало; мы тихо разговаривали; но вскорѣ задремала и моя собесѣдница; черезъ нѣсколько минутъ она опустила головку на мое плечо и уснула. Я одинъ не спалъ, и теперь еще припоминаю себѣ странное положеніе, въ которомъ находился, покуда наконецъ добрый братъ смерти не успокоилъ и меня. Когда я проснулся, былъ уже день. Гретхенъ стояла передъ зеркаломъ и охорашивалась. Въ прошедшій вечеръ она была со мною любезнѣе нежели когда либо и при прощаньѣ пожала мнѣ крѣпко обѣ руки.

«Матушка, которой посредничество всегда клонилось къ моей пользѣ, успѣла уже за чаемъ оправдать мое отсутствіе раннимъ выходомъ со двора, и за эту, въ сущности невинную ночь, я неиспыталъ никакихъ непріятныхъ послѣдствій.

«Городскія увеселенія, множество придворныхъ и разнообразіе иностранцевъ, которыхъ я встрѣчалъ въ нашемъ и другихъ домахъ, дѣйствовали мало на меня и оставляли какое-то однообразное впечатлѣніе. Всѣ мои мысли были заняты одною Гретхенъ; я питалъ наклонность только къ ней; всматривался и вслушивался во все для того только, чтобы сообщить ей. Я часто мысленно описывалъ ту или другую церемонію, во время самой церемоніи, и часто вполголоса пересказывалъ многое самъ себѣ, прежде нежели ей разсказать. Товарищи награждали мою словоохотливость громкими одобреніями и похвалами; но только похвалы Гретхенъ были мнѣ по-сердцу....

«Въ эти же дни я былъ представленъ многимъ знатнѣйшимъ лицамъ. Особенное ли расположеніе моего духа или разница въ возрастахъ была причиною, но только я ни съ кѣмъ изъ нихъ не сблизился. Я былъ въ присутствіи ихъ или слишкомъ живъ или совершенно погруженъ въ себя. Какъ бы нибыло, я обратилъ на себя общее вниманіе и мнѣніе обо мнѣ состоялось такое: я подаю большія надежды, но долженъ быть большой чудакъ.

«Наконецъ наступилъ день коронованія (3 Апрѣля 1764); погода благопріятствовала и все было въ движеніи. Мнѣ съ родственниками и знакомыми Гретхенъ удѣлили, въ верхнемъ этажѣ самаго замка (Der Römer), комнату, изъ которой видно было все.

«Пиладъ, его невѣста, я и Гретхенъ отправились въ тотъ же

день вечеромъ гулять по городу, на иллюминаціи; скрытый въ толпѣ, объ руку съ моей возлюбленной, я воображалъ себя въ блаженномъ мірѣ давноминувшаго, на поляхъ Эллизіума, гдѣ деревья повисли вѣтвями отъ тяжести кристальныхъ сосудовъ и золотыхъ плодовъ, готовыхъ по волѣ каждаго превратиться въ желанныя вина и яства. Потребность въ послѣднихъ не замедлила поставить меня въ границы дѣйствительности и мы вошли въ маленькую кофейную, которая къ нашему удовольствію была пуста, потому что все толпилось на площадяхъ и на улицахъ; вчетверомъ, мы провели тутъ большую часть ночи. Любовь, дружба, искренность и веселость были нашими товарищами; въ эти немногіе часы мы были счастливы какъ никто. Когда я проводилъ Гретхенъ до дому и простился съ нею, она поцѣловала меня въ лобъ. Эту милость оказала она мнѣ въ первый и въ послѣдній разъ, какъ бы предчувствуя вѣчную разлуку: къ несчастію, мнѣ болѣе не суждено было увидѣть ее...

«На другой день, когда я еще лежалъ въ постелѣ, вошла матушка, разстроенная и съ лицомъ испуганнымъ. — Вставай, — сказала она — и приготовься къ большой непріятности! Узнали, что ты посѣщаешь дурное общество и замѣшанъ въ какія-то опасныя и негодныя дѣла. Отецъ внѣ себя, и мы только могли уговорить его предоставить разысканіе третьему лицу. Оставайся въ комнатѣ и ожидай что послѣдуетъ. Къ тебѣ придетъ совѣтникъ Шрейберъ. Онъ уполномоченъ отъ правительства и будетъ говорить съ тобой по порученію отца; дѣло уже открыто и можетъ принять дурной оборотъ....

«Я еще не зналъ въ чемъ дѣло, но былъ увѣренъ, что его считаютъ за нѣчто важнѣе, нежели оно есть. За всѣмъ тѣмъ, я не мало былъ встревоженъ при одной мысли, что обнаружатся мои связи, въ которыхъ, впрочемъ, я не видѣлъ ничего предосудительнаго. Наконецъ вошелъ ко мнѣ совѣтникъ Шрейберъ, старинный другъ нашего дома; онъ также казался весьма взволнованъ, и дѣйствительно у него были слезы на глазахъ; онъ взялъ меня за руку и сказалъ: мнѣ жаль сердечно, что прихожу къ вамъ въ такихъ обстоятельствахъ. Могъ-ли я думать, что вы позволите себѣ завлечься такъ далеко. Но до чего не доводитъ дурное общество и худой примѣръ? и вотъ неопытный, молодой чело-

вѣкъ, шагъ за шагомъ, доходитъ до преступленія. — Я не знаю никакого преступленія за собой, отвѣчалъ я, и непосѣщалъ дурнаго общества. — Теперь рѣчь не объ оправданіяхъ, - возразилъ онъ - но о слѣдствіи съ моей и объ откровенномъ сознаніи съ вашей стороны. — Что же вамъ угодно знать? — спросилъ я. Онъ сѣлъ, вынулъ листъ бумаги и началъ спрашивать: не вы-ли ходатайствовали у вашего дѣда за N.N. съ просьбою объ опредѣленіи его на *** мѣсто? Я отвѣчалъ: да. - Гдѣ вы съ нимъ познакомились? - На гуляньи. — Въ сообществѣ съ кѣмъ? — Я замялся, мнѣ нехотѣлось называть имянъ. — Скрытность ни къ чему не послужитъ, - продолжалъ онъ - потому что уже почти все извѣстно. — Что же извѣстно? - спросилъ я. — Что этотъ человѣкъ былъ подосланъ къ вамъ подобными ему негодяями и именно ***. — Тутъ назвалъ онъ имена трехъ лицъ, которыхъ я никогда не зналъ и даже невидывалъ; что я и объяснилъ ему. — Вы запираетесь въ знакомствѣ съ этими людьми, — продолжалъ онъ — тогда какъ нѣсколько разъ участвовали въ ихъ собраніяхъ! — Никогда, отвѣчалъ я, и за исключеніемъ перваго, съ которымъ видѣлся только разъ на улицѣ, я ни съ кѣмъ изъ нихъ не знакомъ. — Часто вы бывали въ *** улицѣ? — Никогда, — отвѣчалъ я.

«Почтенный Совѣтникъ могъ - бы надѣлать еще много напрасныхъ вопросовъ, потому что я дѣйствительно не зналъ того, что онъ приписывалъ моему вѣдѣнію. Наконецъ пришелъ онъ въ нетерпѣніе и сказалъ: за мою довѣрчивость и доброе желаніе помочь вамъ, вы худо платите; я пришелъ чтобы васъ спасти. Вы не отопретесь отъ того, что писали для этихъ людей письма, сочиняли имъ разныя статьи и такимъ образомъ помогали въ негодныхъ намѣреніяхъ. Повторяю, я прихожу чтобы васъ спасти, потому что рѣчь идетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ о дѣлахъ уголовныхъ, о поддѣлкѣ подписей, о фальшивыхъ духовныхъ, подложныхъ векселяхъ и т. п. Я пришелъ не только какъ другъ дома, но отъ имени и по повелѣнію правительства, которое изъ уваженія къ вашей молодости и фамиліи, желаетъ, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ молодыхъ людей, пощадить и васъ. — Мнѣ показалось страннымъ, что въ числѣ поименованныхъ имъ трехъ лицъ, не было тѣхъ съ которыми я былъ знакомъ. Обстоятельства не совпадали, а только соприкасались и я еще сохранялъ надежду умолчать объ именахъ

моихъ пріятелей, но не надолго. Я не могъ не сознаться, что часто возвращался домой поздно ночью, что имѣлъ особый ключъ отъ домовой двери, что я нѣсколько разъ былъ замѣченъ на гуляньяхъ съ людьми низшаго званія и подозрительной наружности; словомъ, все было наружу, кромѣ имянъ. — Не отпускайте меня такъ, - говорилъ слѣдователь - дѣло не терпитъ отсрочки; вслѣдъ за мною придетъ другой и уже не будетъ съ вами столь снисходителенъ; не увеличивайте вашимъ упорствомъ отвѣтственности за дѣло и безъ того уже нехорошее.

«Тутъ мнѣ живо представилось положеніе Гретхенъ и ея родственниковъ; въ меня закралось въ первый разъ подозрѣніе, что ея двоюродные братья, не смотря на безукоризненность ихъ ѳношеній со мною, могли быть виновными, въ особенности старшій, часто возвращавшійся домой поздно ночью, въ какомъ-то тревожномъ расположеніи духа; я уже видѣлъ ихъ въ допросѣ, въ заточеніи, наказанными, въ изгнаніи; но все еще удерживался отъ полнаго сознанія, не называлъ имянъ. — Себя — продолжалъ я — не могу упрекнуть ни въ чемъ, хотя и не могу ручаться за тѣхъ съ которыми проводилъ время и былъ въ пріятельскихъ сношеніяхъ; пусть ихъ ищутъ, пусть ихъ найдутъ, обвинятъ и накажутъ; защищать ихъ не буду, если они преступны; но не хочу быть и виноватымъ передъ тѣми, которые поступали со мною честно, были ко мнѣ всегда привѣтливы. — Онъ не далъ мнѣ договорить и сказалъ съ живостью: Да, ихъ сыщутъ; негодяи сходились въ трехъ домахъ. — Онъ назвалъ улицы и дома; къ несчастію между ними былъ и тотъ, который я посѣщалъ. Первое гнѣздо уже открыто, — продолжалъ онъ вставая — а въ эту минуту добираются и до другихъ. Черезъ нѣсколько часовъ объяснится все. Избавте же себя, добросовѣстнымъ сознаніемъ, отъ судебнаго изслѣдованія, отъ стыда и тому подобныхъ бѣдъ. — Домъ былъ названъ и обозначенъ. Тогда счелъ я дальнѣйшее молчаніе безполезнымъ; скажу болѣе; при безукоризненности нашихъ сношеній, я могъ надѣяться, что откровеннымъ объясненіемъ скорѣе принесу пользу, нежели вредъ моимъ товарищамъ. — Садитесь, — сказалъ я — я вамъ все разскажу; надѣюсь что этимъ успокою и себя и васъ; одно условіе: съ этой минуты требую совершеннаго довѣрія къ моимъ словамъ.

«Я разсказалъ послѣдовательно и спокойно все, что зналъ и что

какъ было; но по мѣрѣ, какъ я распространялся въ подробностяхъ, призывая себѣ на память всѣ лица, всѣ предметы, всѣ обстоятельства, росло и скорбное чувство, при мысли что всѣ наши невинныя радости, наши веселыя бесѣды, всѣ искреннія изліянія нашихъ молодыхъ сердецъ, непомраченныя доселѣ ни однимъ облачкомъ, должны будутъ сдѣлаться гласными, обнаружиться передъ уголовнымъ судомъ. Я чувствовалъ и видѣлъ въ этомъ оскорбленіе прекраснаго чувства, далъ полную свободу моей скорби — и залился горячими слезами. Старый другъ нашего дома, полагая, что напалъ на слѣдъ, что онъ на пути открыть всю истину (онъ принялъ скорбь мою за знакъ нерѣшимости и отвращенія сознаться въ чемъ нибудь ужасномъ), старался меня всячески успокоить, думая тѣмъ скорѣе допытаться правды, но въ этомъ успѣлъ немного, потому что подозрѣнія его не были согласны съ истиной. Подъ конецъ разсказа, казалось, онъ былъ доволенъ слышаннымъ, но не могъ скрыть нѣкотораго подозрѣнія и сдѣлалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ. Раздосадованный, я отвѣчалъ тогда рѣшительно, что ничего болѣе не имѣю сказать и что мнѣ бояться нечего; я невиненъ; я изъ хорошей фамиліи; меня знають; я за себя спокоенъ, — прибавилъ я — но тѣ, которые можетъ быть столь же невинны какъ я, тѣ, за которыхъ некому заступиться, у которыхъ нѣтъ защитниковъ, что будетъ съ тѣми? — Тутъ я возвысилъ голосъ и объявилъ собесѣднику, что если съ ними поступлено будетъ несправедливо, что если за ихъ шалости или даже маленькіе проступки, свойственные ихъ положенію и лѣтамъ, взыщутъ слишкомъ строго и пощадятъ только меня, то я знаю что̀ тогда сдѣлать, что я поравняюсь съ ними участію, совершу ужасное надъ собой и мнѣ никто не помѣшаетъ это исполнить. — И въ этомъ хотѣлъ онъ меня успокоить, но я уже не довѣрялъ ему, и когда онъ ушелъ, я впалъ въ совершенное уныніе. Откровенность моя представилась мнѣ съ черной стороны и я сталъ горько упрекать себя. Мнѣ представилось, что наши дѣтскія шалости, наши юношескія, естественныя наклонности будутъ истолкованы въ дурную сторону; что назвавъ моего добраго Пилада, я впуталъ его можетъ быть въ дѣло, за которое и ему придется отвѣчать. Воображеніе рисовало мнѣ картины, одна другой мрачнѣе, и до того раздражило мои чувства, что не въ состояніи будучи бороться съ

горемъ, я упалъ навзничь и, горько рыдая, орошалъ полъ потоками слезъ.

«Не знаю долго-ли я страдалъ; помню только, что вошла сестра. Испуганная моимъ положеніемъ, она старалась всячески меня успокоить; она говорила, что внизу, въ кабинетѣ батюшки магистратскій чиновникъ ожидалъ возвращенія нашего друга; что всѣ трое заперлись, долго разговаривали, послѣ чего оба гостя ушли, что-то говорили другъ другу, съ видомъ довольнымъ, и что она даже слышала слова: «Это ничего; дѣло обойдется.» Конечно, — отвѣчалъ я, дѣло пустое для меня, для насъ, потому что я невиненъ, а еслибъ и былъ виноватъ, меня бы съумѣли выгородить; но она, они, — вскричалъ я — кто ихъ защититъ! — Сестра всячески старалась мнѣ доказать, что если захотятъ укрыть высшихъ, то принуждены будутъ пощадить и низшихъ. Все это не помогло. Едва она вышла, какъ я снова предался скорби; моя любовь, мои страсти разгорались съ воображеніемъ, которое попеременно рисовало мнѣ картины прошедшаго на черномъ грунтѣ настоящаго, съ его печальными послѣдствіями. Я изобрѣталъ сказки одна плачевнѣе другой и не забывалъ главнаго, заставляя въ особенности страдать героевъ драмы: себя и Гретхенъ....

«Совѣтникъ, уходя, приказалъ мнѣ не выходить изъ комнаты и ни съ кѣмъ, кромѣ домашнихъ, не имѣть сношеній. Это было мнѣ по-сердцу, потому что одиночество согласовалось съ расположеніемъ моей души. Матушка и сестра, время отъ времени, навѣщали меня, не забывая ничего, что̀ могло утѣшить и успокоить меня. На другой день онѣ пришли ко мнѣ съ доброю вѣстью, что батюшка, будучи вразумленъ настоящимъ положеніемъ дѣла, готовъ меня совершенно простить и предлагаетъ мнѣ прогуляться съ нимъ въ замокъ, чтобъ осмотрѣть вмѣстѣ клейноды королевства. Я отвѣчалъ, что прощеніе его принимаю съ благодарностію, но что не только о Римскомъ королевствѣ, но и о цѣломъ свѣтѣ ничего слышать не хочу, покуда не узнаю, что дѣло приметъ такой же оборотъ для моихъ пріятелей, какой приняло для меня. На это онѣ не знали что̀ отвѣчать, и я снова остался одинъ. Въ слѣдующіе дни, онѣ снова пытались сманить меня со двора, предлагая мнѣ принять участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ; напрасно; я стоялъ на своемъ...

«Съ послѣдними звуками колоколовъ, съ послѣднею пушечною пальбою и расходившимся дымомъ, исчезли передо мною и всѣ прежнія впечатлѣнія торжества; я чувствовалъ и жилъ одною скорбію, одною мыслію объ участи товарищей и моей доброй Гретхенъ. Мои мысли не могли установиться ни на чемъ. Чтобы я ни задумалъ, я оканчивалъ однимъ, возвращался къ сознанію бѣдствія, которое принимало въ воображеніи тысячи различныхъ видовъ и образовъ. Мои вымыслы, моя поэзія и реторика, все обращалось къ одной точкѣ, все сосредоточивалось на одномъ болѣзненномъ чувствѣ, угрожая тѣлу и душѣ неизлечимою болѣзнью. Я ни въ чемъ не находилъ утѣшенья, ничему не сочувствовалъ....

Такъ проводилъ я дни и ночи, въ безпокойствѣ и томленіи, покуда тѣлесная болѣзнь не положила конца болѣзни духа; довольно сильные припадки первой были мнѣ облегченіемъ, въ сравненіи съ припадками второй. Призвали доктора и уже стали думать только какъ-бы успокоить меня. Полагали отдѣлаться разомъ, увѣряя меня клятвенно, что со всѣми, болѣе или менѣе замѣшанными въ дѣло правительство поступило весьма снисходительно, что собственно товарищи мои признаны почти невиновными, что имъ сдѣланъ только строгій выговоръ и что Гретхенъ добровольно оставила городъ и возвратилась на родину. Послѣднимъ извѣстіемъ мѣшкали всего болѣе, и въ этомъ не ошибались: въ ея отъѣздѣ не могъ я признать добровольнаго поступка; я видѣлъ въ немъ постыдное изгнаніе и мои страданія достигли своего предѣла, такъ что, когда тѣлесная болѣзнь и время сдѣлали уже свое, я долго еще не выходилъ изъ самомучительнаго состоянія; долго еще не переставалъ теряться въ мрачныхъ исходахъ воображенія, попремѣнно больнаго, то романическими представленіями утраченной любви и минувшаго счастья, то печальными картинами трагическаго событія, встрѣтившаго меня при самомъ вступленіи въ свѣтъ».

ЛИТЕРАТУРА «ВЕРТЕРА».

Литература «Вертера» весьма богата; но она принадлежитъ, большею частію, ко второй половинѣ прошедшаго столѣтія; нынѣ же вообще не интересна и тѣмъ менѣе для читателей русскихъ. Немногимъ желающимъ познакомиться съ нею ближе можно указать на вышедшую въ нынѣшнемъ году книгу: Werther u. s. Zeit, v. Appell, 1865, in 8. Она даетъ въ рецензіяхъ и въ выпискахъ довольно полное понятіе о каждой болѣе или менѣе интересной книгѣ по поводу «Вертера», но только съ этой сторонѣ и заслуживаетъ вниманія, будучи лишена всякой послѣдовательности въ изложеніи. — Здѣсь же достаточно ограничиться однимъ перечнемъ такихъ книгъ.

ПЕРЕВОДЫ.

ФРАНЦУЗСКІЕ:

1. *Les souffrances du jeune Werther, en deux Parties. Traduit de l'original allemand par le B. S. d. S.* 1776. in 8.
2. *Werther, traduit de l'allemand, avee une préface du traducteur.* 1776. in 8.
3. *Les Passions du jeune Werther, traduites par M. Aubry.* 1777. in 8.
4. *Werther. Traduction de l'allemand.* 1797. 2 vol. in 8.
5. *Werther, traduit de l'allemand sur la nouvelle édition.* 1801. 2 vol. in 18.
6. *Werther, par J. W. Goethe, traduit de l'allemand. Edition interlinéaire.* 1803. 2 vol. in 8.
7. *Werther, traduit de l'allemand, de Goëthe.* 1803. 2 vol. in 8.
8. *Werther, traduit en Français et en Italien.* 1803. 2 vol. in 8.
9. *Les souffrances du jeune Werther. Traduction nouvelle par le Cte Henry de La Bedoyère.* 1804. in 12.
10. *Werther. Traduit de l'allemand de Goëthe, par M. Charles Louis de Sevelinges.* 1804. in 8.
11. *Werther.* 1827. 2 vol. in 32.
12. *Werther par Goethe. Traduction nouvelle.* 1839. in 8.
13. *Werther par Goethe. Traduction nouvelle, précédée de considérations sur Werther et en général sur la poésie de notre époque, par Pierre Leroux; accompagnée d'une préface de George Sand.* 1845. in 4.

14. *Werther, par J. W. Goethe, traduit par Havard.* Paris. Édition illustrée. in 4.
15. *Werther par Goethe. Traduction nouvelle et notices biographiques et litteraires de Louis Enault* 1855. in 8. Deuxième édition. 1359. in 8.
16. *Werther, par Geothe, illustré par Ed. Frère.* (1858). in gr. 8.

АНГЛІЙСКІЕ.

1. *The Sorrows of Werter.* 1779. 2 vols. in 12.
2. *The Sorrows of Werter.* 1780. 2 vols. in 12.
3. *The Sorrows of Werter. A. German Story.* 1789. in 8.
4. *The Sorrows of Werter. By William Render D.D.* 1801. in 8.
5. *The Sorrows of Werter.* 1813. in 8.
6. *The Sorrows of Werter.* 1815. in 8.
7. *The Sorrows of Werter, a German Story.* C. Osborne and S. Griffin. 1838. in 8.
8. *The Sorrows of Werter.* 1842 in 16.
9. *Illustrated Literature of all Nations. Nr. 14. The Sorrows of Werter* 1851. in 4.
10. *Cabinet Edition of Classic Tales.* 1852. in 8. *The Sorrows of Werter.*
11. *Bohn's Standard Library. The Sorrows of Young Werter.* 1854. in 8.

ИТАЛІАНСКІЕ.

1. *Werther. Opera sentimento del Dottor Goethe, celebre scrittor todesco, tradotta da Gaetano Grassi Milanese.* 1781. in 8.
2. *Werther. Tradotta dal K. Ludger.* 1788. in 12.
3. *Werther. Opera originale tedesca del celebre signor Goethe, transportata in italiano dal D. M. S.* 1796. in 8.
4. *Werther. Tradotta dal Tedesco.* 1803. in 8.
5. *Werther, opera di sentimento del Dottor Goethe, celebre scrittor tedesco. Nouva traduzione coll' aggiunta di un' apologia in favore dell' opera medesima.* 1808 in 12
6. *Werther, opera di sentimento del Dottore Volfgango Goethe.* 1851. in 8.
7. *Werther. Lettere sentimenteali, publicate dal Dottor Volfgango Goethe.* 1857. in 8.
8. *I dolori del giovine Werther, di Volfgango Goethe.* 1857. in 8.

РУССКІЕ *).

1. Страсти молодаго Вертера. 1794. in 8.
2. Стралания молодаго Вертера, соч. Гете; съ письмами Шарлотты къ Каролинѣ, во время ея знакомства съ Вертеромъ 1796, in 8.
3. Страсти молодаго Вертера, съ письмами Шарлотты къ Каролинѣ. 1816. in 8.
4 Страданія Вертера. Пер. съ нѣм. Р... 1829 in 12.

ИСПАНСКІЕ.

1. *Werther, traducido de aleman por Goethe.* 1803. in 8.
2. *Werther ó las passiones.* Valencia. 1826. in 18.
3. *Las cuitas de Werther. Obra escrita en aleman por Goethe.* 1835. in 8.

Первые два голландскіе перевода появились въ 1776 году, первый шведскій — въ 1783, первый польскій въ 1822 и одинъ маджіарскій заявленъ былъ въ 1862 г.

СОЧИНЕНІЯ:

НѢМЕЦКІЯ.

Vergl. Koch, Grundriß einer Geschichte der Sprache und Literatur der Deutschen.—Jördens, Lexikon deutscher Dichter und Prosaisten.—Nicolovius, ueber Goethe. — Boas, Nachträge zu Goethe's sämmtlichen Werken. — Goedeke, Grundriß zur Geschichte der deutschen Dichtung

(Reitzenstein). Lotte bey Werthers Grab („Ausgelitten hast du, ausgerungen" ꝛc) Wahlheim 1775 in 8

Werther an Lotten Von einem Ungenannten. Im Teutschen Merkur, August, 1775.

*) Иностранная библіографія упоминаетъ о первомъ русскомъ переводѣ г. Киріака, 1789 года, умалчивая о вышепоименованныхъ четырехъ переводахъ, сохранившихся по одному экземпляру въ нашей Публичной Библіотекѣ, между тѣмъ какъ перевода 1789 года въ ней нѣтъ.

(Breitenbach.) Berichtigung der Geschichte des jungen Werthers. 1775.

(Nicolai,) Freuden des jungen Werthers.—Leiden und Freuden Werthers des Mannes ꝛc. 1775.

(Bertram.) Etwas über die Leiden des jungen Werthers und über die Freuden des jungen Werthers. 1775.

(Riebe) Ueber die Leiden des jungen Werthers Gespräche. 1775.

(Goeze.) Kurze aber nothwendige Erinnerungen über die Leiden des jungen Werthers ꝛc. 1775.

Schwacher, jedoch wohlgemeinter Tritt vor den Riß, neben oder hinter Herrn Pastor Goeze gegen die Leiden des jungen Werthers ꝛc 1775.

(Merck) Pätus und Arria, eine Künstler-Romanze. 1775.

(Wagner) Prometheus, Deukalion und seine Recensenten ꝛc. 1775.

(Hottinger) Menschen, Thiere und Goethe, eine Farce ꝛc, 1775.

(Schlettwein.) Briefe an eine Freundin über die Leiden des jungen Werthers 1775.

(Schlettwein.) Des jungen Werthers Zuruf aus der Ewigkeit ꝛc. 1775.

Werther in der Hölle. 1775.

(Dilthey) Werther an seinen Freund Wilhelm, aus dem Reiche der Todten

(Stockmann.) Die Leiden der Jungen Wertherinn. 1775.

(Von Goué.) Masuren oder der junge Werther. Ein Trauerspiel aus dem Illyrischen. 1775.

(Von Bretschneider.) Eine entsetzliche Mordgeschichte von dem jungen Werther ꝛc. (1775)

Eine trostreiche und wunderbare Historia, betittelt: Die Leiden und Freuden Werthers des Mannes ꝛc. (1776.)

Die Leiden des Jungen Werthers, ein Trauerspiel in drey Aufzügen ꝛc. 1776.

Schreiben des Herrn von R*** an das Fräulein von B*** über die Vorstellung des Trauerspiels: die Leiden des jungen Werthers in Nürnberg, nebst einer kurzen Nachricht von der Moserischen Schauspieler-Gesellschaft. 1776. 8 Bll. in 8.

Ernest, oder die unglücklichen Folgen der Liebe. Ein Drama in drey Aufzügen ꝛc. 1776.

(Göchhausen) Das Werther-Fieber, ein unvollendetes Familienstück. 1776.

(Hensler.) Lorenz Konau. Ein Schauspiel in Einer Handlung. 1776.

(Johann Jacob Hottinger. Briefe van Selkof an Welmar ꝛc. 1776.

In ein Exemplar von Werthers Leiden. 1776, S. 190.

Versuch einer Poesie über einen wichtigen Brief des jungen Werthers, von einem Liebhaber der Dichkunst G. A. S. Schwabach, bey Enderes. 1776. in 8.

Klagen unglücklicher Liebe, bey Werthers Grabe im Mondschein. Leipziger Alm. der deut. Musen.

(Schwager) Die Leiden des jungen Franken, eines Genies. 1777.

(Willer.) Werther. Ein bürgerliches Trauerspiel in Prosa und drey Akten. 1778

Und der erschoß sich—nicht Leipzig, Ch G Hilscher. 1778. in 8.

(K. Stockmann) Lieben und geringe Thaten von Werther dem Sekretär ꝛc. 1779.

Man denkt verschieden bey Werthers Leiden, ein Schauspiel in drey Aufzügen.. 1779. 101. S. in 8

(Cranz) Des jungen Werthers Freuden in einer bessern Welt. Ein Traum, vielleicht aber voll süßer Hoffnung für fühlende Herzen, von dem Verfasser der Lieblingsstunden, 1780. in 8.

Bei Werthers Grabe. ꝛc. Im göttinger Musenalmanach für 1783,

Kronholm, oder: Gleich ist Werther fertig. Schauspiel von Heinrich Gottlieb Schmieder. 1783. in 8.

(A. Henselt.) Afterwerther oder Folgen jugendlicher Eifersucht. Original-Schauspiel in 5 Aufzügen. 1784. in 8.

G. E. Lessing, Werther, der bessere. Lachmann'sche Ausgabe von Lessing's sämmtlichen Schriften

Das Werther-Lieber, ein Schauspiel in fünf Aufzügen. Von L. A. Hoffmann. 1785.

Lottens Briefe an eine Freundin während ihrer Bekanntschaft mit Werthern. Aus dem Englischen übersetzt von W. Fr. H. Reinwald. 1788.

(Kayser.) Ueber belletristische Schriftstellerei, mit einer Parallele zwischen Werther und Ardinghello. 1788. in 8.

Narcisse. Eine Englische Wertheriade. Leipzig, 1793. in 8.

(Hoche.) Des Amtmanns Tochter von Lüde. Eine Wertheriade für Aeltern, Jünglinge und Mädchen. Bremen, Wilmans. 1797. in 8. Mit Kupfern.

Der Waldbruder. In Schiller's Horen, Jahrgang 1797, 4, 5 und 6 Stück.

Die Leiden des jungen Werther. Eine bekannt wahre Geschichte ꝛc. 17 .

Die Leiden Werthers. Eine wahre Geschichte ꝛc. 1889. in 8.

Die Leiden des jungen Werthers. Eine wahrhafte Geschichte ꝛc 1806.

Aemil und Julie oder die Unzertrennlichen. Ein Seitenstück zu Werthers Leiden von K. Albrecht. Berlin, bei C. G. Schöne. 1800. in 8.

(Karl Philipp Bonafont.) Der Neue Werther oder Gefühl und Liebe. Von*** o. O. 1804. in 8.

(J. A. Schuster.) Werhers Leiden. Eine lokale Posse mit Gesang &c. 1807.

Praxede oder der französische Werther. Uebersetzt von Saul Ascher. 1809.

Lottens Geständnisse, in Briefen an eine vertraute Freundin.... Aus dem Englischen von Ludwig Gall übersetzt. 1825.

Paul Wigand.) Die Tradition von Goethe-Werther. Lewald's Europa, Chronik der gebildeten Welt, Jahrgang 1839.

Werthers Grab zu Wetzlar. 1839, Nr. 15 und 16.

Die tradition von Goethe-Werther. Ebendas. Jahrgang 1839. Nr. 39 und 40.

Werther. (Zum Goethe-Fest 1847.) Von v. d. Hagen. Im 8 Bande des Neuen Jahrbuches der Berlinischen Gesellschaft für deutsche Sprache und Alterthumskunde, herausgegeben von H. von der Hagen. 1848.

Heinrich Düntzer, Goethe's „Lotte" und „die Leiden des jungen Werthers". Nebst einer Uebersicht der Werther-Literatur. Anhang: 1. Promethes, Deukalion und seinen Recensenten. 2. Menschen, Thiere und Goethe. 3. Pätus und Arria. 4. Lotte bei Werthers Grab. 1849. in gr. 8.

Goethe und Werther. Briefe Goethe's, meistens aus seiner Jugendzeit, mit erläuternden Documenten Herausgegeben von A. Kestner. Stuttgart und Tübingen, J. G. Cotta'scher Verlag. 1854. in 8. Mit dem Bildnisse der Charlotte Kestner, Goethe's Schattenriß aus dem Jahre 1774 und drei Facsimiles. — Zweite Auflage. Stuttgart und Augsburg. 1855.

Goethes Leiden des jungen Werthers. Erläutert von Heinrich Düntzer.

Ueber Werthers Leiden von Goethe. Aus einem Briefe von Jeremias Meyer an August Schuster.

Vergleichung der ersten Ausgaben von „Werthers Leiden" mit den neuern. Im Goethe-Schiller-Museum, herausgegeben von August Diezmann. Leipzig 1858.

Goethe in Dornbourg. Gesehenes, Gehörtes und Erlebtes von K. A. C. Skell, 1864, in 8.

Werther und seine Zeit. Zur Goethe-Literatur. Von J. W. Appell. 1865. in 8.

Die letzten Briefe des Jacopo Ortis. Nach dem Italiänischen herausgegeben von Heinrich Luden. 1807. in 8.

Letzte Briefe des Jacopo Ortis nach der fünfzehnten, der ersten allein gleichförmigen und mit bibliographischen Zusätzen vermehrten Ausgabe. Aus dem Italienischen von Johan Kaspar von Orelli. 1817. in 8.

Letzte Briefe des Jacopo Ortis von Ugo Foscolo. Aus dem Italienischen übersetzt durch Friedrich Lautsch. Mit einer Einleitung. 1829. in 8.

ФРАНЦУЗСКІЯ:

Les Malheurs de l'amour, drame. 1775.

Werther ou le délire de l'amour. Drame en 3 actes et en prose, tiré en partie de l'allemand par le Marquis de Bains. 1780.

Le nouveau Werther, imité de l'allemand. 1786.

Lettres de Charlotte à Caroline son amie, pendant sa liaison avec Werther. Traduites de l'Anglais par Arkreid. 1787.

Lettres de Charlotte pendant sa liaison avec Werther, traduites de l'anglais. 1788.

P. Perrin. Werthérie. 1791.

J. E. Dejaure. Werther et Charlotte, comédie en un acte. 1792.

B. H. de Froberwille. Sydner ou les dangers de l'imagination. 1803.

Georges Duval et Rochefort. Werther ou les égarements d'un coeur sensible. Drame historique en un acte &c. 1817.

Goethe et Werther. Lettres inédites de Goethe, la plupart de l'époque de sa jeunesse, accompagnées de documents justificatifs, publiées par A. Kestner et traduites en français par L. Poley. 1855. in 8.

Armand Baschet. Les Origines de Werther, d'après des documents authentiques. 1855. in gr. 8.

Types modernes en Littérature. Werther, par Emill Montégut. Revue des deux Mondes, XXVe. Année de la nouvelle Période. Tome 1855.

La Jeunesse de Goethe.—Wetzlar et Francfort, par Henry Blaze. Revue des deux Mondes, XVIIe. Année. Seconde Période. Tome 9 Paris 1857.

*Amour et Suicide ou le Werther de Venise, traduit de l'italien par M. d. S***.* 1820. in 12

АНГЛІЙСКІЯ:

E. Taylor. Werter to Charlotte. A Poem. 1784. in 4.

The Letters of Charlotte, during her connexion with Werter. 1786. in 8. And. New York. 1797.

Frederick Reynolds, Werter; a Tragedy, in three Acts. 1786.

Anna Francis. Charlotte to Werter. 1787. in 4.

Lady Wallace. The Ghost of Werter, in a letter to a friend. 1787. in 4.

The Sorrows of Werter. A Poem. By Amelia Pickering. 1788. in 4.

Essay on Novels. A Poetical Epistle. Addressed to an ancient and to a modern Bishop. With Six Sonnets, from Werter. By Alexander Thomson, Esq. Author of Whist, a Poem. 1793. in 4.

ИТАЛІАНСКІЯ:

Anotonio Simone Sografi. Werter, Commedia di cinque atti in prosa.

Nicolo Ugu Foscolo. Ultime lettere di Jacopo Ortis. Edizione XV ed unica fatta sovra la prima. 1814. in 8.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.		Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
I	снизу	6	къ ней,	къ Шарлоттѣ,
XII	»	2	Его портретъ	Портретъ Гефлера
1	сверху	5	запутали	запугали
38	»	13	того,	то,
44	снизу	12	пошло —	пошло...
73	сверху	6	замыслы	замыслы —
107	»	11	и оторвался,	я оторвался,
145	снизу	9	Нореводчикъ	Переводчикъ
148	»	2	Гослара	Вецлара
151	»	1	посреднисчетву	посредничеству
152	сверху	10	Фредерика	Фредерика,
153	»	3	«Я...	Къ стран. 54. «Я...
155	»	1	Пятнадцати-лѣтей	Пятнадцати-лѣтній

Wohl hoffe ich wiederzukommen, aber Gott weiß
wann. Lotte wie war mir bey deinem reden
und Herz, da ich wußte es ist das letztemal
daß ich Sie sehe. Nicht das letztemal, und
doch geh ich morgen fort. Fort ist er. Welcher
Geist brachte mich auf den Discurs. Da ich
alles sagen durfte was ich fühlte, ach mir
war's um hienieden zu thun, um ihre Hand
die ich zum letztenmal küßte. Das Zimmer
in das ich nicht wiederkehren werde, und der
liebe Vater der mich zum letztenmal beglei-
tete. Ich bin nun allein, und darf weinen,
ich lasse Sie glücklich, und gehe nicht aus
ihrem Herzen. Und sehe Sie wieder, aber
nicht morgen ist nimmer. Sagen Sie mei-
nem Albert er ist fort. Ich mag nicht weiter

Dürfte ich Ew: Wohlgeb. wohl zu einer vorhabenden Reise um ihre Pistolen gehorsamst ersuchen? —

J.

d. 29. Oct. 1772. Mittags 1 Uhr